

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО

УНИВЕРСИТЕТА

имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8 (74). № 3

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022**

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
протокол № 5 от 12 октября 2022 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литературы) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 12.10.2022. Формат 70x100 1/16.
 Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.
 Дата выхода в свет

Отпечатано в Издательском доме
 Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
 Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7. <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2022 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.1 61.1:82-1

Ф. И. ТЮТЧЕВ И КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 гг.

Баранская Е. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
E-mail: eleni313@mail.ru*

В статье прослеживается состояние общественного сознания России середины XIX в. и отражение исторических событий эпохи в поэтическом творчестве, публицистике и эпистолярной Ф. И. Тютчева. Анализируется восприятие событий Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. русским мыслителем с учетом психологического склада его личности. Исследуется политическая лирика поэта 1840–1850-х гг., которая отражает глобальное историческое видение поэта. Выясняется, что отправной точкой в картине мира Ф. И. Тютчева является Россия – ее история и глобальное мировое предназначение, что определяет как собственно политическую деятельность мыслителя, включенного в информационную политику русского государства, так и его публицистические труды, в едином массиве с которыми выступает политическая лирика. Подчеркивается, что события и исход Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. переживались поэтом как личная трагедия и вносили существенные коррективы в политическую концепцию Ф. И. Тютчева взаимоотношений России и Европы.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг., история России, политическая лирика, публицистика, эпистолярный.

ВВЕДЕНИЕ

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. – крупнейшее событие европейской истории и переломный момент истории отечественной. Эпохальные события закономерно нашли отражение в поэтическом творчестве и эпистолярной представителей русской культуры, в частности Ф. И. Тютчева.

Поэт, публицист, философ, дипломат – Ф. И. Тютчев отнюдь не был сторонним созерцателем исторических катаклизмов, он был погружен в историю, жил ею, а исторические события в его поэзии исполняли «функции аргументов, доказывающих его политические убеждения» [5, с. 49]. Проницательный дипломат, Ф. Тютчев анализировал, делал выводы, прогнозировал будущее – как России, так и всей Европы. Но его размышления все же были сосредоточены главным образом на России. «<...> Он и Россия – одно целое, и он не помышляет ни о чем другом, кроме как о величии, процветании и совершенствовании, нравственном и материальном, своей страны» [цит. по: 9], – писал о Ф. Тютчеве К. Пфэффель (брат его второй жены Эрнестины Ф. Тютчевой) в 1870 г.

В Восточной войне, указывал биограф поэта К. В. Пигарев, Ф. И. Тютчев увидел «вещее предзнаменование, перст промысла, указующий России путь к ее “таинственной мете”» [20, с. 150], а деятельность западных держав расценивал как «“заговор”, направленный на то, чтобы преградить России путь к осуществлению ее провиденциальной миссии» [20, с. 150]. И поначалу Тютчев был «окрылен надеждами» (К. В. Пигарев) [20, с. 150], но надежды не вытесняли реалистичный взгляд на исторические события; поэт мучительно переживал пропасть между размышлениями о

великой миссии России Православной и поражениями на международной арене. Ход Крымской войны переживался поэтом драматично: «<...> Наш ум, наш бедный человеческий ум захлебывается и тонет в потоках крови <...>. Никогда еще, быть может, не происходило ничего подобного в истории мира: империя, великая, как мир, имеющая так мало средств защиты и лишенная всякой надежды, всяких видов на более благоприятный исход», – писал он Эрн. Ф. Тютчевой 17 сентября 1855 г. [32, т. 5, с. 227–228]. Поэт находился в предчувствии «страшной катастрофы» [32, т. 5, с. 191], о чем годом ранее, 18 августа 1854 г., писал жене: «О негодяи! Бывают мгновения, когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения, как заживо погребенный, который внезапно приходит в себя» [32, т. 5, с. 191]. Трагизм восприятия действительности не разрушал общей мировидческой концепция Ф. И. Тютчева, но обновлял ее, избавлял от иллюзорности. По замечанию В. В. Кожина, поэт «вернее и глубже видел теперь лик России», но «сомнений в величии судеб родины» у него не было [9].

Политическая лирика Ф. И. Тютчева отразила эволюцию политической концепции, выраженной в его публицистических работах. По замечанию Н. М. Шишковой, «начиная с 1844 (с первых политических статей, опубликованных в Германии), и вплоть до 1854 г. все высказывания Тютчева на политические темы <...> могут рассматриваться как часть единого замысла. Этот замысел имеет название “Россия и Запад” <...>» [37]. При этом психологический склад Тютчева обусловил чуткую восприимчивость к политическим событиям эпохи, что в совокупности с незаурядными аналитическими данными способствовало формированию провидческого дара, о котором единодушно говорили как современники поэта, так и потомки: «Пророк в своем Отечестве» [9] (В. В. Кожин).

Во многих политических стихотворениях проявляется «связь высокой мистики и подчас публицистически выражающей себя полемики» [28, с. 79]. К сфере «политической лирики» Ф. Тютчева, вслед за П. Н. Толстогузовым, относим как «отклики поэта на политические события», так и «стихотворения, которые содержат поэтическое видение глобальных исторических проблем» [28, с. 76].

Завершенность поэтико-психологическому портрету Ф. И. Тютчева придают его письма, которые правомерно расценивать как «страницы политической истории России и Европы XIX в.» [35, с. 405].

Цель нашей статьи – проследить, как события Крымской войны отразились в литературном творчестве и эпистолярной Ф. И. Тютчева, и выявить степень сопряженности творческой эволюции автора с исторической данностью.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Брошюру 1844 года «Россия и Германия (Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей Газеты)» Ф. И. Тютчев открывал словами: «Я русский <...> русский сердцем и душой, глубоко преданный своему отечеству <...>» [32, т. 3, с. 111]. Далее дипломат-поэт упрекал печать Германии в отсутствии «политического такта», в создании общественной атмосферы ничем не оправданной ненависти к России [32, т. 3, с. 122]: «Чем, если не нравственной безответственностью, объяснить ту пламенную, слепую, неистовую враждебность к России, которой она предается в течение многих лет?» [32, т. 3, с. 125] – вопрошал Ф. И. Тютчев. Он предвидел близкую опасность от нарастающей недоброжелательности в отношении к России [32, т. 3, с. 128], полагал, что Германия транслировала отношение к России всего Запада, и постепенно включался в противостояние с антироссийской информационной политикой европейских государств.

Европейские настроения Тютчев знал очень хорошо. Уже в 1829 г. он воспринимался как заметная фигура в мюнхенском обществе, перед ним был открыт «доступ в придворные круги и светские салоны Мюнхена» [6, с. 21]. Проницательность дипломата вызвала эффект «камня, брошенного в воду», и провоцировала политические дискуссии [6, с. 22]. На рубеже 1820–1830-х гг. Ф. Тютчев сотрудничал с главой Российской миссии в Мюнхене И. А. Потемкиным, который высказывал мысль «о необходимости организовать противодействие антирусским тенденциям европейской печати, принимающим все более агрессивный характер» [6, с. 29]. С лета 1841 г. [6, с. 129; 18, с. 92] Тютчев уже не состоял в штате МИД, но жил в Мюнхене и «остро реагировал на материалы антирусской направленности» [19, с. 234]. После выхода в отставку посвятил себя организации «систематического воздействия на европейское общественное мнение путем консолидации действий европейских публицистов, известных своими симпатиями к России» [6, с. 35].

В условиях, когда европейской печатью целенаправленно культивировались антирусские настроения, перераставшие в истерию [15, с. 37], дипломатическая деятельность Тютчева нашла продолжение в его публицистических трудах. На этом поприще Ф. И. Тютчев «пересекался» с ведомством графа А. Х. Бенкендорфа, которое выполняло функции контрразведки. Глава III Отделения Бенкендорф осознавал необходимость системного подхода в вопросах противодействия «агрессивным выпадам европейской печати» в отношении России [13, с. 146, 145]. Ф. И. Тютчев в 1843 г. предложил Бенкендорфу собственный проект контрпропаганды [13, с. 148]; получил год, чтобы «проработать все практические детали» [18, с. 95], и предложение «самому активно выступать в европейской печати» [18, с. 95]. После смерти Бенкендорфа (23 сентября 1844 г.) Тютчев напрямую обратился к императору с предложением «завязать прочные отношения с какой-нибудь из наиболее уважаемых газет Германии, обрести там радетелей почтенных, серьезных, заставляющих публику себя слушать <...>» [цит. по: 13, с. 149]. Николай I одобрил рвение поэта, но с реализацией проекта не торопился. Правда, одобренные «сверху», публицистические работы Ф. И. Тютчева «Россия и Революция» (Николай I пожелал, чтобы «она была опубликована за границей» [10, с. 232]) и «Папство и Римский вопрос», появились во французской печати, однако их заглавия были изменены редакцией таким образом, что тексты стали восприниматься как «позиция российского официоза» [13, с. 149], что не позволило добиться должной степени доверия читателя к авторскому мнению.

«Разлив враждебных криков против России» [32, т. 3, с. 125] в Германии через несколько лет, в преддверии Восточной войны 1853–1856 гг., зазвучал в унисон с агрессивными, полными «бешенства и лжи» выпадами против русского мира со стороны Англии и Франции («мнимых христианских обществ» [32, т. 5, с. 150]). В 1840-е годы «словесное буйство» ненависти, в восприятии Ф. И. Тютчева, – всего лишь «холостая пальба по России», расцениваемая русским обществом как «безвкусное развлечение» [32, т. 3, с. 128]. Однако в 1850-е годы спор между Францией и Россией о преимущественном владении христианскими святынями на территории Турции спровоцировал реальный вооруженный конфликт. Целью военных действий России было освобождение Дунайских княжеств от турецкого гнета [16, с. 23–24]. Но французской прессой усиленно насаждалась мысль о «русской угрозе» для Европы, о неизбежности войны с Россией – «северным колоссом» [14, с. 11–13], царством рабства и дикости, угрожающим «уничтожить европейскую цивилизацию» [17, с. 48]. В европейском обществе

пробуждались стереотипные представления о русских, как о подобии архаичных варваров-завоевателей [14, с. 68–70]. В России при этом положение единоверцев на Востоке воспринималось как «вопрос жизни и смерти» [27, с. 137], и это вело к подъему патриотических настроений, отразившихся в литературе и публицистике, где актуализировалась тема помощи братьям-славянам. Во главе патриотически настроенных кругов русского общества были братья К. С. и И. С. Аксаковы, А. Д. Блудов, М. П. Погодин, Ф. И. Тютчев и др. С. Т. Аксаков, скажем, ратовал за «восстановление славянского мира», без которого «нет для нас торжества» [8, с. 389]. Ф. И. Тютчев при этом настаивал на особой культурной и идеологической миссии Святой Руси.

1831 годом датируется стихотворение «Как дочь родную на закланье...» (первая полная публикация – 1851 г.), в котором «впервые прозвучали идеи и появились образы, которые получают развитие в 1840–1860-х гг. – «знамя Русское», «слово Русского народа», «подвиг просвещения» [32, т. 1, с. 485] и др. В 1848 г. написано стихотворение «Море и утес» (впервые опубликовано в 1886 г.), которое, по мнению И. С. Аксакова (биографа Ф. И. Тютчева), «изображает Россию, ее твердыню, среди разъяренных волн западноевропейских народов, которые, вместе с всеобщим мятежом, были внезапно объаты и неистовою злобою на Россию» [1, с. 116]. Именно «угрозы и хулы на Русь со стороны иностранцев» [1, с. 116], уверял биограф, послужили поводом к созданию произведения. К такому умозаключению его подталкивало содержание тютчевской работы «Россия и Революция». Однако думается, что И. С. Аксаков видел это стихотворение и в более широком контексте. В русской литературе к тому времени уже сложилась заметная тенденция – отвечать на антироссийские выпады Европы. Наиболее яркий образцом произведений этого ряда явилась пушкинская ода «Клеветникам России». Гражданская и поэтическая позиция Тютчева во многом согласовалась с пушкинской, и в этом отношении политическая лирика Тютчева может восприниматься продолжением пушкинской традиции, что, очевидно, ощущал И. С. Аксаков и на что обращают внимание современные исследователи [12, с. 81]. С легкой руки В. Я. Брюсова «Море и утес» считается одним из «лучших политических стихотворений Тютчева»: в образах моря и утеса представлена мощь русского мира и бессилие европейской революции. «Море и утес» Ф. И. Тютчева акцентирует «мотив противоборства между христианством и революцией как двумя метафизическими силами» [7, с. 31] – полагает Д. В. Долгушин. Примечательно, что образы «моря» и «утеса» созданы поэтом в результате переосмысления созданного В. А. Жуковским стихотворения «К русскому великану»: Ф. И. Тютчев интонирует религиозные образы. «Душой Революции» назван «антихристианский дух» [32, т. 3, с. 144], противостоящий христианскому «смирению и самоотвержению». Показателен комментарий Д. В. Долгушина к первой строфе: «Тютчев <...> описывает бунтующую воду-революцию как стихию откровенно inferнальную» [7, с. 31].

Попытаемся в общих чертах сформулировать политическую концепцию Тютчева. Россия для него – легитимная Христианская Империя (следующая после Римской «Пятая Империя»), с гибелью которой погибнет весь земной мир. Империя, по Тютчеву, – это политическая константа мировой истории. (Он был сторонником теории «переноса Империй», согласно которой «Вселенская Монархия – это *Империя*. Империя никогда не прекращала своего существования. Она только переходила из рук в руки» [32, т. 3, с. 198]). И в представлении Тютчева, «Империя едина: Православная Церковь – ее душа, славянское племя – ее тело» [32, т. 3, с. 196]. Русские самодержцы перенимают законную

власть от византийских императоров – преемников Константина Великого. События современности воспринимаются Тютчевым, как попытка Запада узурпировать *имперскую* власть. Причем попытки эти берут начало с эпохи Наполеона – «сына Революции» («Наполеон», ч. I, 1850) [32, т. 1, с. 219]. Противостоять разрушительной Революции, завершить «на Западе революционное междуцарствие трех последних веков» и положить «начало в Европе новой эре» способна лишь Россия – хранительница Вселенского Православия. Таким образом, «Восточная Империя – это Россия в полном и окончательном виде» [32, т. 3, с. 196]. Однако современной России, чтобы окончательно превратиться в «Восточную Империю» [32, т. 3, с. 196], необходимо предпринять ряд шагов: присоединить Грецию, Константинополь, славянские земли, которые все еще под властью Австрии и Турции. И тогда свершится: «Православный Император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима. Православный Папа в Риме, подданный Императора» [32, т. 3, с. 201] (<Отрывок>, 13 сентября 1849). Ф. И. Тютчев остро переживал предчувствие глобальных перемен: «И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? <...> Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре <...>» [32, т. 3, с. 157].

В последующие два года стихотворный ряд, непосредственно связанный с публицистическими трудами Ф. Тютчева (трактат «Россия и Запад» (1849), статьи «Россия и Революция» (1848), «Папство и Римский Вопрос» (1849–1850)), дополнили стихотворения «Русская география» (1848 или 1849), «Рассвет» (1849), «Пророчество» (1850), «Тогда лишь в полном торжестве...» (1850), «Уж третий год беснуются языки...» (1850).

«Русская география», датируемая 1848 или 1849 г. (первая публикация – 1886 г.), – отклик на революцию в Европе, утверждающий незыблемость российского мира и отражающий чаяния поэта, в которых Россия – Империя трех столиц и семи морей: «Москва и Град Петров, и Константинов Град – / Вот царства Русского заветные Столицы... / Но где предел ему? и где его границы – / На север, на восток, на юг и на закат?... / Грядущим временам судьбы их обличат...» [32, т. 1, с. 200].

14 марта 1848 г. появился Манифест Николая I по поводу революционных событий в Австрии и Пруссии. Спустя неполных два года, в январе 1850 г., вышла статья Ф. И. Тютчева «Папство и Римский вопрос» (ж. «Revue des Deux Mondes»), где Революция – производное от католицизма, которому присущ неприемлемый для нравственности русского человека дух индивидуализма. Народы Запада, идущие по пути разрушительной революции, обречены на подчинение политическому механизму, на идолопоклонство, подменившее истинную религию. России судьбой предназначено уберечь Европу от революционного саморазрушения. Во главе России православной – православный монарх. Тогда же, в марте 1850 г., в печати появилось стихотворение «Уж третий год беснуются языки...», передающее читателю концептуально важное для Тютчева представление об исторической судьбе России: «Подавлен ум зловецю тоской; / Мечты людей, как сны больного, дики. / Но с нами Бог!.. <...> / <...> но... «да не будет тако!» – / Ты рек, – и вспять отхлынула волна» [32, т. 2, с. 15].

1 марта 1850 г. последовало стихотворение «Пророчество». Впервые опубликованное в 1854 г. (ж. «Современник»), стихотворение вызвало резонанс в русском обществе и осторожные отклики ближайшего поэту окружения, что, впрочем, не снизило интереса к тексту. Стихотворение развивает мысль политического трактата «Россия и Запад» об основополагающих началах России: «Славянское племя,

православная Империя». «Россия гораздо более православная, нежели славянская, – считал Ф. И. Тютчев. – И, как православная, она является залогохранительницей Империи» [31, с. 222]. В прошлое ушли «4 империи: Ассирия, Персия, Македония, Рим. С Константина начинается 5-я и окончательная Империя, христианская Империя» [32, т. 3, с. 198]. Уже в конце марта 1850 г. в письме к П. А. Вяземскому Тютчев определенно говорит о пути развития России, отличном от западного: «Достаточно было бы только оставаться там, где мы поставлены судьбою. Но <...> вместо сохранения за нашею мыслью относительно Европы той точки опоры, которая естественно нам принадлежит, мы ее, эту мысль, привязали, так сказать, к хвосту Запада. Я говорю – мы, но не Россия» [32, т. 5, с. 16]. Запад уничтожил себя сам, его История завершается «на наших глазах», потому что это – «история узурпированной Империи» [32, т. 3, с. 198]. И поэт не был одинок в своих убеждениях. Их в значительной мере поддерживал Я. П. Полонский, который изначально разделял представления Ф. И. Тютчева о российской империи как о «святом ковчеге» спасения посреди бурь, потрясающих западноевропейские страны (ст. Ф. Тютчева «Россия и Революция») [3, с. 59]. В начале 1850-х гг. в стихотворении Я. П. Полонского «Заступница» православная Россия представлена как воительница во славу Христа и «заступница» за весь православный люд [3, с. 59]. Даже в Крымскую кампанию в стихотворении «Рыцарская ошибка» Я. П. Полонский рисует новый Константинополь на берегах Крыма, в Севастополе, где «даль гудит колоколами», / «Словно чудо вырастает / Яркий купол над водою, / – Крест <...> сияет / Путеводною звездою» [24, с. 104].

Публикация «Пророчества» осуществилась, когда в русском обществе были еще сильные патриотические надежды после череды побед (Нахимова, Бебутова и на Дунае). 19 марта 1854 г. Эрнестина Федоровна в письме к А. Ф. Тютчевой отмечала: «Я очень довольна, что стихи твоего отца появились сейчас – все увидят, что он думал, что предчувствовал еще тогда, когда все умы были в оцепенении, нет сомнения, что в нем есть нечто от пророка – ведь поэт – пророк» [29, с. 261]. Правда, 12 марта 1854 г. министру народного просвещения А. С. Норову генерал-адъютант Н. Н. Анненков направил «конфиденциальное» отношение, передающее мнение императора Николая I о несвоевременном характере публикации текста: «Государь император, прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: “подобные фразы не допускать”» [цит. по: 32, т. 5, с. 347]: «Пади пред ним, о царь России, – / И встань – как Всеславянский царь!» [32, т. 2, с. 14].

Стихотворение «Рассвет» (1849), созданное за несколько лет до начала Крымской войны, также впервые было опубликовано уже в разгар военной кампании – в 1854 г. (ж. «Современник»). За короткое оно время пережило несколько изданий: в составе сб. патриотических стихотворений В. Деметьева «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..» (1854), сб. «Братьям-славянам». «Рассвет» сохранял актуальность долгие годы: говорил «даже больше, чем хотел сказать сам поэт» (В. Я. Брюсов) [32, т. 1, с. 509]: «Вставай же, Русь! Уж близок час! / Вставай Христовой службы ради! / Уж не пора ль, перекрестясь, / Ударить в колокол в Царьграде?» [32, т. 1, с. 218]. Современниками стихотворение связывалось с событиями Крымской войны, на что, в частности, указывал П. И. Капнист в 1865 г.: «Основной смысл этой пьесы не утратил своего значения, и она совершенно свежа теперь, спустя 15 лет, тогда как столько стихов, навеянных другим поэтам тою же крымскою кампанией, теперь уже – анахронизмы...» [цит. по: 32, т. 1, с. 509].

14 июня 1853 г. Николай I выступил с манифестом «О движении российских войск в Придунайские княжества»: «Не завоеваний ищем мы; в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного» [8, с. 375]. 22 июня июля два корпуса русской армии вступили на территорию Молдавии. После победы русской эскадры под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в Синопском сражении (18 ноября) в публикациях и адресах славянофилов озвучиваются идеи «освобождения славян», призывы к русскому монарху короноваться в Царьграде, объединить славянские народы под своей державной рукой. Славянофил А. С. Хомяков в стихотворении «К России» (март 1854 г.) подчеркивает мессианское предназначение страны: «Тебя призвал на брань святую, / Тебя господь наш полубил, / Тебе дал силу роковую, / Да сокрушишь ты волю злую / Слепых, безумных, буйных сил» [34, с. 136]. Патриотические упования владели российским обществом. П. А. Вяземский, далекий от славянофильских кругов, восклицает: «Нахимов, Бебутов – победы-близнецы!» [8, с. 381]; его «Песнь русского ратника» (28 июня 1853 г.) с призывом к защите южных славян от гнета Турции вызывает бесконечное восхищение четы Тютчевых: Эрн. Ф. Тютчева распространяет копии «Песни» среди парижских знакомых, а Федор Иванович способствует ее публикации в «Северной пчеле» [29, с. 257]. В 1854 г. П. А. Вяземский выпустил сборник патриотических стихотворений «К ружью!», где звучит готовность «русского ратника» сразиться за «Русь Святую» и отстоять «наш поруганный алтарь» [17, с. 44–45]. Пафосом единодушного патриотического порыва был пропитан и сборник В. Дементьева (1854) «С нами Бог! Вперед! Ура!..» [26], объединивший поэтов – братьев по вере: русских, украинцев, безымянного серба. Здесь опубликованы стихотворения С. Шевырева, О. Миллера, Ф. Глинки, Ф. Тютчева, А. Майкова, П. Вяземского, С. Раича, Н. Арбузова, В. Поедугина, И. Ваненко и др. Хронология военных событий, преимущественно, определила тематику сборника: от ликований по случаю победы Нахимова в Синопской битве до негодования по поводу вероломной политики Англии и Франции, экскурсии в славное прошлое России (суворовские походы, Отечественная война 1812). Темы объединены религиозной направленностью сборника: Россия выступает как хранительница православия [2, с. 96].

В письме к Эрнестине Ф. Тютчевой от 27 сентября 1853 г. появляются строки стихотворения «Неман» («Проездом через Ковно») (датируется 5–7 сентября 1853 г.), связанного с переходом через реку армии Наполеона в 1812 г. В картине мира Ф. И. Тютчева события отечественной истории 1812 г. логически связаны с современностью, наталкивают на предвидение грядущих военных действий Запада против России. В феврале 1854 г. «Неман» появляется в печати (сб. «Раут»). В марте Франция и Англия объявили войну России, вскоре к ним присоединилась Италия. Стихотворение воспринимается как остро актуальное: в том же 1854 г. публикуется «Современником».

Напряженность международной ситуации поселяет в душе поэта чувство тревоги, отчасти растерянности и заставляет с особым напряжением искать ответы на давно волнующие вопросы. Характерно, что в поисках ответа, Тютчев обращался даже к потустороннему миру духов. 3 октября 1853 г. в письме к жене он признавался в попытках разрешить два важных вопроса («вопрос о войне» и «правду ли говорят столы»), прибегая к помощи «вертящихся и пишущих столов»: «<...> по-видимому, только одни столы и занимаются текущими событиями, ибо именно стол, отвечая на мой вопрос, написал мне самым красивым своим почерком, что в *будущий четверг*, то есть 8/20-го этого месяца,

появится манифест с объявлением войны» [32, т. 5, с. 142]. Отметим: обращаясь к спиритизму, Ф. Тютчев разделял «нервное настроение» русского общества. По словам кн. В. П. Мещерского, в 1854 и 1855 годы «<...> явления и опыты спиритизма, в форме вертящихся столов и пишущих карандашей, происходили чуть ли не в каждой гостиной Петербурга» [11, с. 37].

Об увлечении поэта спиритизмом («столоверчением») свидетельствовала и его дочь. Из дневника А. Ф. Тютчевой от 14 ноября 1853 г.: «Отец <...> с головой увлечен столами, не только вертящимися, но и пророческими. Его медиум находится в общении с душой Константина Черкасского <...>. Странно то, что дух этого стола, как две капли воды, похож на дух моего отца: та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог» [33, с. 74]. 6 апреля 1854 г.: «Мой отец находится в состоянии крайнего возбуждения, он весь погружен в предсказания своего стола, который <...> делает множество откровений, как две капли воды, похожих на собственные мысли моего отца. Стол говорит, что восточный вопрос будет тянуться 43 года, что он разрешится только в 1897 г., когда потомок теперешнего императора вступит на константинопольский престол...» [33, с. 81]. По-видимому, в промежутке между этими дневниковыми записями [32, т. 2, с. 402] было написано стихотворение «Спиритистическое предсказание» (ноябрь 1853 г. – апрель 1854 г.), навеянное военными действиями российской армии на Дунае: «Дни настают борьбы и торжества, / Достигнет Русь завещанных границ, / И будет старая Москва / *Новейшею* из трех ее столиц» [32, т. 2, с. 63].

Обращение к спиритизму, скорее всего, было способом побороть тревожные предчувствия. По всей видимости, поэт создавал возможность трагического развития событий. 24 февраля 1854 г. он признавался Эрн. Ф. Тютчевой: «Я был <...> из самых первых, видевших приближение и рост этого страшного кризиса, – и теперь, когда он наступил и готовится охватить мир, чтобы перемолоть и преобразовать его, я не могу представить себе, что все это происходит на самом деле и что мы все без исключения не являемся жертвой некоей ужасной галлюцинации» [32, т. 5, с. 160]. Страдальческий путь России для него не внове. Письма Ф. Тютчева родным достаточно красноречиво говорят об этом; тягостными настроениями пропитаны письма к Эрн. Ф. Тютчевой.

3 октября 1853 г. Поэт пишет о предощущениях «событий, готовящихся потрясти мир», а между тем: «Здесь, – в салонах (в С.-Петербурге – *Б. Е.*), разумеется, – беспечность, равнодушие и косность умов феноменальны» [32, т. 5, с. 142].

16 октября 1853 г. Ожидание «манифеста в ответ на объявление турками войны» [30, т. 5, с. 144].

16 ноября 1853 г. Тютчев признается: «Да, в недрах моей души – трагедия!» [32, т. 5, с. 149]. Он говорит о пребывании в «состоянии внутренней тревоги», которая поглощает его в преддверии чего-то «грозно-промыслительного» [32, т. 5, с. 150], навеянного ложью печати Англии и Франции о России. Здесь – одно из пророчеств поэта: «<...> Я глубоко убежден, что этот кризис, столь медленно приближавшийся, будет гораздо страшнее и гораздо длительнее, нежели я предполагал. Остатка этого века едва хватит для его разрешения. Россия выйдет из него торжествующей, я знаю, но многое в теперешней России погибнет» [32, т. 5, с. 150–151].

19 декабря 1853 г. Ф. Тютчев неотрывно следит за событиями на Черном море и за европейскими настроениями: «<...> Давно уже война висела в воздухе <...>. Ничто не выражает так ясно всю меру ненависти к России, как это смехотворное бешенство французских и, в особенности, английских газет после наших последних успехов <...>

Весь вопрос для меня сводится к следующему: окажется ли ненависть к нам Запада <...> сильнее ненависти, которая их разделяет? <...>» [32, т. 5, с. 155].

24 февраля 1854 г. Восточный кризис вызывает все возрастающую тревогу поэта: «<...> Больше обманывать себя нечего – Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой. <...> Это – вечный антагонизм между тем, что <...> приходится называть: Запад и Восток» [32, т. 5, с. 160].

10 марта 1854 г. Ф. Тютчев – в ожидании атаки на столицу англичан и французов «с их четырьмя тысячами артиллерийских орудий и всеми новейшими изобретениями современной филантропии», которые готовы «проникнуть до самой Невы» и «доставить себе удовлетворение если не взять Петербург, то нанести ему оскорбление» [32, т. 5, с. 162]. И вновь звучит пророчество, в котором – вера в правоту и мощь России: «<...> Мы в состоянии оказать им достойный их прием. <...>. Все это бешенство, и все это лицемерие, и это нелепое хвастовство, и эта бесстыдная ложь... <...> Господь в своем правосудии даст этим молодцам урок, который им запомнится» [32, т. 5, с. 163].

Осенью 1854 г. Россия переживает череду неудач в Крымской войне: поражение в битве при Альме (8 сентября), потеря Балаклавы и начало осады Севастополя (24 сентября), поражение при Инкермане (24 октября). 24-го октября 1854 г. Ф. И. Тютчев громко заявляет в стихах: «Теперь тебе не до стихов, / О слово русское, родное!» [32, т. 2, с. 66]. Восстановим хронологию событий, касающихся создания этих строк. В начале 1854 г. И. С. Тургенев затеял издание стихотворений Ф. И. Тютчева. В феврале Англия, Франция и Турция заключили оборонительный и наступательный союз. 21 февраля 1854 г. последовал манифест императора «О прекращении политических сношений с Англией и Францией». 1 марта Николаю I выдвинут ультиматум об очищении дунайских княжеств. Мысли Ф. И. Тютчева явно были всецело заняты не литературными, а политическими делами. Из письма 10 марта 1854 г. к Эрн. Ф. Тютчевой: «<...> Мы приближаемся к одной из тех исторических катастроф, которые запоминаются навеки» [32, т. 5, с. 162]. Тогда же Тютчев предвосхищает горестную развязку войны и сокрушается: «<...> Невозможно, чтобы приступ бешенства, обуявший <...> целый мир, каковым является Англия, не привел к чему-нибудь ужасному. <...> Ах, как печально бессилие» [32, т. 5, с. 162–163]. Однако И. С. Тургенев от замысла не отказался – 30 мая поступило цензурное разрешение к печати сборника стихотворений. 11 сентября 1854 г. началась осада Севастополя. Октябрьское стихотворение Ф. И. Тютчева обратило на себя внимание московского цензурного комитета резким тоном изложения, но 30 декабря 1854 г. представлено на усмотрение министра народного просвещения, 22 января 1855 г. дозволено к печати главным управлением цензуры. Запад и Россия предстали в стихах в непримиримом глубинном противостоянии: «Все богохульные умы, / Все богомерзкие народы <...> / Тебе пророчат посрамленье <...>» [32, т. 2, с. 66]. Крымская война в сознании Тютчева сопряжена с поползновениями Запада на незыблемые устои русского православия и самодержавия. Божьим промыслом Россия – «лучших, будущих времен / Глагол, и жизнь, и просвещение!» [32, т. 2, с. 66]. И ныне решается судьба России в ее, несомненно, нравственно справедливой позиции: «В последней, в роковой борьбе, / Не измени же ты себе / И оправдайся перед Богом...» [32, т. 2, с. 66].

События войны постоянно держали поэта в состоянии высокого душевного напряжения. 19 июня 1854 г. он описывал жене недавно наблюдаемое в Петергофе: неприятельские пароходы, канонаду их орудий, противостояние двух флотов в виду Кронштадта и – «мягкую и доброжелательную насмешку» петербургской публики,

относящейся к происходящему как к «очень интересному зрелищу» [32, т. 5, с. 174–175]. За этой картиной – острое чувство свершающейся истории: «Когда <...> я сказал себе, <...> что это весь Запад пришел выказать свое отрицание России и преградить ей путь к будущему, – я глубоко почувствовал, что все меня окружающее, как и я сам, принимает участие в одном из самых торжественных моментов истории мира» [32, т. 5, с. 175].

За этими строками скрывался трагизм ощущений. 17 июня 1854 г. А. Ф. Тютчева сетовала в письме Д. Ф. Тютчевой на «непостижимо нервное» состояние отца, «проклинающего все мироздание»: «<...> Папа́ отчаивается, ибо полагает, будто мир движется идеями и произволом людей» [29, с. 264–265]. 20 июня она записывала в дневнике: «Бедный отец в отчаянии, ему выпала роль Кассандры этой войны. Своим ясным и тонким умом он предвидит все бедствия, которые являются последствием нашей глупости, и имеет огорчение видеть, как его предвидения сбываются» [33, с. 91]. В письме П. А. Вяземскому от 29 ноября А. Ф. Тютчева делилась: «Папа́ теперь похож на зверя, который мечется в клетке. <...> Он говорит, что это война прохвостов с крестинами» [29, с. 266].

Лишь в 1867 г. впервые опубликовано стихотворение «На новый 1855 год» [32, т. 2, с. 67]. По свидетельству П. И. Бартенева, поначалу стихотворение было известно только в узком кругу, но «удивительные в их поэтической чуткости строфы» имели «высокое историко-литературное значение» [цит. по: 32, т. 2, с. 406]. Стихотворение, созданное, по-видимому, под новый, 1855 г., – пророчески дальновидное и актуальное и на 1856 г.: «Черты его ужасно-строги, / Кровь на руках и на челе... / <...> Для битв он послан и расправы, / С собой несет он два меча: / Один – сражений меч кровавый, / Другой – секиру палача» [32, т. 2, с. 67]. Не случайно в альбоме Г. П. Данилевского оно озаглавлено: «1856»; текст предваряет помета: «С.-Петербург. 31 декабря, 1855» [32, т. 2, с. 405]. Именно болезненностью поднятого вопроса объясняется спорность датировки. П. И. Бартенов: «<...> Стоит перенестись мыслию к злосчастной эпохе Альмы и Инкермана, стоит вспомнить напряжение всей Европы, тогдашнюю общественную и политическую духоту, чтобы понять, какой животрепещущий смысл имело это стихотворение для того времени» [цит. по: 32, т. 2, с. 406]. Кстати, это стихотворение, как и более раннее «Спиристическое предсказание», отсылает к спиритическим сеансам, на которых Ф. И. Тютчев пытался прозреть судьбу России. П. И. Бартенов считал, что именно таинственные пророчества духов внушили поэту стихи «Стоим мы слепо пред Судьбою...» (в декабре 1854 г.). И в записке Г. П. Данилевскому поэт завуалированно говорил о пророчестве на грядущий год, как о навеянном из неподвластного человеку миру духов: «Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе?.. У меня собственно – никакой. Назвать вам мысль – чужая. Чья же именно?.. Это довольно трудно объяснить – да и не нужно» [32, т. 2, с. 406]. Все та же человеческая растерянность перед лицом реальной истории и вера в судьбоносность и предначертанность происходящего: «Стоим мы слепо пред Судьбою, / Не нам сорвать с нее покров... / Я не свое тебе открою, / Но бред пророческий духов...» [32, т. 2, с. 67].

Война, Севастополь «не отпускают» поэта. 15 марта 1855 г. А. Ф. Тютчева сделала запись в дневнике: «3 марта отражено нападение французов <...> 5-го убит адмирал Истомин. Ход переговоров на конференции держится в величайшей тайне. Мой отец волнуется, мучится и пребывает в очень мрачном настроении из-за оборота, который принимает наше политическое положение...» [33, с. 152–153].

По пути из Москвы в Овстуг (Рославль Смоленской губернии) 13 августа 1855 г. написано стихотворение «Вот от моря и до моря». Ф. И. Тютчев пристально следит за событиями в осажденном Севастополе. «Много славы, много горя» переживают там русские воины, и известия об этом несет «ворон черный» – вестник смерти: «<...> Уж не кровь ли ворон чует / Севастопольских вестей?...» [32, т. 2, с. 72]. Поэт, безусловно, по-прежнему патриот, но акценты кардинально изменены: кровь русских людей застилает всю героику войны. Ф. Тютчев здесь, прежде всего, русский человек, страдающий, переживающий боль утрат и всепоглощающего горя. Сказать, что лишь сейчас пришло истинное осознание поэтом цены Крымской войны, нельзя. Оно являло себя в провидческом даре Ф. Тютчева изначально – достаточно обратиться к письмам поэта. Оно присутствовало в логике политика-дипломата. Но присутствовало в значительной степени философски-отстраненно; эмоционально, но отчуждаемо от «Я»-себя. Военные сводки, свидетельства участников боев, собственные наблюдения в Петергофе облекли далекую реальность в зримо-осязаемую, близкую, кроваво-страшную.

Полугодом ранее Ф. И. Тютчев поддержал позицию трезвомыслящей части русского общества стихами «Не Богу ты служил и не России...» (первая публикация – 1922 г.). Г. И. Чулков полагает, что эта эпитафия-эпиграмма написана сразу после смерти Николая I, наступившей 18 февраля 1855 г. [32, т. 2, с. 423–424]. К. В. Пигарев опровергает это утверждение: эпитафия написана уже после падения Севастополя [30, т. 1, с. 408]. Но оба комментатора едины во мнении: эти строки – приговор покойному императору Николаю I, его слепой политике: «<...> Все было ложь в тебе, все призраки пусты: / Ты был не царь, а лицедей» [32, т. 2, с. 73]. Для поэта-монархиста подобная «нелояльность» – едва ли не крах его политической системы. Но уточним: это пауза, период переосмысления. Ф. Тютчев по-прежнему видит Россию православную во главе славянского мира, но исторически решающий момент еще не настал: «Еще нам далеко до цели, / Гроза ревет, гроза растет <...>» [32, т. 2, с. 67] («На новый 1855 год»).

Неприятие Ф. Тютчевым николаевской политики в Европе еще более усугубилось лицемерной позицией австрийских политических деятелей. Официальная Австрия, многим обязанная Николаю I (его военной поддержке, которая воспрепятствовала распаду Австрии во время венгерского восстания 1849 г., и дипломатическому заступничеству в германских делах 1850 г.), заявила нейтральный статус в военном конфликте, но фактически, не оказав России помощи, помогала противникам России. «Австрийский император, после того как он двойственностью своей политики влил последнюю каплю яда в переполненную чашу, которой Европа отравила последние дни царствования императора Николая, поспешил <...> прислать телеграмму с выражением самого горячего сожаления <...>» [33, с. 139–140], – записала в дневнике 24 февраля 1855 г. А. Ф. Тютчева. Очевидно: русское общество было оскорблено бесчестным визитом эрцгерцога Вильгельма Австрийского в день прощания с почившим государем. «На похороны Николая I ко всеобщему негодованию явился какой-то австрийский герцог» [29, с. 267], – записал П. И. Бартенев в начале марта 1855 г. Тогда же распространилось стихотворение Ф. И. Тютчева «По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая» (1 марта 1855 г.), передающее общее впечатление русских людей: «Нет, мера есть долготерпенью, / Бесстыдству тоже мера есть!.. / Клянусь его священной тенью, / Не все же можно перенести! / <...> Прочь, прочь австрийского Иуду / От гробовой его доски!» [32, т. 2, с. 68]. Стихи, согласно дневниковой записи В. С. Аксаковой от 8 марта 1855 г., «сильные, и видно, что

искренние» [цит. по: 32, т. 2, с. 410], по всей видимости, были известны Александру II, весьма холодно принявшему эрцгерцога [33, с. 142] (дочь Ф. Тютчева Анна Федоровна служила при дворе и была хорошо осведомлена о подобных событиях).

Письма мая – летних месяцев 1855 г. пестрят горестными подробностями событий в Севастополе. Владеещее автором чувство – ошеломительная растерянность, подавленность кровавыми потерями, боль за униженное Отечество. 21 мая 1855 г. озвучены «плохие известия» последних дней: неудача под Севастополем и взятие противником Керчи, появление неприятельского флота на горизонте (взгляд из Петергофа) [32, т. 5, с. 209–210]. 30 июля 1855 г., вновь побывав в Петергофе, поэт говорит об обстрелах и о превосходстве противника в огне: «Все это очень грустно и очень тревожно» [32, т. 5, с. 218].

3 сентября 1855 г. последовало известие о падении Севастополя, которое обессилило Ф. Тютчева. Из дневника А. Ф. Тютчевой: «Зная его страстные патриотические чувства, я очень опасалась первого взрыва его горя, и для меня было большим облегчением увидеть его не раздраженным; из его глаз только тихо катились крупные слезы <...>» [33, с. 186]. 17 сентября 1855 г. Ф. Тютчев раскрывает жене смысл «севастопольской катастрофы»: «<...> И это ужасное бедствие, вероятно, только исходная точка, первое звено целой цепи еще более страшных бедствий...» [32, т. 5, с. 227]. Он считает Крым «потерянным»: «Ибо что может быть серьезнее такого положения, когда даже некоторые успехи <...> только продлили бы, как это было под Севастополем, агонию защитников и, самое большее, заставили бы противника направить на другое место свой удар, хотя и там не было бы ни малейшей надежды отвести или отразить его» [32, т. 5, с. 227].

Драматичное развитие военных действий изменило характер восприятия войны многими русскими литераторами и общественными деятелями. Россия «больна Севастополем», – выразил настроение русского общества гр. П. А. Валуев [4, с. 349]. После кончины Николая I славянофилы громче заговорили о возрождении «национальной идеи», о политике, «отвечающей интересам России, а не “выгодам Европы”» [8, с. 395]. Всеобщее единодушие теперь стало выражаться в разочаровании прежними «увлечениями». Так, переосмысливает происходящее А. Н. Майков [2, с. 96–97]. Превьющий пафос его стихотворений, воспевающих заслуги Николая I («Коляска», 1854; «Послание в лагерь», 1854; «18 февраля 1855», 1855), был отринут в беседе с Я. Полонским: «Я был просто дурак, когда видел что-то великое в Николае. Это была моя глупость, но не подлость!» [23, с. 107]. Сознавался в подобных мыслях и сам Полонский: «В утешение и я ему сказал, что и я было увлекся после Синопской битвы, но скоро спохватился и, стало быть, верю от души и его увлечениям» [23, с. 107]. Стихотворения Полонского «На Черном море» (1855) и «Молитва» (рубеж 1855–1856 гг.) выражают боль и растерянность перед реальностью [2, с. 97–98].

В комментариях Тютчева по поводу непостижимых злоупотреблений в армии громко звучит нота недовольства высшей административной системой, позицией закрытых глаз на очевидные ошибки во внешней и военной политике Николая I. Мыслитель в своей концепции будущего развития России опирался на православную этику и, размышляя о тысячелетней истории, отталкивался от нравственного смысла Истории. «Тютчев, – как справедливо отмечал В. В. Кожинов, – понимал выражаемую им идею о необходимом нравственном смысле истории и политики как народную идею России» [9]. Но при этом он активно проживал и переживал современность, как следствие – его волновал вопрос «о нравственном смысле политики, о государственной этике» [9].

И если на 1840-е годы поэт отстаивал этическое содержание политики России (об этом, в частности, ст. «Россия и Германия»), то к исходу Крымской войны он говорит о «недомыслии, которое наложило свою печать на наш политический образ действий» и «сказалось и в нашем военном управлении», о «подавлении мысли» как о «руководящем принципе правительства», в результате чего – «всё и все отупели» [32, т. 5, с. 210] (21 мая 1855 г., из письма к Эрн. Ф. Тютчевой).

Ф. И. Тютчев был нетерпим к русофобским выпадам. Об «антирусских кошмарах в политике», «душивших» поэта, вспоминал кн. В. П. Мещерский [11, с. 319]. И столь же яростно Тютчев был возмущен позицией официальной печати, которая поддерживала ложь западной прессы «пошлым смирением наших бюллетеней и непостижимым старанием преуменьшить потери врага в наших донесениях». «А когда этих идиотов спрашивают о причине всей этой сдержанности, – рассуждал Тютчев об официальной печати, – они вам говорят, что это для того, чтобы не раздражать общественного мнения» [32, т. 5, с. 216]. И вновь Ф. Тютчев в предощущении, на этот раз – «переворота, который, как метлой, сметет всю эту ветошь и все это бесчестие» [32, т. 5, с. 216]. Виновником происходящего теперь поэт видит Николая I. Из письма Эрн. Ф. Тютчевой от 17 сентября 1855 г.: «Для того чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил» [32, т. 5, с. 228]. Впрочем, поэт сознает, что причина бедствий еще и в целой цепи ошибочных исторических решений, а потому констатирует, что «заблуждение и помрачение ума одного человека» не могло привести к столь тотальному краху всей системы, что «его ошибка была лишь роковым последствием совершенно ложного направления, данного задолго до него судьбам России» [32, т. 5, с. 228]. Тютчев и позднее не раз акцентировал внимание на системных недостатках во властных сферах, ориентированных на западное представление о будущем России. В 1857 г., в преддверии реформ, Ф. Тютчев был убежден: «Власть в России на деле безбожна» [9]. Уже в мае 1867 г. в стихах «Напрасный труд – нет, их не вразумишь» (впервые опубликовано в 1868 г.) Ф. Тютчев едко высказывается о преступно скудном понимании национального в высших правительственных сферах, которое, по словам И. С. Аксакова, превратилось в «высокомерное, невежественное пренебрежение к правам и интересам Русской народности» [1, с. 74]: «Чем либеральней, тем они пошлее <...> / Как перед ней ни гнитесь, господа, / Вам не снискать признанья от Европы: / В ее глазах вы будете всегда / Не слуги просвещенья, а холопы» [32, т. 2, с. 181].

После падения Севастополя противоборствующие стороны стали склоняться к мирным переговорам. Обсуждение австрийских предложений по заключению мира было воспринято четой Тютчевых как «постыдное действие», мучительное унижение «для национального достоинства» [29, с. 282]. В разгар работы мирной конференции в Париже поэт расценивал «мир» как унижение России, поскольку стране приходилось идти на весьма серьезные политические и материальные жертвы.

ВЫВОДЫ

Восточная (Крымская) война заставила Тютчева переосмыслить собственные представления о настоящем России и о ее исторической роли. Речь не шла о полном отказе от давно вызревшей концепции, но теперь, после проверки этой концепции событиями эпохального масштаба, историческая реализация теории виделась Тютчевым

в контексте реалистичных условий и серьезных препятствий. Крымская война расценивалась поэтом как болезненное, но неизбежное испытание, как этап взросления России, без которого невозможно исполнение ею исторической миссии. Эта мысль глубоко выражена в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 30 ноября 1854 г.: «И пройдет <...> много времени, прежде чем несчастная Россия – та Россия, какую ее сделали, – осмелится позволить себе более живое сознание своего Я и своего Права <...>. Жизнь народная, жизнь историческая еще не проснулась в массах населения. Она ожидает своего часа, и, когда этот час пробьет, она откликнется на призыв и проявит себя вопреки всему и всем» [32, т. 5, с. 201–202]. Мыслитель остается верен идее о великом предназначении России, но сознает, что «возвращение на верный путь будет сопряжено с долгими и весьма жестокими испытаниями» [32, т. 5, с. 228].

В эпоху противостояния с Европой поэзия, публицистика, эпистолярное наследие Тютчева оказались полностью подчинены мыслям о судьбе России, хотя его жизнь, казалось бы, диктовала иные, западноевропейские интересы и ориентиры. «Барич по происхождению, воспитанный на немецкой литературе, проведший лет тридцать в Германии, в Мюнхене, в пучине немецкой учености, сибарит, редко говоривший по-русски» [21, с. 27], – характеризовал поэта М. П. Погодин, но отзывался о нем и так: «Помазанный человек русский, истинный Европеец» [21, с. 25]. Гр. С. Д. Шереметев писал о Тютчеве: «У него было русское пламенное чувство, но ни жизнью своею, ни воспитанием своим он русским не был...» [36, с. 161]. Кн. В. П. Мещерский не единожды удивлялся глубокой русскости поэта: «<...> Он говорил медленно, изящно и спокойно... Но тогда, когда его задевали за живое русское чувство или когда кто-нибудь его раздражал своими суждениями, он выходил из себя и говорил с огнем...» [11, с. 159]. Баварский публицист барон Карл фон Пффефель дал исчерпывающую характеристику Ф. И. Тютчеву, когда зафиксировал, что для поэта, для его миропонимания Россия являлась «исходной точкой» [25, с. 34]. М. П. Погодин говорил о поэте как о «решительно первом представителе народного сознания о Русской миссии в Европе, в Истории: никто в России не понимает так ясно, не убежден так твердо, не верит так искренно в ее призвание, как он» [22, с. 28].

Верность приведенных отзывов полностью подтверждается той самоотверженной настойчивостью, с какой Тютчев выстраивал концепцию исторической роли России, и той искренностью, с какой поэт переживал горькие неудачи своего Отечества. Реализовавшись в разножанровых текстах, размышления поэта о судьбе России воспринимаются не догматизмом, а живым процессом поиска истины, результаты которого определяются и аналитическими способностями, и чуткостью интуиции, и глубиной эмоций, и самостоятельностью мировоззрения. Закономерно, что творческое наследие поэта стало ценным источником национального духовного опыта, доказывающим свою актуальность всякий раз, когда в истории России наступает период тяжелых испытаний.

Список литературы

1. *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева: Репринтное воспроизведение издания 1886 года. – М.: АО «Книга и бизнес», 1997. – 327 с.
2. *Баранская Е. М.* Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – 184 с.

3. *Баранская Е. М.* Поэты «чистого искусства» в исторической судьбе России: Я. П. Полонский // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического ун-та. Серия: Филология. История. – 2015. – № 1. – С. 57–64.
4. *Валуев П. А.* Дума русского (во второй половине 1855 года) // Русская старина. – 1891. – № 5. – С. 349–360.
5. *Галян С. В.* История как аргумент: риторика политической поэзии Ф. И. Тютчева // Научный диалог. – 2017. – № 7. – С. 46–57.
6. *Динесман Т. Г.* Ф. И. Тютчев. Страницы биографии: К истории дипломатической карьеры. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 160 с.
7. *Долгушин Д. В.* Россия и революция в историософских интерпретациях В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева // Вестник Томского государственного ун-та. – 2018. – № 431. – С. 29–37.
8. История внешней политики России: В 5-ти т. – Т. 3. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – М.: Академический проект; Парадигма, 2018. – 441 с.
9. *Кожин В. В.* Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев – история России век XIX [Электронный ресурс]. – М.: ООО «Алгоритм-книга», 2001. – 413 с. // Lit-info.ru. – Режим доступа: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/about/kozhinov/progok.htm>. – (Дата обращения: 25.05.2022).
10. *Лэйн Р.* Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. I. – М.: Наука, 1988. – С. 231–252.
11. *Мещерский В. П.* Воспоминания / Князь Мещерский. – М.: Захаров, 2001. – 687 с.
12. *Орехов В. В.* «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 3. – С. 69–88.
13. *Орехов В. В.* «Партизанская тактика» информационной войны. Часть II: Информационная безопасность в эпоху Николая I // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 131–167.
14. *Орехов В. В.* Русские «скифы»: эволюция образа // Вестник славянских культур. – 2009. – № 1 (XI). – С. 68–74.
15. *Орехов В. В.* «Русский миф» и «комплекс маркиза де Кюстина». Часть II: «Северный колосс» в контексте информационной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 33–56.
16. *Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В.* Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
17. *Орехова Л. А., Суцинина С. С.* Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 42–50.
18. *Осват А. Л.* Новонайденный политический меморандум Тютчева: к истории создания // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 89–97.
19. *Осват А. Л.* Элементы политической мифологии Тютчева (Комментарий к статье 1844 г.) // Тютчевский сборник: 2. – Тарту, 1999. – С. 227–263.
20. *Пигарев К. В.* Жизнь и творчество Тютчева. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 376 с.
21. *Погодин М. П.* Воспоминание о Ф. И. Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. II. – М.: Наука, 1988. – С. 24–27.
22. *Погодин М. П.* <О Тютчеве> // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. II. – М.: Наука, 1988. – С. 28–29.
23. *Полонский Я. П.* Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж. А. Полонской. 1856–1860 гг. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7. – 136 л.
24. *Полонский Я. П.* Лирика; Проза. – М.: Правда, 1984. – 608 с.
25. *Пфедфель Карл.* <Заметка о Тютчеве> // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. II. – М.: Наука, 1988. – С. 33–36.
26. С нами Бог! Вперед!.. Ура!.. Собрание стихотворений на нынешнюю войну. – М.: Изд. В. Дементьева, тип. Л. Степановой, 1854. – 183 с.
27. *Тарле Е. В.* Крымская война: В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2011. – 463 с.

28. Толстогузов П. Н. Политическая лирика Тютчева как бесспорное наследие // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2016. – № 2 (23). – С. 76–84.
29. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. II. – М.: Наука, 1988. – С. 171–434.
30. Тютчев Ф. И. Лирика: В 2-х т. – М.: Наука, 1965. – Т. 1–2.
31. Тютчев Ф. И. Незавершенный трактат «Россия и Запад» // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. I. – М.: Наука, 1988. – С. 183–230.
32. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти т. – М.: ИЦ «Классика», 2002–2005.
33. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. – М.: Захаров, 2002. – 424 с.
34. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. – Л.: Советский писатель, 1969. – 594 с.
35. Чичерин А. В. Образ времени в поэзии Тютчева // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Наука, 1969. – Т. XXVIII. – Вып. 5. – С. 403–407.
36. Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. – М.: Индрик, 2001. – 736 с.
37. Шишкова Н. М. Политическая лирика Ф. И. Тютчева как часть его мировоззренческой концепции [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013 // Cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-lirika-f-i-tyutcheva-kak-chast-ego-mirovozzrencheskoj-kontseptsii>. – (Дата обращения: 07.06.2022).

References

1. Aksakov I. S. *Biografija Fedora Ivanovicha Tjutcheva: Reprintnoe Vosproizvedenie Izdanija 1886 Goda* [Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev: Reprint Reproduction of the 1886 Edition]. Moscow: Kniga i Biznes Publ., 1997. 327 p.
2. Baranskaja YE. M. *Liricheskiy Geroj i Literaturnaja Lichnost' Ja. P. Polonskogo* [Lyrical Hero and Literary Personality of Ya. P. Polonsky]. Simferopol: Arial Publ., 2020. 184 p.
3. Baranskaja YE. M. *Pojety «Chistogo Iskusstva» v Istoricheskoj Sud'be Rossii: Ja. P. Polonskiy* [Poets of "Pure Art" in the Historical Fate of Russia: Ya. P. Polonsky]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Inzhenerno-Pedagogicheskogo Universiteta. Serija: Filologija. Istorija*, 2015, no. 1, pp. 57–64.
4. Valuev P. A. *Duma Russkogo (vo Vtoroj Polovine 1855 Goda)* [Thought of the Russian (in the Second Half Of 1855)]. *Russkaja Starina*, 1891, no. 5, pp. 349–360.
5. Galjan S. V. *Istorija kak Argument: Ritorika Politicheskoj Pojezii F. I. Tjutcheva* [History as an Argument: the Rhetoric of Political Poetry by F. I. Tyutchev]. *Nauchnyj Dialog*, 2017, no. 7, pp. 46–57.
6. Dinesman T. G. *F. I. Tjutchev. Stranicy Biografii: K Istorii Diplomaticeskoy Kar'ery* [F. I. Tyutchev. Biography Pages: On the History of Diplomatic Career]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2004. 160 p.
7. Dolgushin D. V. *Rossija i Revoljucija v Istoriosofskih Interpretacijah V. A. Zhukovskogo i F. I. Tjutcheva* [Russia and the Revolution in the Historiosophical Interpretations of V. A. Zhukovsky and F. I. Tyutchev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 431, pp. 29–37.
8. *Istorija Vneshnej Politiki Rossii: V 5-ti t.* [The History of Russia's Foreign Policy in 5 Volumes.]. T. 3. *Pervaja polovina XIX veka (Ot vojn Rossii protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.)* [Vol. 3. The first half of the XIX century (From the wars of Russia against Napoleon to the Peace of Paris in 1856)]. Ed. by A. N. Sakharov. Moscow: Akademicheskij Proekt; Paradigma Publ., 2018. 441 p.
9. Kozhinov V. V. *Prorok v Svoem Otechestve. Fedor Tjutchev – Istorija Rossii Vek XIX* [The Prophet in His Fatherland. Fyodor Tyutchev – the History of Russia in the 19th Century]. Moscow: Algoritm-Kniga Publ., 2001. 413 p. *Lit-info.ru*. Available at: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/about/kozhinov/prorok.htm>. (Accessed: 25.05.2022).
10. Ljejn R. *Publicistika Tjutcheva v Ocenke Zapadnoevropejskoj Pechati Konca 1840-h – Nachala 1850-h Godov* [Tyutchev's Journalism in the Assessment of the Western European Press of the Late 1840^s – Early 1850^s]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 1, pp. 231–252.
11. Meshherskiy V. P. *Vospominanija. Knjaz' Meshherskiy* [Memoirs. Prince Meshchersky]. Moscow: Zakharov Publ., 2001. 687 p.
12. Orehov V. V. «Klevetnikam Rossii»: *Avtorskaja Pozicija i Literaturnaja Reputacija* ["Slanderers of Russia": Author's Position and Literary Reputation]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 69–88.

13. Orehov V. V. «Partizanskaja Taktika» Informacionnoj Vojny. Chast' II: Informacionnaja Bezopasnost' v Jepohu Nikolaja I ["Guerrilla Tactics" of Information Warfare. Part II: Information Security in the Era of Nicholas I]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 131–167.
14. Orehov V. V. *Russkie «Skify»: Jevoljucija Obraza* [Russian "Scythians": the Evolution of the Image]. *Vestnik Slavjanskih Kul'tur*, 2009, no. 1 (XI), pp. 68–74.
15. Orehov V. V. «Russkij Mif» i «Kompleks Markiza de Kjustina». Chast' II: «Severnyj Koloss» v Kontekste Informacionnoj Vojny ["Russian Myth" and "Complex of the Marquis de Custine". Part II: The Northern Colossus" in the Context of the Information War]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 2, pp. 33–56.
16. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) Vojna 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arhivy, Pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol: SGT Publ., 2010. 480 p.
17. Orehova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaja Vojna v Zhizni i Tvorchestve P. A. Vyazemskogo* [The Crimean War in the Life and Work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoe Nasledie Kryma*. Simferopol', 2005, no. 10, pp. 42–50.
18. Ospovat A. L. *Novonajdenyj Politicheskij Memorandum Tjutcheva: k Istorii Sozdanija* [Newly Found Political Memorandum by Tyutchev: to the History of Creation]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 89–97.
19. Ospovat A. L. *Jelementy Politicheskoi Mifologii Tjutcheva: (Kommentarij k Stat'e 1844 g.)* [Elements of Tyutchev's Political Mythology: (Commentary to the Article of 1844)]. *Tjutchevskij Sbornik: 2*. Tartu, 1999, pp. 227–263.
20. Pigarev K. V. *Zhizn' i tvorchestvo Tjutcheva* [Tyutchev's Life and Work]. Moscow: AN SSSR Publ., 1962. 376 p.
21. Pogodin M. P. *Vospominanie o F. I. Tjutcheve* [Remembrance of F. I. Tyutchev]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 2, pp. 24–27.
22. Pogodin M. P. <O Tjutcheve> [<About Tyutchev>]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 2, pp. 28–29.
23. Polonskij JA. P. *Dnevnikovyje Zapisi. Kopija, Sdelannaja Rukoj Zh. A. Polonskoj. 1856–1860 gg.* [Diary Notes. A Copy made by the Hand of Zh. A. Polonskaya. 1856–1860]. The Russian State Archive of Literature and Arts. S. 403, in. 2, un. stor. 7. 136 sh.
24. Polonskij JA. P. *Lirika; Proza* [Lyric Poetry; Prose]. Moscow: Pravda Publ., 1984. 608 p.
25. Pfeffel' Karl. <Zametka o Tjutcheve> [<A Note about Tyutchev>]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 2, pp. 33–36.
26. *S nami Bog! Vpered!. Ura!.. Sobranie Stihotvorenij na Nyneshnjuju Vojnu* [God is with us! Go ahead! Hurray!.. Collection of Poems for the Current War]. Moscow: Izdatel'stvo V. Dementiev Publ., Tipografija L. Stepanova Publ., 1854. 183 p.
27. Tarle E. V. *Krymskaja Vojna: V 2-h t.* [The Crimean War in 2 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie, 2011. 463 p.
28. Tolstoguzov P. N. *Politicheskaja Lirika Tjutcheva kak Besspornoe Nasledie* [Tyutchev's Political Lyrics as an Indisputable Legacy]. *Vestnik Priamurskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. Sholom-Alejhema*, 2016, no 2 (23), pp. 76–84.
29. *Tjutchev v pis'mah i dnevnikah chlenov ego sem'i i drugih sovremennikov* [Tyutchev in letters and diaries of his family members and other contemporaries]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 2, pp. 171–434.
30. Tyutchev F. I. *Lirika: V 2-h t.* [Lyrics in 2 volumes]. Edition Prepared by K. V. Pigarev. Moscow: Nauka Publ., 1965.
31. Tyutchev F. I. *Nezavershennyj Traktat «Rossija i Zapad»* [Unfinished Treatise "Russia and the West"]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 1, pp. 183–230.
32. Tyutchev F. I. *Polnoe Sobranie Sochinenij. Pis'ma: V 6-ti t.* [Complete Works. Letters in 6 vols.]. Moscow: Izdatel'skij Centr Klassika Publ., 2002–2005.
33. Tyutcheva A. F. *Pri Dvore Dvuh Imperatorov. Vospominanija* [At the Court of Two Emperors. Memoirs]. Moscow: Zakharov Publ., 2002. 424 p.

34. Homjakov A. S. *Stihotvorenija i Dramy* [Poems and Dramas]. Leningrad: Sovetskij Pisatel' Publ., 1969. 594 p.
35. Chicherin A. V. *Obraz Vremeni v Pojezii Tjutcheva* [The Image of Time in Tyutchev's Poetry]. *Izvestija Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i Jazyka*. Moscow: Nauka Publ., 1969. Vol. XXVIII, issue 5, pp. 403–407.
36. Sheremetev S. D. *Memuary Grafa S. D. Sheremeteva* [Memoirs of Count S. D. Sheremetev]. Moscow: Indrik Publ., 2001. 736 p.
37. Shishhova N. M. *Politicheskaja Lirika F. I. Tjutcheva kak Chast' Ego Mirovozzrencheskoj Konceptcii* [Political Lyrics of F. I. Tyutchev as Part of His Ideological Concept]. *Vestnik Adygejskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija 2: Filologija i Iskusstvovedenie*, 2013. *Cyberleninka.ru*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-lirika-f-i-tyutcheva-kak-chast-ego-mirovozzrencheskoj-kontseptsii>. (Accessed: 07.06.2022).

A POET IN THE HISTORY OF RUSSIA: F. I. TYUTCHEV AND THE EASTERN (CRIMEAN) WAR 1853–1856

Baranskaya E. M.

The article traces the state of public consciousness in Russia in the middle of the XIX century and the reflection of historical events of the era in the poetic work, journalism and epistolary of representatives of Russian culture, in particular, F. I. Tyutchev. The perception of the events of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856 is analyzed by the Russian thinker, taking into account the psychological makeup of his personality, revealed in the letters of the poet and his contemporaries; in turn, the epistolary presents a rich information and analytical material on the history of Russia. The political lyrics of the poet of the 1840^s–1850^s are studied, which is focused on the nuances of the foreign policy activities of the Russian state and includes the global historical vision of the poet. It turns out that the starting point in F. I. Tyutchev's worldview is Russia – its history and global world purpose, which dictates both the actual political activity of the thinker included in the information policy of the Russian state, and his journalistic works, in a single array with which political lyrics appear. It is emphasized that the events and outcome of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856 are experienced by the poet as a personal tragedy and make significant adjustments to F. I. Tyutchev's political concept of Russia and Europe, predetermines the historical paths of their future in the poet's mind.

Keywords: F. I. Tyutchev, the Eastern (Crimean) War of 1853–1856, the history of Russia, political lyrics, journalism, epistolary.

УДК 821.161.

ХРОНИКА «НОУЛ И РОД СЭКВИЛЛ» ВИТЫ СЭКВИЛЛ-УЭСТ: ПОИСК САМОИДЕНТИЧНОСТИ АВТОРА¹

Беспалова Е. К., Языкова Т. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Республика Крым, Россия
E-mail: korelkon1975@mail.ru; E-mail: abata@rambler.ru*

Исследуется одно из ранних произведений английской писательницы Виты Сэквилл-Уэст с точки зрения формирования ее уникального идиостиля, сочетающего в себе автобиографические, историографические и художественные черты. Вводятся в научный оборот материалы не переведенного на русский язык документально-исторического произведения жанра семейной хроники «Ноул и род Сэквилл» («Knole and the Sackvilles», 1922). В работе использован комплексный подход, включающий биографический и психологический методы, а также стилистический анализ текста. Авторы приходят к выводу о том, что В. Сэквилл-Уэст провела настоящую научно-исследовательскую и архивно-разыскную работу, в которой была тщательно воссоздана семейная хроника ее рода и история поместья, где жили ее многочисленные предки. Это документально-историческое произведение представляет собой образец смешанной жанровой природы, включая в себя черты семейной хроники, автобиографии и романизированной биографии исторических персонажей.

Ключевые слова: Вита Сэквилл-Уэст, Ноул-хаус, «английскость», документально-историческая проза, семейная хроника, творчество, авторская самоидентичность, идиостиль.

ВВЕДЕНИЕ

Потомственная аристократка Виктория Мэри Сэквилл-Уэст, леди Никольсон (1892–1962) получила известность как Вита Сэквилл-Уэст – самобытный поэт и писатель, биограф, оригинальный исследователь исторических событий Великобритании, а также страстный садовод и весьма успешный журналист. На рубеже XIX–XX веков ее популярность была очень широкой, чему в немалой степени способствовала ее скандальная репутация и свободный от моральных ограничений образ жизни. Перу В. Сэквилл-Уэст принадлежат несколько поэтических сборников, романы и повести, романизированные биографии известных исторических лиц, книги по садоводству, путевые заметки и дневниковые записи – в общей сложности более сорока произведений.

Актуальность статьи состоит, с одной стороны, во все возрастающем интересе современных исследователей к произведениям писателей так называемого «второго ряда», а с другой – в том, что наследие Виты Сэквилл-Уэст представляет собой интересный и малоизученный феномен женской прозы. Проблема идентичности (как гендерной, так и творческой) также является актуальной для различных дисциплин современной науки [1], а творчество В. Сэквилл-Уэст в отечественном литературоведении еще не получило всестороннего осмысления.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней вводятся в научный оборот материалы не переведенного на русский язык документально-исторического произведения жанра семейной хроники «Ноул и род Сэквилл» («Knole and the Sackvilles», 1922). Эта книга исследуется, с одной стороны, с точки зрения формирования

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

уникального авторского идиостиля, сочетающего в себе автобиографические, историографические и художественные черты, а с другой – рассматривается как один из способов поиска самоидентичности писательницы.

Как известно, занять женщине свое место в литературном мире, созданном по законам мужчин, всегда было непросто. И мир английской литературы не исключение. Помимо гендерного неравенства (в обществе считалось, что женщина не может создать достойное произведение искусства), существовало еще и неравенство классовое, которое усложняло путь литератору-женщине, независимо от социального положения: как бедным, так и очень богатым и родовитым женщинам мир искусства был заказан. Высокое происхождение даже, пожалуй, в большей степени ограничивало творческую свободу женщины, предназначенной для почетной и уважаемой обществом деятельности: ей надлежало посвящать себя благотворительности, блистать на светских приемах, заниматься семейными делами, а не литературой. Лишь немногие английские писательницы прошлых эпох смогли перебороть этот общественный стереотип и оставить заметный след в литературном процессе: в XIX веке это, в первую очередь, Джейн Остен, сестры Бронте, Джордж Элиот, на рубеже веков – Вирджиния Вулф, в связи с которой чаще всего и упоминается личность В. Сэквилл-Уэст как отечественными [2; 3], так и зарубежными литературоведами [4]. Таким образом, многогранное и оригинальное наследие писательницы до сих пор остается вне фокуса филологической науки, а ее произведения еще ждут своего исследователя.

Отметим, что конец XIX – начало XX века – период радикальных перемен в общественном мировоззрении Англии: то, что ранее считалось совершенно недопустимым, понемногу становилось все более приемлемым. В отношении женщин-писателей взгляды общества также стали меняться, чему не в последнюю очередь способствовало распространение феминистских идей, которых придерживалась и Вита Сэквилл-Уэст. Она была абсолютно уверена в своем творческом предназначении, о чем свидетельствует одна из записей в ее дневнике: «Я войду в английскую литературу. Так или иначе». И это обещание, данное самой себе, В. Сэквилл-Уэст удалось выполнить.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследуемом произведении В. Сэквилл-Уэст прослеживает историю фамильного поместья Ноул, где прошли ее детство и юность, а также воссоздает хронику жизни людей, в разные эпохи населявших это место. При написании этой книги автор тщательно изучила все архивные документы по ведению хозяйства, строительству и реорганизации поместья, а также познакомилась с подробностями истории своей семьи, владевшей Ноулом в течение многих веков до ее рождения. На страницах этого произведения читателю предлагается ближе познакомиться с наиболее видными хозяевами поместья, оставившими след как в английской истории, так и в истории самого дома. Некоторые же из предков настолько впечатлили Виту Сэквилл-Уэст, что их жизнеописанию она отвела особое место: они показываются как личности, наделенные особыми, ценностными для автора чертами и способностями.

Две первые главы повествования «The House» и «The Garden and Park» посвящены подробному описанию родового гнезда. Автор показывает дом в разное время суток и с разных ракурсов: на закате, в лунном свете, в ночном осеннем тумане. Читатель слышит рев оленей под его стенами, любит полями нарциссов, окружающих замок. Эти проникновенные отрывки свидетельствуют о том, с какой любовью Вита Сэквилл-Уэст

относилось к месту, которое было центром ее маленькой Вселенной, колыбелью ее как человека и писателя. Именно Ноул разбудил творческое воображение девочки, сформировал ее вкус и писательский стиль. Не менее подробно и столь же поэтично автор описывает интерьеры дома, а отдельное внимание уделяется прилегающим парку и саду. В. Сэквилл-Уэст проводит интересное сравнение дома со старой леди, прожившей весёлую жизнь: эта леди всегда была красива, у нее были многочисленные любовники, она повидала несколько поколений с их печалью и радостями, научилась секрету терпения и юмора [5, с. 2]. Особую гордость автор испытывает от осознания того, что Ноул - настоящий английский дом, типичное английское поместье и воплощение английских традиций: «It is, above all, an English house. It has the tone of England <...>» [5, с. 2]. Всего слова «England» и «English» встречаются в этом отрывке четыре раза, что явно свидетельствует о том, насколько важным для автора было подчеркнуть принадлежность ее фамильного поместья к исконной английской традиции домостроения.

Поместье Ноул-хаус представляет собой редкий образец ренессансной архитектуры: дом-календарь. Размеры и план поместья действительно впечатляют: 7 внутренних дворов, 12 входов, 52 лестницы и 365 комнат - по числу дней в неделе, месяцев, недель и дней в году соответственно [5, с. 4]. Дом включает в себя 4 акра запутанных ходов, лестниц, залов, переходов и комнат. Разумеется, такое огромное поместье строилось не сразу, а росло постепенно, начиная со средних веков. Его многочисленные хозяева строили, достраивали и перестраивали части дома, меняли архитектурные стили и встраивали витражи, возводили бойницы. Поместье даже побывало в собственности знаменитого короля Генриха VIII, оставалось частью собственности короны и после его смерти, переходя от одного фаворита к другому, пока в 1586 году не было передано королевой Елизаветой I ее кузену Томасу Сэквиллу. С тех пор Ноул принадлежал представителям этой фамилии.

Вита Сэквилл-Уэст повествует о том, что главное здание поместья возводилось приблизительно с конца XV до начала XVII века. Несмотря на масштабы дома, жилые комнаты были небольшими, что диктовалось практическими причинами, связанными с отоплением: каминные топки были далеко не во всех комнатах; для обогрева использовались переносные жаровни и металлические грелки с углями для согревания постели.

По-настоящему масштабными и полными официоза были многочисленные галереи и парадные залы, украшенные гобеленами, скульптурами, портретами предков и их выдающихся современников. И хотя в доме не обитали привидения, человеку, бродящему ночью по галереям Ноула, требовалось присутствие духа, ибо на него пристально смотрели десятки пар глаз с многочисленных портретов [5, с. 14-15]. В. Сэквилл-Уэст с гордостью пишет, что портреты представителей рода Сэквилл могут считаться яркими вехами английской истории: «From generation to generation they might stand, fully equipped, as portraits from English history» [5, с. 28]. Более того, представители семьи Сэквилл разных эпох являются узнаваемыми типами людей этих эпох как по внешности, так и по характеру. Даже сейчас это поместье производит сильное впечатление и является весьма популярной туристической достопримечательностью: среди старинных дворянских усадеб Великобритании именно Ноул известен высокой степенью сохранности интерьеров XVII в., а его стены по сей день украшают оригинальные портреты многочисленных владельцев, принадлежащие кисти известнейших в то время и не забытых поныне художников: в Ноул-хаусе бережно хранятся работы Ван Дейка, Лели,

Кнеллера, Рейнольдса и Гейнсборо, олицетворяя собой основные этапы английской истории.

По ходу повествования автор не раз с гордостью подчеркивает, что поместье Ноул является неотъемлемой частью Англии, впитало в себя традиции этой страны, не выглядит чем-то искусственным и инородным, а, наоборот, гармонично вписывается в окружающий «английский пейзаж» [5, с. 18]. Окружает дом сад, наполовину возделанный по всем правилам садоводства, наполовину заросший дикими растениями и деревьями. Это типичный английский сад, ничуть не уступающий дому в так называемой «английскости». Не только поместье, но и парк вокруг него являлся собственностью семьи Сэкивилл в течение многих веков. Ландшафту, окружающему дом, посвящена вторая глава хроники – «The Garden and Park». За долгое время деревья парка стали настоящими исполинами. Парк при поместье – это и долины, и холмы и даже лес, в котором водилось множество оленей и кроликов: «Surrounding the house and gardens lies the park, with its valleys, hills, and woods, and its short brown turf closely bitten by deer and rabbits» [5, с. 24]. Поскольку, помимо писательства, Вита Сэкивилл-Уэст профессионально занималась садоводством, успешно вела персональную еженедельную колонку в «The Observer» под названием «В твоём саду», а также написала несколько книг по этому вопросу, можно предположить с большой долей вероятности, что и эта грань ее таланта берет начало на просторах угодий, прилегающих к Ноул-хаусу.

Интересно, что каждый раз говоря о поместье, автор, в первую очередь, говорит о себе самой, делится своими личными, сокровенными детскими и юношескими воспоминаниями, придавая таким образом повествованию о доме черты автобиографического романа. Так, например, она описывает читателю почти сказочную сцену, свидетелем которой неоднократно была. Это кажется практически нереальным, но автор не раз обнаруживала оленя, стоящего в банкетном зале летом, когда огромные дубовые двери в этот зал бывали распахнуты настежь [5, с. 4]. В поместье также была часовня, секретное убежище, где маленькая, часто проказничавшая Вита предпочитала прятаться от гнева домашних [5, с. 17].

Постепенно от описания владений автор переходит к жизнеописанию наиболее интересных и исторически значимых хозяев Ноула. Почти все они были представителями власти и обладали знатными титулами. В то же время становится очевидным, что не их должности или положение в первую очередь интересуют автора. Наибольшую симпатию она испытывает лишь к тем своим предкам, которые так или иначе имели отношение к искусству и миру прекрасного. В подобном подходе, как нам кажется, скрыт изначальный мотив и стимул для написания данной книги: Вита Сэкивилл-Уэст пытается определить, кто из ее многочисленных предков мог передать ей творческий дар и желание создавать прекрасное, хочет понять, кто из них стал ее предшественником в мире литературы и искусства, и, стараясь разобраться в причудливой генеалогии рода Сэкивиллов, ищет самое себя.

Последующие семь глав книги рассказывают о жизни представителей семьи Сэкивилл в различные периоды английской истории, при этом, судя по названиям глав, именно поместье остается главным действующим лицом повествования и объектом внимания В. Сэкивилл-Уэст: «Ноул во времена правления королевы Елизаветы», «Ноул во времена правления Якова I», «Ноул во времена правления Карла I», «Ноул во времена правления Карла II», «Ноул в начале XVIII века», «Ноул в конце XVIII века», «Ноул в XIX веке».

Эта историческая хроника, собранная автором по крупницам, представляет собой весьма интересный портрет семьи на фоне исторических событий в Великобритании.

Согласно хронике, основателем династии считается Гербранд де Саквилль, который вместе с Вильгельмом Завоевателем прибыл в Англию. После него последовал длинный ряд сэров Джорданов, Эндрю, Эдвардов, Ричардов; никто из них себя особенно не проявил вплоть до сэра Ричарда Сэквилла, современника Генриха VIII и Елизаветы I, – человека весьма достойного, покровителя науки и искусств, благотворителя, мецената, государственного деятеля и верноподданного короля. Более того, именно он сумел накопить немалое состояние, преумноженное его сыном и промотанное потом почти всеми потомками. Сэр Ричард умер в 1566 году, и ему наследовал его сын Томас, которому на тот момент было тридцать лет.

Это первый предок автора, на биографии которого она останавливается подробно. С юности увлекаясь написанием стихов, и, по свидетельству современников, будучи прирожденным поэтом, сэр Томас забросил это занятие, когда начал выстраивать политическую карьеру. Вита Сэквилл-Уэст делает вывод, что сэр Томас является прекрасным примером того, что привилегия рождения в благородном семействе – это неудача для поэта. Хотя эта же привилегия открывает двери в мир политики и высоких должностей: в течение своей долгой жизни сэр Томас был членом Парламента от двух округов, унаследовал титул, поместья и почести, был приближенным к королеве, его посвятили в рыцари, королева подарила ему Ноул и примыкавшие к нему земли, отправила во Францию и Голландию в качестве специального посла Ее Величества, сделала его рыцарем Ордена Подвязки, канцлером герцогства Оксфордского, а затем – государственным казначеем в 1599 году. Он присутствовал на всех государственных советах и честно исполнял все свои обязанности. Так юноша-поэт уступил место зрелому отцу семейства и государственному мужу. Безусловно, для автора книги имело наибольшее значение наличие у этого предка именно поэтического таланта, поэтому страницы о нем написаны с нескрываемой симпатией.

Что касается самого поместья Ноул в этот период, то сэр Томас перестроил его, а также внёс значительные изменения на окружающей территории, проявив при этом весьма изысканный вкус: «To account of these sums, it is known that he built the Great Staircase, transformed the Great Hall to its present state, and put in the plaster-work ceilings and marble chimney-pieces. He also put up the very lovely lead water-spouts in the courtyards» [5, с. 39]. Несмотря на то, что сэру Томасу удалось достигнуть многого в жизни, его потомок Вита Сэквилл-Уэст была убеждена в том, что он напрасно не реализовал дарованный ему талант. Для нее он в первую очередь был подающим надежды поэтом, а значит творческие способности она вполне могла унаследовать от него. Более того, по мнению многих, он был в определённой степени новатором в английской поэзии (эту точку зрения разделяет и исследователь литературы профессор Джордж Эдвард Бейтман Сейнтсбери, один из наиболее влиятельных литературных критиков начала XX века, современник В. Сэквилл-Уэст): «Совершенно очевидно, что у Томаса Сэквилла был, во-первых, поэтический взгляд, позволяющий видеть объекты поэтического изображения как внутри, так и снаружи; во-вторых, поэтический словарь, в который можно было бы воплотить результаты своего видения; и, в-третьих, поэтический слух, с помощью которого он приводит свой язык в музыкальную гармонию, необходимую для поэзии» [цит. по: 5, с. 47. Перевод наш. – *Е.Б., Т.Я.*]. Повторим, что в хронике Вита Сэквилл-Уэст пространно описывает жизнь лишь наиболее ярких своих предков, оценивая их жизнь

откровенно пристрастно и субъективно, и в данном случае автора интересует, прежде всего, творчески одаренный, но закопавший свой поэтический талант человек, которому она, несмотря на все его иные заслуги, явно сочувствует.

В следующей главе «Ноул во времена правления Якова I» описывается жизнь внука сэра Томаса – Ричарда Сэквилла, третьего графа Дорсетского, который был женат на леди Энн Клиффорд. Показательно, что в этой главе не наследник, а именно его жена попадают в фокус интереса В. Сэквилл-Уэст. Леди Энн вела дневник, в который заносила записи обо всех событиях в Ноуле. Этот дневник сослужил Вите Сэквилл-Уэст хорошую службу как источник информации из первых рук о жизни предков в XVII веке. Леди Энн унаследовала от отца фамильные земли, на которые претендовали многие. Её муж, которого Вита Сэквилл-Уэст описывает как экстравагантного модника, заядлого игрока и транжиру, уговаривал леди Энн отказаться от земель и замков за определённую компенсацию. Он прибегал не только к уговорам, но и к угрозам, давлению с помощью родственников и даже самого короля и архиепископа, но всё было напрасно: леди Энн была непреклонна [5, с. 56]. Огромное наследство, которое тщательно собирал его дед, государственный казначей сэра Томаса, муж леди Энн почти промотал, особняки заложил или продал для того, чтобы покрыть расходы на развлечения. Однако его жена была довольно снисходительна к нему, преувеличивая в дневнике его достоинства и оправдывая недостатки. Но все же проницательный исследователь ее дневниковых записей Вита Сэквилл-Уэст делает неутешительный вывод по поводу Ричарда Сэквилла, отмечая, что личность самой леди Энн настолько яркая, а её характер настолько сильный и целостный, что это затмевает персону её мужа, как бы леди Энн ни хотела оправдать его поведение. Можно вновь предположить, что в лице леди Энн Вита Сэквилл-Уэст увидела одну из своих предшественниц – пишущую женщину, живущую интересной, но непростой жизнью. И пусть леди Энн всего лишь вела дневник, именно эта черта, по всей вероятности, и вызвала такой сильный исследовательский интерес к ней со стороны автора, которая также оставила после себя дневниковые записи.

У леди Энн и сэра Ричарда было пятеро детей: трое мальчиков, которые умерли в младенчестве, и две девочки – Маргарет и Изабель. В дневнике упоминается лишь Маргарет, потому что Изабель родилась после того, как леди Энн временно перестала вести дневник. Из других исторических документов (писем, счетов и описаний) известно, что Ричард Сэвилл умер в возрасте тридцати пяти лет, леди Энн пережила его на пятьдесят два года, вторично вышла замуж за лорда Пемброка, которого тоже пережила, и в конце жизни превратилась в единоличную хозяйку всех имений и земель, за которые сражалась всю жизнь. Леди Энн была настоящей хозяйкой поместья Ноул, заботливой и щедрой: вникала во все тонкости ведения хозяйства, тщательно подсчитывала доходы и расходы, была в курсе подробностей жизни слуг и обеспечивала их приданым. Из всех её семи детей (пять от первого брака и двое от второго) до взрослого возраста дожили только две дочери от брака с Ричардом Сэквилом, которые произвели на свет многочисленных внуков леди Энн. Все визиты внуков доставляли леди Энн огромное удовольствие. Она дожила до восьмидесяти шести лет и не боялась смерти, потому что прожила жизнь честно и в соответствии со своими принципами.

Вита Сэквилл-Уэст явно восхищается личностью леди Энн, и поэтому большая часть четвертой главы книги посвящена ей. Более того, можно утверждать, что портрет леди Энн выписан с особой симпатией именно потому, что она, по мнению автора книги, обладала не только обаятельными личностными чертами, но и была творчески

одаренным человеком. В. Сэквилл-Уэст была явно благодарна своей далекой прапрапрабабушке за жизненный пример и за творческое сотрудничество, ведь, как уже было сказано, именно дневник леди Энн стал основой для написания четвертой главы хроники «Ноул и род Сэквилл». Через год после ее выхода, в 1923 году, Вита Сэквилл-Уэст поспособствует публикации дневника леди Энн, выступив в качестве автора предисловия и комментариев к нему. И еще одно немаловажное обстоятельство, которое, на наш взгляд, вызвало особенную симпатию автора хроники к леди Энн: разделяя феминистские идеи своего времени, В. Сэквилл-Уэст не могла не очароваться независимостью суждений и твердостью воли этой женщины, жившей во времена, когда слабый пол всячески ограничивался в правах и свободах.

В пятой главе даётся жизнеописание Эдварда Сэквилла, четвертого графа Дорсетского, брата Ричарда Сэквилла. К Эдварду Сэквиллу перешло поместье и угодья после смерти его брата, потому что недвижимость в Англии наследовалась по мужской линии, а у Ричарда Сэквилла не было доживших до зрелого возраста сыновей. Именно это обстоятельство не позволило в свое время самой В. Сэквилл-Уэст стать владелицей обожаемого Ноула, что, очевидно, стало для нее одной из причин взяться за написание данной книги: ее желание обладать им, связать свое имя с именем поместья, воплотилось в ностальгически и любовно воссозданной истории этого места и его обитателей. Предки В. Сэквилл-Уэст «оживают» под ее пером; она отдает дань памяти людям, чей вкус, возможности и старания подарили ее любимому поместью тот облик, который она запомнила на всю жизнь и который попадет на страницы как поэтических, так и прозаических ее произведений.

Итак, Эдвард Сэквилл в возрасте тридцати четырёх лет унаследовал от брата Ричарда титул и поместье, а до этого успел посесть в палате Общин, побыть послом у Людовика XIII, попутешествовать по Франции и Италии, сменить несколько официальных должностей при короле Карле I. В. Сэквилл-Уэст даёт ему положительную характеристику, основываясь на сохранившихся бумагах: записях речей и других официальных документах [5, с. 90]. Особенно ее впечатлила преданность Э. Сэквилла королю Карлу I. После победы Кромвеля в войне и казни Карла I Э. Сэквилл поклялся не переступить порог собственного дома и сдержал своё обещание. Он пережил своего суверена на три года. Жил он не бедствуя, хотя его экстравагантный брат-предшественник делал всё возможное, чтобы промотать как можно больше денег. Эдвард, хотя и постоянно жаловался на нехватку средств, тоже жил на широкую ногу, получая значительный доход от своих земель и недвижимости. При Карле I он даже приобрёл значительные земельные угодья в Северной Америке (то, что сейчас включает Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию и многочисленные острова). Его жизнь, полная отваги и приключений, повлияла на В. Сэквилл-Уэст вдохновляюще: автор признаётся, что для неё Э. Сэквилл был воплощением рыцарской романтики. Еще в возрасте тринадцати лет она написала огромный приключенческий роман о нём и его сыновьях в духе «Сирано» и «Трёх мушкетеров», в котором с любовью выписала поместье Ноул. Всё, что вдохновило её, автор перечисляет в одном большом предложении: прекрасный портрет в семейной галерее пера Ван Дейка, дуэль Э. Сэквилла с лордом Брюсом, его преданность Карлу I, рейд солдат Кромвеля по Ноулу, убийство его младшего сына «круглоголовыми» и многое-многое другое [5, с. 82].

Далее автор переходит к наследникам имения эпохи Республики и Реставрации. Преемником Эдварда Сэквилла был его старший сын Ричард, который путём женитьбы

на богатой наследнице леди Фрэнсис Крэнфилд (её отец был казначеем при Якове I) приобрёл поместье Копт Холл в Эссексе со всем его роскошным убранством. Вита Сэквилл-Уэст делает акцент на том, что многие образцы изысканной мебели, гобелены, портреты Крэнфилдов, а также портреты исторических личностей и другие ценные вещи, которые и в эпоху писательницы украшали Ноул, были привезены из Копт Холла.

У Ричарда Сэквилла и леди Фрэнсис Крэнфилд было семь сыновей и шесть дочерей, многие из которых умерли в раннем детстве. Старший сын - Чарльз, шестой граф Дорсет - наследовал отцу. Вита Сэквилл-Уэст отмечает, что Чарльз Сэквилл не был образцом для подражания и вёл далеко не примерную жизнь [5, с. 115], однако эпоха Карла II очень подходила ему: это было время, когда сам король предавался многочисленным развлечениям после периода пуританства, который переживала Англия во время правления Кромвеля, а подданные короля брали с него пример. Автор называет Чарльза Графом Реставрации, потому что он не только жил в период правления Карла II, но и следовал моде того времени на весёлую, полную приключений жизнь, имел множество любовниц, разбирался в искусстве, а также всячески украшал родовое гнездо [5, с. 115]. Известно, что Чарльз Сэквилл отверг предложение короля о работе в его канцелярии, дабы быть свободным от всего и полнее наслаждаться прелестями жизни. Тем не менее, он добровольцем пошёл на войну с голландцами в 1665 г., и там перед одним морским сражением написал ставшую известной песню «To All You Ladies Now At Land». Вита Сэквилл-Уэст оговаривается: хотя авторство этой песни оспаривалось некоторыми историками, сама она верит, что песня написана именно её предком.

Чарльз Сэквилл не только сам сочинял стихи, но и покровительствовал представителям различных видов искусств. При Карле II театр вышел на новый виток развития: появились декорации, костюмы стали более продуманными, женские роли стали исполнять сами женщины. Прекрасными актрисами начали интересоваться представители знати, и Чарльз Сэквилл не стал исключением. Его имя тесно связано с именем Нелл Гвин, которая сначала была продавщицей апельсинов в театре, потом – актрисой, а потом её из театра забрал Чарльз Сэквилл, сделав своей любовницей. Некоторое время они вместе вели хозяйство, жили как муж и жена, но потом Нелл опять вернулась в театр, где её заметил сам король Карл II, который посылал за ней время от времени. До Карла II появление короля в театре было неслыханным делом, представления обычно организовывались во дворце. Карл II любил приезжать в театр, покровительствовал театральному искусству и даже следовал моде на актрис-любовниц, принятой среди вельмож. В. Сэквилл-Уэст пишет о том, что в Ноуле даже есть портрет Нелл Гвин, который, по всей видимости, приобрёл Чарльз Сэквилл в молодости.

Примечательно, что Чарльз Сэквилл был активен во внутривластных делах, занимая официальные должности и принимая участие в интригах и похищениях: когда после смерти Карла II на престол взошёл его младший брат католик Яков II, Чарльз Сэквилл сделал всё возможное для того, чтобы его свергнуть. Как пишет Вита Сэквилл-Уэст, он активно способствовал восшествию Вильгельма III на престол, участвовал в побеге принцессы Анны, которая впоследствии стала королевой Анной. Лорд Дорсет, он же Чарльз Сэквилл, сохранил связи с семьёй покойного короля Карла II: он даже предлагал вдовствующей королеве Екатерине Браганской безвозмездно жить в Ноуле. Воспользовалась ли королева этим щедрым предложением, неизвестно. Чарльзу Сэквиллу удалось завоевать расположение нового короля Вильгельма III и сохранить свои позиции вплоть до выхода на пенсию в 1697 году [5, с. 139-140].

У лорда Чарльза было 5 незаконнорождённых детей: 4 девочки и 1 мальчик, которые при его жизни часто просили у него помощи и денег, и отец им не отказывал, как не отказывал в помощи и представителям искусства: поэту и переводчику Джону Драйдену, драматургу Чарльзу Монтегю, поэту и дипломату Мэтью Прайору, придворному поэту Томасу Шедвеллу и другим.

В седьмой главе «Ноул в начале XVIII века» В. Сэквилл-Уэст рассказывает о седьмом графе и первом герцоге Дорсета Лайонеле Сэквилле. Он был типичным представителем провинциального дворянства, наслаждался тихой жизнью в Ноуле [5, с. 153]. Л. Сэквилл был заботливым хозяином Ноула, улучшая и реставрируя его. У него было несколько официальных должностей с установленной зарплатой: губернатора портов и лейтенанта-смотрителя Дуврского замка. Его положение в обществе, как и у его предков, оставалось очень значительным: когда в 1714 г. умерла королева Анна, именно лорду Дорсету было поручено объявить об этом следующему королю, Георгу I Ганноверскому, ближайшему наследнику-протестанту Стюартов согласно «Акту о престолонаследии» 1701 г. Лорд Дорсет был в милости как у Георга I, так и у его сына Георга II [5, с. 161]. Лайонел Сэквилл покровительствовал актрисе Пег Воффингтон, но была ли она его любовницей подобно тому, как Нелл Гвин была любовницей его отца, достоверно не известно. В. Сэквилл-Уэст упоминает о том, что портреты и Пег Воффингтон, и Нелл Гвин, и Джаннетты Баччелли (итальянской любовницы уже третьего герцога Дорсета, речь о котором пойдёт далее) находятся в Ноуле.

У Лайонела Сэквилла было три сына, старший из которых - Чарльз Сэквилл - унаследовал имение после смерти отца и стал вторым герцогом Дорсета. Вита Сэквилл-Уэст не уделяет этому герцогу много внимания, ограничиваясь нелестными фразами современников в его адрес. Однако он также не был чужд миру искусства: ставил оперы и тратил огромные суммы на защиту певцов в судебных исках [5, с. 173].

В восьмой главе «Ноул в конце XVIII века» речь идёт о Джоне Фредерике Сэквилле, третьем герцоге Дорсета. Жизнь он вёл приближённую к богемной, был знатен, богат и очарователен, хотя сам никакими особенными талантами не обладал [5, с. 177]. Он стал герцогом в двадцать четыре года, а некоторое время спустя был назначен послом в Париж, и это было время, когда герцог активно поддерживал и спонсировал Парижский балет, был чрезвычайно популярен и был в милости у самой королевы Марии Антуанетты. В своих многочисленных письмах из Франции он пишет о драгоценностях, развлечениях, об одобрении правительством эксперимента братьев Монгольфье с воздушным шаром, но в них и намёка нет на приближающуюся революцию и взятие Бастилии. Вита Сэквилл-Уэст пишет с сожалением о беспечности предка, но в то же время признаёт, что, даже если бы герцог и смог предвидеть страшные события, вряд ли это изменило бы ход истории. К тому же у герцога в Париже были другие заботы: он совсем потерял голову от красоты и грации итальянской танцовщицы Джаннетты Баччелли: «He gave her his Garter to wear as a hair-ribbon, brought her home to England with him, sent her to a ball in Sevenoaks wearing the family jewels - which provoked a great scandal in the county - and gave her one of the towers at Knoles, which to this day remains, through the mispronunciation of the English servants, "Shelley's Tower"» [5, с. 188]. Вита Сэквилл-Уэст подчёркивает, что герцог исполнял все прихоти Баччелли: заказывал не только её портреты у Рейнолдса и Гейнсборо, но и портреты её слуг, оплачивал извятие обнажённой Баччелли, которое сначала стояло в гостиной, а потом было отправлено на чердак после расставания с танцовщицей.

Через год после этого герцог женился на богатой наследнице Арабелле Диане Коуп, женщине строгих нравов, бережливой, сдержанной и высокомерной, полной противоположности Джаннетты Баччелли [5, с. 193]. Герцогиня установила свои железные порядки в Ноуле, подчинила мужа, растила троих детей в строгости. Она никогда не выходила из себя, в отличие от мужа, который ссорился с друзьями, становился раздражительным и подверженным унынию. В состоянии, похожем на депрессию, герцог провёл последние годы, с тоской вспоминая лихие годы молодости, когда он кутил, постоянно заводил романы с красавицами и тратил огромные суммы на балы, приёмы и поддержку искусства [5, с. 200].

Особенный интерес Виты Сэквилл-Уэст вызывает портрет трёх детей Сэквилла, написанный Джоном Хоппнером в 1796 году. Историю создания этого портрета рассказал Вите Сэквилл-Уэст её дед, Лайонел Сэквилл-Уэст. На портрете изображены трое детей: девочка, мальчик и младшая девочка. Босая малышка расстроено смотрит на туфельки старшей сестры, а брат, обняв, утешает её. Эти позы не были придуманы: Хоппнер случайно увидел это происшествие и запечатлел его. Поэтому от картины веет свежестью, искренностью и детским простодушием. Младшая героиня картины – Елизавета, будущая мать дедушки Виты Сэквилл-Уэст, которая и рассказала сыну историю создания портрета.

Последнюю главу «Ноул в XIX веке» автор начинает с жизнеописания отчима следующего наследника Ноула. Им был лорд Уитворт, замуж за которого вышла леди Арабелла Диана после кончины мужа, Джона Фредерика Сэквилла, третьего герцога Дорсета, который умер в возрасте пятидесяти четырёх лет. Его сыну, Джорджу Джону Фредерику Сэквиллу, было на тот момент всего пять. Лорд Уитворт был послом Великобритании при дворах Екатерины II и Павла I в России. И хотя он не был кровно связан с родом Сэквиллов, в нём была черта, роднившая его с ними, – любвеобильность. Во времена пребывания в России лорд Уитворт очаровал некую графиню Гербецову настолько, что она предоставила своё состояние в распоряжение лорда, за что лорд Уитворт обещал на ней жениться после её развода с мужем. Но развод в те времена был делом длительным, и лорда уже отозвали в Англию к тому моменту, как развод был получен графиней. Как только бумаги о разводе были на руках у графини, она отправилась вслед за возлюбленным. Однако в Лейпциге она узнала о помолвке лорда Уитворта и герцогини Дорсетской, что заставило её поторопиться. Она незамедлительно отбыла в Англию, но опоздала: брак был уже оформлен. Русская графиня не успокоилась, пока её протесты и финансовые претензии к лорду Уитворту не были удовлетворены герцогиней Дорсетской, которая неохотно выплатила графине сумму в десять тысяч фунтов стерлингов. Что касается лорда Уитворта, то он впоследствии стал послом во Французской республике, лордом-лейтенантом Ирландии и герцогом Дорсета благодаря женитьбе на богатой и влиятельной вдове.

В это время подрастал наследник Ноула Джордж Джон Фредерик Сэквилл. Вита Сэквилл-Уэст предполагает, что Джорджу и его сёстрам было одиноко в Ноуле с такой строгой матерью и равнодушным к ним отчимом. Джордж учился вместе с лордом Байроном, который вспоминал в письме знакомому после гибели Джорджа, что они дружили в школьные времена. Это один из немногих известных о молодом наследнике фактов, который не мог не заинтересовать Виту Сэквилл-Уэст [5, с. 205]. Жизнь молодого наследника оборвалась внезапно в возрасте двадцати одного года: трагедия произошла в Ирландии на охоте, когда лошадь молодого герцога не смогла удачно преодолеть

препятствие в виде стены, неудачно приземлилась со всадником и, перевернувшись, придавила его. Титул пятого герцога Дорсета после этого перешёл к двоюродному брату третьего герцога, но имение Ноул оставалось в собственности леди Арабеллы Дианы до конца её жизни благодаря завещанию её первого мужа. Герцогиня и лорд Уитворт реставрировали Ноул, придавали ему черты стиля начала XIX века.

После смерти леди Арабеллы Дианы в 1825 г. её имение перешло её двум дочерям, Мэри и Елизавете, в будущем – прабабушке Виты Сэквилл-Уэст. Она вышла замуж за Джона Уэста, лорда де ла Варр, а умерла в 1870 году, оставив имение Бакхёрст своим старшим сыновьям, а Ноул – младшим, одним из которых был дед Виты Сэквилл-Уэст.

Своего деда по материнской линии автор вспоминает с особой теплотой, хотя тот был странным и тихим стариком, который совершенно не разбирался в произведениях искусства Ноула и часто отгаживал посетителей негостеприимным приёмом [5, с. 220]. Он умер в возрасте восьмидесяти лет, но никогда не рассказывал внучке о личных перипетиях своей жизни, а рассказать было о чём: о романе и женитьбе на испанской танцовщице Пепите, о том, как её не приняло чопорное английское общество, и Пепита рано умерла, об удачной карьере дипломата в США, и о его блистательной дочери Виктории Жозефе, матери Виты. Вита Сэквилл-Уэст узнавала обо всём сама из многочисленных письменных свидетельств и устных рассказов других людей. Об этих событиях повествуется уже в другом произведении – биографической книге Виты Сэквилл-Уэст «Пепита», которое, по мнению некоторых исследователей, продолжает авторский поиск собственной творческой и личностной идентичности.

ВЫВОДЫ

Вита Сэквилл-Уэст провела научно-исследовательскую и архивно-разыскную работу, в которой была тщательно воссоздана семейная хроника ее рода, а также история поместья, где жили ее многочисленные предки. Это произведение представляет собой образец смешанной жанровой природы, включая в себя черты семейной хроники, автобиографии и романизированной биографии исторических персонажей.

Скрупулезность, обилие подробностей, которыми изобилует книга, выдают в ее авторе склонность к научному поиску, осмыслению и систематизированию исторического материала, а ироничный, живой и легкий слог свидетельствуют о несомненном художественном таланте. Сочетание указанных черт формируют уникальный идиостиль писательницы, а жанр исторической хроники перерастает в увлекательное повествование, местами напоминающее роман.

Эта книга представляет немалую ценность и как документальное исследование, и как череда исторических зарисовок, и как своеобразные мемуары очевидца. Все герои произведения выписаны с теплотой и пониманием, и все же особая симпатия автора хроники на стороне людей, творчески одаренных: пишущих стихи или ведущих дневники, покровительствующих деятелям искусства, а также тех, чье пребывание в Ноул-хаусе пошло на пользу поместью.

Побудительным мотивом для написания данного произведения стало, вероятнее всего, то, что по закону о наследовании Вита Сэквилл-Уэст не могла претендовать на владение поместьем, где она родилась и которое любила, но никто не мог запретить ей написать о нем книгу, навсегда соединив свое имя с именем Ноул-хауса.

Список литературы

1. Денисова И. В. Истоки гендерной идентичности личности в творчестве В. Вулф. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-gendernoy-identichnosti-lichnosti-v-tvorchestve-v-vulf>. – (Дата обращения: 15.08.2022)
2. Ливергант А. Я. Вирджиния Вулф: «моменты бытия». – Москва: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. – 448 с.
3. Рейнгольд Н. И. Модернизм в английской литературе: История. Взгляды. Программные эссе. – М: РГГУ, 2017. – 557 с.
4. Midorikawa E., Sweeney E. C. A Secret Sisterhood. The Hidden Friendships of Austen, Brontë, Eliot and Woolf – Aurum Press, 2018. – 319 p.
5. Sackville-West, V. Knole and the Sackvilles. – Tonbridge, Kent: Ernest Benn Limited, first published 1922, 5th impression 1984. – Режим доступа: https://archive.org/details/knolesackvilles00sack_0/page/n7/mode/2up. – (Дата обращения: 15.07.2022)

References

1. Denisova I. V. Istoki gendernoj identichnosti lichnosti v tvorchestve V. Vulf [The Origins of the Gender Identity of the Individual in the Work of V. Woolf]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-gendernoy-identichnosti-lichnosti-v-tvorchestve-v-vulf> (accessed: 15 August 2022).
2. Livergant A. Ja. Virdzhinija Vulf: «momenty bytija». [Virginia Woolf: "Moments of Being"]. Moskva Izdatel'stvo AST : Redakcija Eleny Shubinoj, 2018. 448 p. (Literaturnye biografii).
3. Rejngol'd N. I. Modernizm v anglijskoj literature: Istorija. Vzglyady. Programmnye jesse. [Modernism in English Literature: A History. Views. Software Essays].M: RGGU, 2017. 557 p.
4. Midorikawa E., Sweeney E. C. A Secret Sisterhood. The Hidden Friendships of Austen, Brontë, Eliot and Woolf. Aurum Press, 2018. 319 p.
5. Sackville-West, V. Knole and the Sackvilles. Tonbridge, Kent: Ernest Benn Limited, first published 1922, 5th impression 1984. Available from: https://archive.org/details/knolesackvilles00sack_0/page/n7/mode/2up (accessed: 15 July 2022).

THE CHRONICLE "KNOLE AND THE SACKVILLES"¹
BY VITA SACKVILLE-WEST:
A SEARCH FOR THE AUTHOR'S SELF-IDENTITY

Bespalova Ye. K., Yazykova T. V.

This article, for the first time in Russian literary criticism, examines one of the early works of the English writer Vita Sackville-West from the point of view of the formation of her unique idiostyle, which combines autobiographical, historiographical and artistic features. The scientific novelty of the work lies in the fact that it introduces into scientific circulation the materials of the documentary-historical work of the family chronicle genre “Knole and the Sackvilles” (1922), which has not been translated into Russian, and which is also considered as one of the ways of searching for the writer's self-identity. The work uses an integrated approach, including biographical and psychological methods, as well as stylistic analysis of the text. The authors come to the conclusion that Vita Sackville-West carried out real research and archival investigative work, in which the family chronicle of her family was carefully recreated, as well as the history of the estate in which her numerous ancestors lived during different eras. This documentary-historical work is an example of a mixed genre nature, including features of a family chronicle, autobiography and a novelized biography of historical characters.

Key words: Vita Sackville-West, Knole, an English house, «Englishness», documentary-historical prose, family chronicle, creativity, author's self-identity, idiostyle.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

УДК 821.111

А. ГРЕЙ В РАМКАХ ШОТЛАНДСКОГО «ДЕВОЛЮЦИОННОГО» КАНОНА¹

Мартыненко Е. А.

*Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: emartynenko@sfedu.ru*

Статья посвящена исследованию литературного наследия А. Грея в контексте дискуссии о формирующемся «деволюционном» шотландском каноне. В ней используется социологический подход к определению канона и «культурного поля» с опорой на работы П. Бурдьё, что позволяет предоставить комплексное описание творческой репутации А. Грея. Его романы переведены на десятки языков, отмечены рядом престижных премий и включены в учебные программы вузов. Непреходящая популярность художественной прозы А. Грея привлекают внимание широкой читательской аудитории к литературному процессу Шотландии. Как писатель с ярко очерченным экспериментальным профилем он кардинально трансформировал «ландшафт» современной шотландской художественной прозы, определив траекторию ее развития на современном этапе. При этом непосредственно сам национальный канон выступал для писателя в равной степени как объект исследования (работа «Short Survey of Scottish Literature») и как отправная точка для собственного творчества.

Ключевые слова: А. Грей, шотландская литература, литературный канон, поле литературы.

ВВЕДЕНИЕ

Творческое наследие шотландца А. Грея, ярко заявившего о себе романами «Ланарк» (1981), «1982, Жанин» (1984) и «Бедные-несчастные» (1992), практически сразу преодолело национальные границы. Как писатель с ярко очерченным экспериментальным профилем он кардинально трансформировал «ландшафт» современной шотландской художественной прозы, определив траекторию ее развития на современном этапе. При этом, блестящий интеллектуал и редкий эрудит, А. Грей был чужд всякому литературному провинциализму, считал себя истинным ценителем классического литературного наследия, великих шедевров мировой литературы от Дж. Мильтона до Ф. М. Достоевского.

В исследовании Ф. Мейсон «Historical Dictionary of Postmodernist Literature and Theater» А. Грей признается в качестве одного из наиболее значимых писателей-постмодернистов наряду с И. Кальвино, У. Эко и Г.Г. Маркесом [21, р. 134-136]. В известной работе «Postmodernist Fiction» Б. Макхейл обращается к художественной прозе писателя как к источнику иллюстративного материала для описания характерных особенностей постмодернистской поэтики [23]. В работе «Reassessing the Twentieth-Century Canon: From Joseph Conrad to Zadie Smith» А. Грей включается в «пантеон» англоязычных писателей XX в. вместе с Ф. С. Фицджеральдом, Дж. Оруэллом, Г. Грином, К. Кизи, А. Картер, Ж. Уинтерсон, Х. Курейши и З. Смит [3]. А. Райк в «What is Scottish Literature?» вносит его в список 25 главных шотландских писателей («Twenty-five Essential Scottish Writers»), включающий в себя как классиков, так и наших современников [26]. Изучая процесс формирования шотландского литературного канона в «Arcades – The 1980s and 1990s», М. Гардинер отводит важное место А. Грею как писателю, стоявшему у истоков второго ренессанса шотландской культуры [10].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90055.

Художественная эклектика романов А. Грея, а также оригинальная позиция писателя-эксцентрика и интеллектуала, шотландского патриота и литератора-космополита усложняют понимание целостной творческой концепции писателя в категориях какой бы то ни было традиции. Вместе с тем его творчество не может быть рассмотрено в отрыве от малого, национального канона. Писатель вступает в художественный диалог с «сильными авторами» шотландской литературной традиции. Наряду с этим он мыслится центральной фигурой «поля литературы» и литературного процесса Шотландии, связанного с формированием «деволюционного канона».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

«Деволюционный» канон шотландской литературы

Литературный канон определяется как группа авторитетных художественных текстов, которые выступают мерилем ценности других произведений, уточняют предмет литературоведения как научной дисциплины, а также влияют на критическую и культурную рецепцию литературы в целом [25, р. 521]. Хотя литературный канон зачастую отождествляется с учебными планами, в действительности он весьма слабо структурирован и являет собой статичную группу текстов, которая может быть со временем пересмотрена или дополнена. Е.Д. Колбас рассматривает формирование канонов как исторически кумулятивный процесс, в рамках которого каждый некогда «канонизированный» текст или автор получает постоянное признание [17, р. 60]. По мнению Ф.Р. Ливиса, признание во многом определяется гражданской и общественной функцией литературы: «формальное совершенство ... может быть оценено только в терминах моральной ответственности, характеризующей особый интерес писателя к жизненным фактам» [цит. по 18, р. 34, пер. наш]. В связи с этим вполне закономерно, что при исследовании литературного канона целый ряд критиков переносит фокус внимания с эстетических качеств произведений на их социальное функционирование. Так, например, Дж. Томпкинс утверждает, что «канонизация» писателя возможна лишь в случае удачного совпадения интересов различных социальных групп (профессиональных, коммерческих, национальных), благодаря которым его творчество становится заметным для широкой читательской аудитории [29, р. 32].

Начиная с 1970-х годов встает вопрос о том, не является ли само понятие эстетического вкуса, определяющее состав литературного канона, производной от идеологических моделей. По мысли Г.Л. Гейтса мл., кажущийся на первый взгляд «нерукотворным», литературный канон в действительности оказывается политизирован [11, р. 1623]. Находясь на стыке власти и знания, классика защищает интересы доминирующих групп. Дискриминация меньшинств проецируется на духовную сферу, делая их литературу, равно как и культурные ценности, «невидимыми» для образовательного и официального канонов. В связи с этим приверженцы либерально-плюралистического подхода призывают или расширить канон, дабы он мог вмещать в себя большее разнообразие идей и ценностей, или создать отдельные каноны, которые бы защищали интересы меньшинств.

Высокий спрос на антологии социальных меньшинств подрывает идею канона как «культурного капитала элиты» и утверждает представление о нем как о «воображаемом единстве» («an imaginary unity» [30, р. 71]). Тем самым особая значимость придается малому, национальному канону, определяемому как перечень текстов и авторов,

признанных академическим сообществом и читательской аудиторией ключевыми в рамках отдельно взятой культуры.

До недавнего времени фокус внимания шотландских писателей и исследователей был направлен не на национальный, а на британский канон, центральное место в котором занимала литература Англии. Стремясь укрепить в своей стране британскую культурную идентичность и языковые нормы, шотландские университеты XVIII века строили свои курсы по философии и риторике с опорой не только на каноничные тексты античной эпохи, но и на произведения известных английских писателей прошлого (Дж. Чосера, У. Шекспира, Дж. Мильтона), включая родоначальников английского романа (У. Дефо, Дж. Свифта, Г. Филдинга), которые выступали в качестве образцов. Примечательно, что первая в Великобритании кафедра английского языка и литературы также была создана в Шотландии (Глазго, 1862 год), причем под английской литературой тогда понималась литература Соединенного Королевства [16, р. 44].

Впервые шотландская литература становится объектом серьезного научного анализа в работе Г. Смита «Scottish Literature: Character and Influence» (1919), однако начальные шаги к институционализации ее исследований были сделаны только во второй половине двадцатого столетия. В 1951 году начала свою работу School of Scottish Studies, двадцать лет спустя в университете Глазго была открыта первая кафедра шотландской литературы. К тому моменту идея британской идентичности была существенно дискредитирована, что породило сепаратистские настроения как в политике, так и в области художественного слова.

В те годы окончательному «разрыву» препятствовал страх того, что национальные ценности, очищенные от примеси английской культуры, могут оказаться иллюзорными. В общественной мысли 1970-80 годов вера в культурное возрождение страны соседствовала со скепсисом по поводу ее экономического и политического будущего [7, р. 124]. А. Масси не без иронии отмечал, что писать о нации «неудачников» весьма проблематично [22, р. 96].

Кульминационной точкой в истории Шотландии стал второй референдум о деволюции 1997 г., в результате чего был создан независимый национальный парламент. Это событие привело к пересмотру вопроса о сущности шотландской литературы. Если раньше она мыслилась как средство конструирования шотландского националистического дискурса, то теперь стала восприниматься в качестве литературы, обладающей неоспоримыми эстетическими достоинствами и уникальной национальной спецификой [28, р. 1]. Наглядной иллюстрацией этого является увеличение числа научных публикаций, посвященных исследованию историко-литературного процесса и современного литературного ландшафта Шотландии в ведущих журнальных изданиях так называемого «англ. лита» («Engl. Lit»): «Modern Language Quarterly», «Publications of the Modern Language Association» и «Review of English Studies» [цит. по: 8, р. 20].

Важно отметить, что академические дискуссии о сущности современного шотландского канона оказывают непосредственное воздействие на сам литературный процесс. Так, в 1978 году Ф.Р. Харт в работе «The Scottish Novel» выделил целый ряд проблем, препятствующих его формированию. В первую очередь они были обусловлены противоречием творческих интенций: стремлением шотландских писателей изобразить быт типичного представителя нации и одновременно с этим вписать свое произведение в общемировой контекст, придать ему универсальное значение. Вторая проблема была связана с тем, что для шотландской литературы характерно комбинирование подчас

конфликтующих стилей и жанровых начал: едкой сатиры и романтического пафоса, реализма и фантастики. Последняя проблема имеет отношение к языку. Как известно, в повседневном общении население Шотландии использует «скотс», один из региональных диалектов английского, а в отдельных регионах страны продолжают говорить на гэльском. В то же время одной из главных речевых характеристик повествователя является использование литературного английского. Тем самым рассказ о жизни шотландцев ведется на языке гегемона, что подчеркивает неравное положение повествователя и героев [15, p. 406–407].

Писатели второго шотландского ренессанса (1980-90-х годов) не стремились обойти проблемы, выделенные Ф.Р. Хартом. Вместо этого они положили их в основу новой литературной традиции. Так, в «Ланарке» А. Грея представлены две тесно связанные сюжетные линии – реалистическая и фантастическая. История взросления Дункана Тоу в послевоенном Глазго написана в духе локального реализма и отражает «местную» правду. В частях о его альтер-эго Ланарке изображены все национальные типы и исторические эпохи. А. Грей смело комбинирует, казалось бы, несочетаемые жанры. Например, «1982, Жанин» содержит в себе черты политического памфлета и эротического романа. Хотя, в отличие от Дж. Келмана и И. Уэлша, А. Грей редко использует шотландский диалект, он, очевидно, считает его ничуть не менее значимым, чем стандартизованный британский диалект, подтверждением чему служит роман «Something Leather» (1990), где писатель иронизирует над особенностями произношения как шотландцев, так и англичан.

Ретроспективно определяется пантеон «великих шотландских авторов» и прецедентных текстов, куда входит роман Дж. Хогга «Исповедь оправданного грешника», Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит», повесть Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» и исторический роман «Владелец Баллантрэ», а также сказочная повесть Дж. Барри «Питер Пэн» [Ibid., p. 131].

А. Грей в «поле литературы»

Согласно П. Бурдые, «поле литературы» характеризуется отсутствием жестких институциональных границ, максимальной открытостью для всевозможных меньшинств (в том числе национальных) и действием принципа «экономики наоборот», проявляющегося в кажущейся незаинтересованности в обогащении со стороны входящих в него агентов [1, с. 371].

П. Бурдые выделяет внешнее (гетерогенное) и внутреннее (автономное) «поля литературы». В первом доминируют экономические и политические интересы. Иерархия писателей в рамках этого поля определяется показателями коммерческого успеха (тираж, количество постановок и т.д.), известностью в обществе (например, по количеству наград), наличием спонсоров и заказчиков, а также сотрудничеством со СМИ. Иерархия писателя во внутреннем поле зависит от признания со стороны других писателей, критиков и компетентных читателей, а также его приверженности «ценностям бескорыстия» [Там же, с. 373].

А. Грей весьма популярен у себя на родине в Шотландии и является «одним из старцев», возродивших в 1980-х годах интерес широкой общественности к национальной культуре и литературе [3, p. 206]. Вместе с тем он широко известен в англоязычных странах. Так, роман «Ланарк» был трижды переиздан в США, «Бедные-несчастные» – дважды. В дополнение к этому творчество А. Грея высоко оценивается читательской

аудитории по всему миру: его романы переведены на несколько десятков языков, включая польский, шведский, японский, сербохорватский и литовский [12, р. 4].

Проследить процесс канонизации авторов в рамках внешнего поля позволяют такие «показатели признания», как литературные премии. Дебютный роман А. Грея «Ланарк», который создавался на протяжении более двадцати пяти лет, был отмечен целым рядом наград: Scottish Arts Council Book Award (1981), Saltire Society Scottish Book of the Year Award (1981) и Niven Novel Award (1982), а также номинирован на Букеровскую премию. Сборник рассказов «Unlikely Stories, Mostly» получил The Cheltenham Prize (1983). Роман «Бедные-несчастные» был удостоен Whitbread Novel Award (1992) и Guardian Fiction Prize (1992) [5].

Писатель сотрудничал со многими популярными издательскими домами, в числе которых шотландское издательство Canongate, не раз отмеченное такими престижными наградами, как British Book Awards и British Book Industry Awards, а также Penguin Books, Bloomsbury Publishing, Picador, Jonathan Cape.

За пределами литературно-критической среды А. Грея традиционно причисляют к числу значимых шотландских писателей, хотя он ощутимо менее известен, чем признанные классики шотландской литературы, Р. Бернс и В. Скотт, или популярные современные писатели А. Смит и И. Уэлш. Имя А. Грея встречается в списке выдающихся шотландских авторов на странице онлайн-гида Undiscovered Scotland [27] и на сайте Scotland.org [19], целью которых является создание бренда прогрессивной и открытой новациям Шотландии. Шотландская поэтесса и блогер Х. Форнеллс включает А. Грея в список «10 современных шотландских писателей, о которых вы должны знать» [9]. В 2013 году Н. Барли, организатор Эдинбургского международного книжного фестиваля, назвал А. Грея «величайшим из ныне живущих шотландских писателей», а его роман «Ланарк» – важнейшим текстом шотландской литературы за последние пятьдесят лет [6].

Хотя ни один из романов А. Грея так и не был экранизирован, сохранились сценарии киноадаптаций «Ланарка» и «Бедных-несчастных» [13]. В 2015 году на Эдинбургском фестивале сценических искусств был показан спектакль по роману «Ланарк», приуроченный к 80-летию писателя. Несмотря на то, что 4-х часовая постановка существенно упрощает сюжет оригинального произведения, по мнению театрального критика К. Бреннан, ей удается передать дух культового романа [4].

Росту престижа и популярности произведений писателя также способствовали медийные инструменты. Первый документальный фильм, посвященный его поэзии и живописи «Under the Helmet» (реж. Б. Киттс, прод. Х. Велдон), был снят в 1964 году при поддержке телекомпании BBC, причем именно доход от него позволил А. Грею начать карьеру независимого художника и писателя. В 2014 году, спустя 50 лет с момента создания первого документального фильма, была выпущена телепередача под названием «Alasdair Gray: A Life in Progress», подводящая итог его творческого пути. Не менее интересен документальный фильм «Unlikely Murals ... Mostly», исследующий творческую лабораторию А. Грея. Любопытно, что данный документальный фильм был номинирован на премию Scottish 2002 BAFTA.

Несмотря на активную деятельность в рамках поля «широкого производства», А. Грей не переставал быть поборником «автономного принципа», отказываясь от почестей и создавая заведомо непопулярные произведения, а иногда и вовсе рискуя карьерой и статусом «признанного писателя». Так, он отказался от титула рыцаря,

предложенного ему шотландским политиком-лейбористом Г. Брауном за выдающийся вклад в британскую культуру [6].

В пользу высокого признания поэтического мастерства А. Грея как автора сборников «Old Negatives» (1989) и «Sixteen Occasional Poems 1990-2000» (2005) свидетельствует включение его в список выдающихся шотландских поэтов, представленный на сайте Библиотеки шотландской поэзии [2]. Однако есть все основания полагать, что лирика А. Грея, возможно, так и не нашла бы своих ценителей, если бы не успех его романов.

А. Грей был известен своей активной гражданской позицией. Вопросы независимости Шотландии посвящены его политические памфлеты, наиболее известными среди которых являются следующие: «Why Scots should rule Scotland» (1992), «How We Should Rule Ourselves» (2005) и «Settlers and Colonists» (2012). Последний из перечисленных спровоцировал широкий общественный резонанс и волну негодования в соцсетях. В нем писатель критически оценивает практику назначения на руководящие должности в учреждениях культуры Шотландии выходцев из Англии, а не местных кандидатов, именуя таких руководителей «колонизаторами». По мнению С. Хеймса, тем самым А. Грей перечеркнул возможность стать «национальным сокровищем», почитаемым всеми [14, p. 100].

В образе писателя-интеллектуала огромное значение придается не только его творчеству, но и «стилю жизни» [1, с. 385], что объясняет интерес широкой общественности к биографии А. Грея, прославившегося своими громкими националистическими высказываниями, подчеркнута шотландским акцентом и эксцентричным поведением.

Первая биография А. Грея «Alasdair Gray: A Secretary's Biography» увидела свет в 2009 году. Ее автором явился Р. Гласс, близкий друг и помощник писателя. В своей книге он скрупулезно воссоздает жизненный путь А. Грея, а также делится собственными впечатлениями от их совместной работы. Год спустя увидела свет автобиография «A Life in Pictures».

По замечанию П. Бурдые, признанные писатели в результате процесса канонизации зачастую превращаются в своеобразные институты [Там же, с. 381]. В 2017 году членской организацией Saltire Society, занимающейся вопросами сохранения и популяризации шотландского культурного наследия, была учреждена стипендия имени А. Грея в размере £1,000, выдаваемая молодым шотландцам, мечтающим о карьере в музыкальной, театральной или художественной сферах [24].

Ценным материалом для исследования процесса канонизации писателей являются монументы (статуи, портреты, изображения) и документы (перечни лауреатов, учебники, пособия) [1, с. 381]. К одному из таких «монументов» можно отнести картину К. Колвина «The Kelvingrove Eight...», созданную по заказу Шотландской Национальной Портретной Галереи в 2000 г. На ней изображены 8 наиболее значимых современных шотландских писателей в типичном Глазганском интерьере с разбросанными на полу книгами их авторства. Примечательно, что фигура А. Грея расположена на переднем плане.

Немаловажно и то, что А. Грей стал создателем популярной женской фигуры нации – Беллы Каледонии. Она встречается не только среди иллюстраций романа «Бедные-несчастные» и росписи паба Оран Мор в Глазго. В 2011 году ее изображение в несколько измененном виде было нанесено на рождественские открытки. В 2012 году оригинал был продан на благотворительном аукционе за £4800 (приблизительно 450 тысяч рублей) [20].

Это свидетельствует о том, что творчество А. Грея высоко оценивается широкой общественностью Шотландии и выступает предметом национальной гордости.

При исследовании иерархий литературных полей П. Бурдые призывает также обращаться к анализу деятельности «канонизирующих инстанций», вносящих свою лепту в распределение «производителей» по социальным группам [1, с. 381]. В связи с этим невозможно обойти вниманием вопрос места А. Грея в университетских программах.

Имя писателя прочно ассоциируется с университетом его родного города Глазго. В 1984 году он передал в дар университетской библиотеке манускрипт романа «Ланарк», а в 2002 году – поэтические черновики и наброски к рассказам. Помимо этого, на протяжении нескольких лет А. Грей вместе с Т. Леонардом и Дж. Келманом вел курс креативного письма. В настоящий момент в университете Глазго работает профессор А. Райк, ведущий исследователь творчества писателя и руководитель целого ряда проектов по изучению и популяризации его художественного наследия, одним из которых явился «Визуальный и литературный архив А. Грея», спонсированный Королевским обществом Эдинбурга.

Персональный шотландский канон А. Грея

В своей работе П. Бурдые, помимо различных полюсов, агентов и институтов литературного поля, касается вопроса литературных традиций и новаций. Он вводит понятие «пространство возможного», которое формируется на основе литературного наследия, определяющего репертуар художественных решений. Одним из свидетельств обращения писателей к этому пространству выступают их высказывания о творчестве великих предшественников [Там же, с. 435]. В связи с этим особого внимания заслуживает исследовательская работа А. Грея «A Short Survey of Classic Scottish Writing» (2001) [12].

По мнению А. Грея, в настоящий момент шотландская литература занимает незначительное место в рамках британского канона, последовательно нивелирующего ее национальную специфику. Так, например Р. Бернс представлен в нем как «Александр Поуп для бедных» [цит. по Ibid., р. X]. Британские университеты в свою очередь традиционно считают произведения шотландских авторов необязательными к прочтению. Все это привело к тому, что в конце XX века назрела насущная необходимость создания отдельных учебных программ и кафедр для исследования шотландской литературы.

А. Грей определяет литературный канон следующим образом: «Под классикой я понимаю то же самое, что Д.Г. Лоуренс в “Исследовании классической американской литературы”: все самое лучшее» [цит. по Ibid., р. XII, пер. наш]. Данная формулировка дает повод усомниться в непредвзятости оценок А. Грея. Тем не менее представленный в его исследовании перечень канонических шотландских авторов в целом не выходит за рамки университетских программ и учебников. Крайне важно, что историко-литературный обзор А. Грея заканчивается на 1934 году, который является годом его рождения. Тем самым он доверяет потомкам решить вопрос о своем месте в рамках шотландского литературного канона.

Анализируя старейшую из числа дошедших до нас поэм на шотландском языке «Брюс» Дж. Барбура, А. Грей отмечает удивительную для того времени амбивалентность образа национального героя. В произведении наряду с восхвалением Брюса имеет место

и элемент скепсиса по поводу его абсолютной нравственной непогрешимости [Ibid., p. 14]. Подобная неоднозначность характеров присуща и героям А. Грея: патриоту-неудачнику Джоку Маклюишу («1982, Жанин»), юному художнику Дункану Тоу («Ланарк») и «прекрасному монстру» Белле («Бедные-несчастные»).

Отдельная глава посвящена поэзии Р. Бернса. Писатель высоко оценивает характерное для нее многоголосие [Ibid., p. 81]. Роман А. Грея «Бедные-несчастные» также строится на основе принципа полифонии, где важная роль отводится женскому голосу. В дополнение к этому нетрудно проследить параллели между высказыванием писателя о политических воззрениях Р. Бернса («...демократ, который верит, что честность и здравый смысл однажды станут залогом социального равенства по всему миру») [цит. по Ibid., p. 83, пер. наш. – *Е.М.*] и несколько идеалистическими взглядами Беллы, главной героини романа «Бедные-несчастные».

Готический роман Дж. Хогга «Исповедь оправданного грешника», явивший миру блестящий образец полиперспективного повествования, описывается А. Греем, как «истинно шотландский роман по форме и содержанию» [цит. по Ibid., p. 93, пер. наш]. Данная повествовательная техника используется писателем в романе «Бедные-несчастные», наряду с множеством имплицитных и эксплицитных отсылок к данному прецедентному тексту.

Из числа шотландских поэтов второй половины XIX в. А. Грей особым образом выделяет Дж. Томсона, писавшего под псевдонимом Биши Ванолис. В его философской поэме «Город страшной ночи» по мрачным улицам, над которыми никогда не всходит солнце, бродят несчастные люди, лишённые любви, веры и надежды, удивительно схожие с героями 3 и 4 книг романа А. Грея «Ланарк», действие в котором происходит в полупустом Унтанке.

Несмотря на то, что последняя глава «A Short Survey of Classic Scottish Writing» называется «The Twentieth Century, Mainly», она посвящена исключительно литературе шотландского Ренессанса 1920-х годов. Весьма высокую оценку писателя получает роман «Дом с зелеными ставнями», в котором Дж. Д. Браун выступает против ностальгии по прошлому и романтизации сельской Шотландии. По мнению А. Грея, у данного романа есть всего лишь один недостаток: Дж. Д. Браун стремится не выразить, а описать «шотландскость» [Ibid., p. 124]. Сам же А. Грей конструирует Шотландию на основе архетипических национальных сюжетов и образов, например, женских фигур нации.

Вслед за романом Дж. Д. Брауна А. Грей обращается к «Шотландской тетради» Г. Гиббона. Его восхищает главная героиня Крис, которая несравненно сильнее, мудрее и добрее окружающих ее мужчин [Ibid., p. 140]. Фигура Беллы в романе «Бедные-несчастные» была во многом навеяна именно этим образом, однако, в отличие от Крис, героине А. Грея известен секрет того, как можно «вылечить» шотландское общество.

В своем исследовании А. Грей уделяет особенно пристальное внимание творчеству выдающегося поэта Х. Макдиармида, одного из ключевых деятелей шотландского возрождения. Рассматривая его стихотворение «Пьяница смотрит на чертополох», писатель выражает восторг тем, как поэт изображает Шотландию: «Луна и Шотландия поражают лирического героя своим нарочитым уродством и жестокостью. Однако вселенная потеряет какой-либо смысл, если он не сумеет разглядеть в них красоту» [цит. по Ibid., p. 135]. Как и в творчестве Х. Макдиармида, в произведениях А. Грея Шотландия одновременно предстает уродливой и прекрасной.

А. Грей утверждает, что первый психологический роман возник именно на почве шотландской литературы: в качестве источника жанра он называет поэму поэта эпохи Возрождения Р. Генрисона «Завещание Крессиды» [Ibid, p. 24]. Цитируя высказывание Дж. Оруэлла, он нарекает Т. Смоллетта одним из величайших шотландских писателей, так как он первым отважился порвать с английской романной традицией [Ibid., p. 58]. А. Грей отмечает заслугу Г. Дугласа – первого переводчика «Энеиды» Вергилия на английский язык [Ibid., p. 30], а также удостаивает высокой оценки перевод-мистификацию Дж. Макферсона «Песни Оссиана», стоящий в ряду ключевых текстов предромантизма [Ibid., p. 57].

ВЫВОДЫ

Творческий путь А. Грея дает ценный материал для исследования формирующегося шотландского канона в контексте современных внутривосточных процессов Великобритании. Создание независимого шотландского парламента привело к коренному пересмотру вопроса о сущности национальной литературной традиции. Подобно другим шотландским писателям рубежа XX-XXI веков А. Грей видит источник ее уникального своеобразия в на первый взгляд противоречивых тенденциях: сплав локализма и глобализма, комбинировании конфликтующих стилей и жанров, использовании шотландского диалекта, имеющего неоднозначный культурный статус. Романами А. Грея присуща отчетливая национальная проблематика, тесно связанная с его радикальными политическими манифестами. Вместе с тем произведения писателя вызывают интерес у самой широкой читательской аудитории. Высокая публичная оценка литературного творчества А. Грея выражается в переиздании его романов и их переводе на десятки языков, присуждении литературных премий, выходе документальных фильмов, биографии (авторства Р. Гласса) и иллюстрированной автобиографии «A Life in Progress» наряду с включением произведений А. Грея в учебные программы шотландских вузов. Национальный канон выступает для писателя в равной степени как объект исследования (работа «Short Survey of Scottish Literature») и как отправная точка для собственного творчества. Все это и делает художественное наследие А. Грея любопытным прецедентом в контексте дискуссии о литературном каноне.

Список литературы

1. Бурдые П. Поле литературы/ Пер. с франц. Н. А. Шматко// Социальное пространство: поля и практики. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – С. 365–472.
2. Alasdair Gray: Scottish Poetry Library. Available at: <https://www.scottishpoetrylibrary.org.uk/poet/alsadair-gray> (accessed 29 January 2021).
3. Allen C. Beyond Postmodernism in Alasdair Gray's Lanark // Reassessing the Twentieth-Century Canon: from Joseph Conrad to Zadie Smith/ Eds. N. Allen, D. Simmons. – New York and London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 206–220
4. Brennan C. Lanark: A Life in Three Acts review – arresting adaptation of a literary classic. The Guardian, 30 August 2015. Available at: <https://www.theguardian.com/stage/2015/aug/30/lanark-edinburgh-lyceum-review-alsadair-gray-arresting-adaptation> (accessed 29 January 2021).
5. British Council: Alasdair Gray. Available at: <https://literature.britishcouncil.org/writer/alsadair-gray> (accessed 29 January 2021).
6. Brocklehurst S. Alasdair Gray turned down knighthood. BBC Scotland News Website, 14 August 2013. Available at: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-edinburgh-east-fife-23704736> (accessed 29 January 2021).
7. Cairns C. Devolving the Scottish Novel // A Concise Companion to Contemporary British Fiction / Ed. by J. F. English. – Malden, MA: Blackwell Pub, 2006. – P. 121–140.

8. *Davis L.* Scottish Literature and «Engl. Lit.» // *Studies in Scottish Literature*, 2012. – № 1 (38). – P. 20–27.
9. *Fornells H.* 10 Contemporary Scottish Writers You Need to Know. Available at: <https://theculturetrip.com/europe/united-kingdom/scotland/articles/10-contemporary-scottish-writers-you-need-to-know/> (accessed 28 January 2021).
10. *Gardiner M.* Arcades – The 1980s and 1990s // *The Edinburgh Companion to Twentieth-Century Scottish Literature*/ Eds. A. Riach, I. Brown. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – P. 181–192.
11. *Gates H.L., Jr.* Whose Canon is it, Anyway? // *Literature: the Evolving Canon*/ Ed. by S. P. Birkerts. – Boston: Allyn and Bacon, 1996. – P. 1622–1624.
12. *Gray A.* A Short Survey of Classic Scottish Writing. – Edinburgh: Canongate Press, 2001. – 144 p.
13. *Gray, Alasdair*// SFE: the Encyclopedia of Science Fiction. Available at: http://sf-encyclopedia.com/entry/gray_alasdair (accessed 28 January 2021).
14. *Hames S.* The «Settlers and Colonists» Affair // *Alasdair Gray: Ink for Worlds*/Ed. by C. Manfredi. – Palgrave Macmillan, 2014. – P. 73–104.
15. *Hart F.R.* The Scottish Novel: From Smollett to Spark. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978. – 454 p.
16. *Homberg-Schramm J.* «Colonised by Wankers»: Postcolonialism and Contemporary Scottish Fiction. – Cologne: Modern Academic Publishing, 2018. – 262 p.
17. *Kolbas E.D.* Critical Theory and the Literary Canon. – Oxford, Col.: Westview Press, 2001. – 192 p.
18. *Leavis F. R.* The Great Tradition: George Eliot, Henry James, Joseph Conrad. – London: London: Chatto & Windus, 1993. – 303 p.
19. Literature. Available at: <https://www.scotland.org/about-scotland/culture/literature> (accessed 28 January 2021).
20. *Marshall C.* Alasdair Gray artwork raises £4,800 for Scottish charities. *The Scotsman*, 9 September 2012. Available at: <https://www.scotsman.com/whats-on/arts-and-entertainment/alsadair-gray-artwork-raises-ps4800-scottish-charities-246346> (accessed 28 January 2021).
21. *Mason F.* Historical Dictionary of Postmodernist Literature and Theater. – Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2007. – 464 p.
22. *Massie A.* The Novel Today: A Critical Guide to the British Novel, 1970–1989. – London; New York: Longman, in association with the British Council, 1990. – 101 p.
23. *McHale B.* Postmodernist Fiction. – London and New York: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2004. – 288 p.
24. *McLean P.* Alasdair Gray shows new work at bursary launch. *BBC Scotland*, 21 March 2017. Available at: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-39340660> (accessed 29 January 2021).
25. *Mukherjee A.* Canon // *The Encyclopedia of Literary and Cultural Theory*/ Ed. by M. Ryan. – New York: Blackwell Publishing Ltd, 2011. – Vol. II. – P. 521–525.
26. *Riach A.* What is Scottish Literature? – Glasgow: Association for Scottish Literary Studies, 2009. – 26 p.
27. Scottish Literature. Available at: <https://www.undiscoveredscotland.co.uk/usscotfax/arts/literature.html> (accessed 28 January 2021).
28. *The Edinburgh Companion to Contemporary Scottish Literature*/ Ed. by B. Schoene. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 424 p.
29. *Tompkins J. P.* Sensational Designs: the Cultural Work of American Fiction, 1790–1860. – New York: Oxford University Press, 1985. – 260 p.
30. *Waugh P.* Value: criticism, canons, and evaluation // *Literary Theory and Criticism: An Oxford Guide* / Ed. by P. Waugh. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 70–83.

References

1. Bourdieu P. *Pole literary* [The Field of Literature]. *Socialnoe Prostranstvo: Polja i Praktiki* [The Social Space: Fields and Practices]. Saint Petersburg, Aletejja, 2005, pp. 365–472.
2. *Alasdair Gray: Scottish Poetry Library*. Available from: <https://www.scottishpoetrylibrary.org.uk/poet/alsadair-gray> (accessed 29 January 2021).
3. Allen C. Beyond Postmodernism in Alasdair Gray's Lanark. *Reassessing the Twentieth-Century Canon: from Joseph Conrad to Zadie Smith*. Eds. N. Allen, D. Simmons. New York and London: Palgrave Macmillan, 2014, pp. 206–220

4. Brennan C. *Lanark: A Life in Three Acts review – arresting adaptation of a literary classic*. The Guardian, 30 August 2015. Available from: <https://www.theguardian.com/stage/2015/aug/30/lanark-edinburgh-lyceum-review-aldasair-gray-arresting-adaptation> (accessed 29 January 2021).
5. *British Council: Alasdair Gray*. Available at: <https://literature.britishcouncil.org/writer/aldasair-gray> (accessed 29 January 2021).
6. Brocklehurst S. *Alasdair Gray turned down knighthood*. BBC Scotland News Website, 14 August 2013. Available from: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-edinburgh-east-fife-23704736> (accessed 29 January 2021).
7. Cairns C. *Devolving the Scottish Novel. A Concise Companion to Contemporary British Fiction*. Ed. by J. F. English. Malden, MA: Blackwell Pub, 2006, pp. 121–140.
8. Davis L. Scottish Literature and «Engl. Lit.» *Studies in Scottish Literature*, 2012, no 1 (38), pp. 20–27.
9. Fornells H. *10 Contemporary Scottish Writers You Need to Know*. Available from: <https://theculturetrip.com/europe/united-kingdom/scotland/articles/10-contemporary-scottish-writers-you-need-to-know/> (accessed 28 January 2021).
10. Gardiner M. *Arcades – The 1980s and 1990s. The Edinburgh Companion to Twentieth-Century Scottish Literature*. Eds. A. Riach, I. Brown. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009, pp. 181–192.
11. Gates H.L., Jr. *Whose Canon is it, Anyway? Literature: the Evolving Canon*. Ed. by S. P. Birkerts. Boston: Allyn and Bacon, 1996, pp. 1622–1624.
12. Gray A. *A Short Survey of Classic Scottish Writing*. Edinburgh: Canongate Press, 2001. 144 p.
13. Gray, Alasdair. *SFE: the Encyclopedia of Science Fiction*. Available at: http://sf-encyclopedia.com/entry/gray_alasdair (accessed 28 January 2021).
14. Hames S. *The «Settlers and Colonists» Affair. Alasdair Gray: Ink for Worlds*. Ed. by C. Manfredi. Palgrave Macmillan, 2014, pp. 73–104.
15. Hart F.R. *The Scottish Novel: From Smollett to Spark*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978. 454 p.
16. Homberg-Schramm J. *«Colonised by Wankers»: Postcolonialism and Contemporary Scottish Fiction*. Cologne: Modern Academic Publishing, 2018. 262 p.
17. Kolbas E.D. *Critical Theory and the Literary Canon*. Oxford, Col.: Westview Press, 2001. 192 p.
18. Leavis F. R. *The Great Tradition: George Eliot, Henry James, Joseph Conrad*. London: London: Chatto & Windus, 1993. 303 p.
19. *Literature*. Available from: <https://www.scotland.org/about-scotland/culture/literature> (accessed 28 January 2021).
20. Marshall C. *Alasdair Gray artwork raises £4,800 for Scottish charities*. The Scotsman, 9 September 2012. Available from: <https://www.scotsman.com/whats-on/arts-and-entertainment/aldasair-gray-artwork-raises-ps4800-scottish-charities-2463460> (accessed 28 January 2021).
21. Mason F. *Historical Dictionary of Postmodernist Literature and Theater*. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2007. 464 p.
22. Massie A. *The Novel Today: A Critical Guide to the British Novel, 1970-1989*. London; New York: Longman, in association with the British Council, 1990. 101 p.
23. McHale B. *Postmodernist Fiction*. London and New York: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2004. 288 p.
24. McLean P. *Alasdair Gray shows new work at bursary launch*. BBC Scotland, 21 March 2017. Available from: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-39340660> (accessed 28 January 2021).
25. Mukherjee A. *Canon. The Encyclopedia of Literary and Cultural Theory*. Ed. by M. Ryan. New York: Blackwell Publishing Ltd, 2011, Vol. II, pp. 521–525.
26. Riach A. *What is Scottish Literature?* Glasgow: Association for Scottish Literary Studies, 2009. 26 p.
27. *Scottish Literature*. Available from: <https://www.undiscoveredscotland.co.uk/usscotfax/arts/literature.html> (accessed 28 January 2021).
28. *The Edinburgh Companion to Contemporary Scottish Literature*. Ed. by B. Schoene. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 424 p.
29. Tompkins J. P. *Sensational Designs: the Cultural Work of American Fiction, 1790-1860*. New York: Oxford University Press, 1985. 260 p.

30. Waugh P. Value: criticism, canons, and evaluation. *Literary Theory and Criticism: An Oxford Guide*. Ed. by P. Waugh. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 70–83.

ALASDAIR GRAY AND THE SCOTTISH “DEVOLUTIONARY” CANON¹

Martynenko E. A.

The article focuses upon study of Alasdair Gray’s literary heritage within the framework of emerging Scottish canon. The methodological approach used to define canon and “fields of culture” is in line with sociology of literature elaborated by Pierre Bourdieu. This approach allows to form comprehensive description of Alasdair Gray’s literary reputation as his novels have been translated into dozens of languages, awarded a number of prestigious fiction prizes and included into university curriculums. This high level of public appreciation as well as enduring popularity of Alasdair Gray’s writing make Scottish literary process noticeable for wider reading audiences. As a writer with a clearly defined experimental profile, Alasdair Gray has fundamentally changed the “landscape” of contemporary Scottish fiction and determined the trajectory of its development for many years to come. At the same time, for Alasdair Gray the national canon had always been both the object of study (particularly in “Short Survey of Scottish Literature”) and a starting point of his own oeuvre.

Key words: Alasdair Gray, Scottish literature, literary canon, the field of literature.

¹ The reported study was funded by RFBR project number 20-312-90055.

КРЫМ В ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА¹

Мащенко А. П.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: amas69@mail.ru*

Статья анализирует роль Крыма в жизни, творчестве, общественной и политической деятельности Александра Проханова. Пристальное внимание писателя к судьбе Тавриды обусловлено историей этого региона. Проханов осмысливает Херсонес как духовный исток Русского мира и российского государства и чувствует себя наследником А. Пушкина, Л. Толстого и других классиков отечественной литературы, творчество которых связано с Тавридой. «Империалист Проханов» остро пережил отторжение Крыма от России в результате распада Советского Союза, после чего полуостров оказался в составе Украины – анти-России. Писатель одним из первых понял националистическую природу независимого украинского государства и во многом предвидел дальнейшее драматическое развитие российско-украинских отношений. Публицистическая, общественная, политическая деятельность Проханова, направленная на воссоединение полуострова с Россией, навсегда останется в истории отечественной литературы и журналистики, неразрывно связанной с историей нашей страны. Россия для него не только и даже не столько исторический, географический, геополитический или бюрократический, сколько религиозный феномен. Эти идеи Проханова отчетливо прослеживаются как в его художественном творчестве – прежде всего, в романе «Крым» – так и в многочисленных публицистических статьях.

Ключевые слова: Александр Проханов, Крым, Россия, Украина, литература, журналистика, политика.

ВВЕДЕНИЕ

Александр Проханов – один из крупнейших русских писателей, публицистов и общественных деятелей второй половины XX – начала XXI веков. Он вошел в историю отечественной литературы с такими произведениями, как «Дерево в центре Кабула», «Последний солдат империи», «Красно-коричневый», «Господин Гексоген», «Крым», а в историю отечественной журналистики – как военкор, один из самых страстных публицистов поздней советской и постсоветской эпох, главный редактор таких знаковых газет, как «День» и «Завтра».

Над Прохановым пытаются иронизировать, представлять его безнадежным маргиналом, обвинять в графомании и отсутствии вкуса, однако история России последнего десятилетия – возвращение Крыма, восстание Донбасса, специальная военная операция на Украине, фактический распад этого государства, углубление конфликта с США и их сателлитами – демонстрирует актуальность проблематики прохановского творчества и точность его оценок и прогнозов. Больше того, на современном этапе идеология российского государства во многом совпадает с идеологией Проханова, которая в первые годы после распада СССР воспринималась как атавизм и маргинеиз. Великая Россия пошла по стопам «безвкусного графомана» Проханова, а не по стопам утонченных эстетов из квазилиберального литературного лагеря.

При этом важно подчеркнуть, что свои идеи, свое мировоззрение Проханов выработал, не предаваясь теоретическим рассуждениям на диване в комфортном

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

московском кабинете, а работая репортером в горячих точках. Его ценности прошли испытание огнем афганской и чеченской войн, водой Черного и Белого морей и медными трубами «красного» и «белого» политических режимов.

Важнейшее место в жизни, творчестве, общественной и политической деятельности Александра Проханова занимает Крым. Писатель воспринимает распад Советского Союза, в результате которого от исторического российского государства были отторгнуты многие исконные земли, а вместе с ними – миллионы русских людей, не только как крупнейшую геополитическую катастрофу, но и как личную трагедию. С тех пор Крым как регион, большинство населения которого – русские люди, как колыбель отечественного православия, как полуостров русской славы – земля, обильно политая кровью наших солдат в многочисленных войнах, постоянно находится в фокусе внимания писателя.

Своими художественными и публицистическими произведениями, общественной работой Проханов много сделал для воссоединения полуострова с Россией в 2014 г. Эта деятельность писателя отмечена памятной медалью «За освобождение Крыма и Севастополя», но гораздо важнее другое – она навсегда останется в истории отечественной литературы и журналистики, неразрывно связанной с историей нашей страны.

Изучение огромного творческого и общественно-политического наследия Александра Проханова только начинается, и эта статья призвана внести свой вклад в предстоящую длительную работу исследователей – историков, литературо- и журналистиковедов, политологов, политехнологов, философов. Как точно заметил еще пятнадцать лет назад Лев Данилкин, «человеку, решившему ознакомиться с творчеством Александра Проханова в полном объеме, лучше всего первым делом пойти в отдел кадров и отнести туда заявление об увольнении по собственному желанию» [2].

Цель исследования – изучить роль Крыма в жизни, творчестве, общественной и политической деятельности Александра Проханова и, одновременно, роль самого писателя в истории полуострова.

Задачи:

- проанализировать обращения автора к крымской тематике в его художественных и публицистических произведениях; выделить «самые крымские» тексты писателя;
- описать образ Крыма в творчестве Проханова;
- продемонстрировать и объяснить неразрывную связь художественного творчества Проханова с его общественной и политической деятельностью;
- охарактеризовать связь представлений Проханова о Крыме, России, Украине с представлениями его предшественников – классиков русской литературы более ранних исторических периодов;
- определить роль Проханова в воссоединении Крыма с Россией.

Методы исследования – описательный; историко-генетический, позволяющий выявить связь между традициями русской литературы и представлениями писателя; биографический, устанавливающий зависимость между жизнью, творчеством и политической деятельностью Проханова.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается одна из первых системных попыток изучить роль Крыма в жизни, творчестве, общественной и политической деятельности такого яркого героя отечественной истории последних десятилетий, как Александр Проханов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Распад СССР – ключевое историческое событие, определившее главное содержание литературного, журналистского, политического творчества Александра Проханова. Пережив крушение родины как личную трагедию, писатель всю последующую жизнь стремится к собиранию потерянных русских земель и людей.

В 1991 году он написал «Слово к народу», подписанное, кроме Проханова, другими классиками отечественной словесности – Юрием Бондаревым и Валентином Распутиным.

«Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историй, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии» [18], – говорилось в этом документе эпохи.

«Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего – обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей?.. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится становой хребет России?» [18] – задавались пророческими вопросами Проханов и его единомышленники.

Увы, как мы знаем теперь, – допустили.

Оказавшийся в результате распада СССР в составе независимого украинского государства, позиционировавшего себя сначала как «не-Россия», а затем как «анти-Россия», Крым находится на острие драматических исторических процессов, и прежде всего этим обстоятельством определяется пристальный интерес Проханова к полуострову.

По мнению писателя, Таврида – не просто одна из ключевых точек, а «столица Русского мира». Здесь крестился святой равноапостольный князь Владимир, здесь сражались за Россию Суворов, Кутузов, Нахимов, Корнилов, Истомин, отсюда уходила в изгнание Русская армия Врангеля, здесь бились с фашизмом герои Севастополя и Керчи во время Великой Отечественной войны.

Связан с Крымом и распад Советского Союза. В роковые дни августа 1991 года на полуострове, в Форосе, «отдыхал» от государственных дел первый и последний президент СССР Михаил Горбачев. Эти события отражаются в романе Проханова «Гибель красных богов». Герои или, точнее, антигерои романа – советники Горбачева – строят в президентской резиденции геополитические «замки на песке». Действие происходит в буквальном смысле в песочнице, символизируя качество этих «государственных прожектов».

Среди возводимых «строений» – зал Братства Мира, зал Экономики Мира, зал Птицы Мира, «куда один из советников, тощий, с английскими седьми усами, положил мертвого воробья. Другой советник, весь в складках прозрачного жира, ловил бегающих вокруг муравьев, заталкивал внутрь сооружения, мешая покинуть песочный замок. Сооружение росло, наполнялось обитателями, а советники, счастливые, неутомимые, воплощали в жизнь свой сокровенный проект» [4].

Муравьи – это граждане отсчитывающего свои последние дни СССР, которых под присмотром послов Франции и Великобритании насильно заталкивают в отдельные псевдонезависимые государства. Советский Союз растворяется, распускается под демагогическую болтовню Горбачева о том, что планета – наш общий дом, а «ядерный чемоданчик» президента превращается в хранилище для купальника его жены и маленькой крымской ракушки.

Проханову очевидна глобальная цель «коллективного Запада», которая заключается в расчленении и уничтожении России с целью воспользоваться ее огромными природными ресурсами для поддержания нынешнего уровня потребления и благосостояния пресловутого «золотого миллиарда». В 2002 году, в статье «Полковнику Путину никто не пишет» Проханов отмечал: «Американские дровосеки раскалывают Россию, как березовый чурбак. В распиленный торец с кольцами тысячелетней империи, в радиальные трещины вбивают аккуратные клинья. Несколько – в Среднюю Азию. Еще один – в Грузию. Другой – в Крым. Третий – в Приморье. Осторожно постукивают, расширяют трещины, вгоняют новые клинушки. Чтобы с последним ударом распалась огромная деревянная плаха. Не разлетелась с грохотом в разные стороны, а с мягким треском развалилась грудой поленьев. Долби себе каждое по отдельности колуну, бери в охапку, тащи в печь «нового мирового порядка» [12].

«Уже прозвучали из уст крупнейших политиков Запада слова об «интернационализации» российских ресурсов. Войны будущего будут вестись за нефтяные поля Западной и Восточной Сибири, за пресную воду Байкала и Онежского озера, за пространства русской Евразии, позволяющей в сжатые сроки перебрасывать нефть с Таймыра в Китай, товары из Токио в Берлин...» [17], – замечал Проханов в 2006 году в очерке «Сияющий меч державы». И прогнозировал, что США и их союзники будут стремиться дестабилизировать Россию, провоцируя внутренние смуты и конфликты.

Писатель критиковал тогдашнюю политику России, отказывающейся поддерживать русское движение в Крыму, Абхазии, Приднестровье и других регионах. Бандеровская, нацистская природа постсоветской Украины стала очевидной для него намного раньше, чем для облеченных государственной властью кремлевских политиков. Еще в 1997 году Проханов опубликовал статью с говорящим названием: «Гитлер и Бандера в гостях у Ельцина», в которой констатировал: тогдашний президент России отдал русский Крым украинским националистам – последователям фашистской идеологии.

В 2006 году, в очерке «Империя Полярной звезды», Проханов, анализируя «непрестанную склоку» между Украиной и Россией, отмечал: «В этом пестром и затейливом ворохе маскируются две встречные тенденции, создающие долговременный, не поддающийся урегулированию конфликт. Первая тенденция – Украина, выпавшая из гнезда СССР, стремится что есть мочи стать суверенным, самодостаточным, национальным государством. Вторая тенденция – после пятнадцатилетнего обморока затоптанная либеральными башмаками Россия вновь начинает осознавать себя империей, втягивает гравитацией своего континента отвалившиеся «дурные» окраины. Две эти тенденции сталкиваются, как океанская и речная вода, создавая бурлящий слой непрерывных противоречий» [6].

По оценке Проханова, Украине мешает стать полноценным национальным государством мощный русский компонент населения в Крыму и Левобережье, тяготеющий к России, а также экономическая ущербность и недостаточность этого «огрызка» СССР. Помогает – протекторат Америки и Европы, стремящихся «отцепить»

Украину от России, и воля киевского руководства, сделавшего национальный, «европейский» выбор.

«Этот тлеющий, похожий на гниение конфликт будет длиться как угодно долго, вплоть до «глобального обвала», предполагающего смещение центров влияния и новый «передел мира» [6], – прогнозировал писатель. Сегодня, в году 2022-м, мы не просто наблюдаем, а переживаем этот «глобальный обвал».

«Мощный русский компонент населения в Крыму» сначала на протяжении 23 лет удерживал независимую Украину в российской орбите, не позволял ей превратиться в откровенно антироссийское государство, заставлял захвативших власть в Киеве националистов считаться с русским фактором. Когда же это стало невозможно, после событий на майдане и государственного переворота 2014 года, Крым просто ушел из Украины домой, к родным берегам. Вслед за ним двинулись Донбасс, Новороссия, Слобожанщина. Этот распад постсоветской Украины в ее неестественных, а еще точнее – противоестественных границах продолжается на наших глазах.

Исторические события, героями, статистами, свидетелями, жертвами которых мы являемся, – не что иное, как продолжение тектонических сдвигов, вызванных крушением СССР – величайшей геополитической катастрофы не только XX-го, но и XXI века. Это длящийся во времени процесс, который растягивается на десятилетия – долгие для конкретного человека и ничтожные по меркам истории.

Критикуя в нулевых годах XXI столетия государственную политику России в Крыму и на всем постсоветском пространстве, Проханов одновременно замечал, что еще не поздно поменять ход игры, перехватить инициативу и переломить ситуацию.

Этот перелом намечался в 2008 г., в ходе пятидневной российско-грузинской войны, которую писатель характеризовал как первую авангардную войну возрождающейся России. По его мнению, это было первое столкновение новой России с НАТО, в ходе которого наша страна доказала, что больше не будет отступать. «Пружина, которую так жестоко согнули в 1991 году, стала распрямляться» [13], – констатировал Проханов.

Ключевым событием на пути возрождения России стало возвращение Крыма. За три дня до исторического референдума, 13 марта 2014 г., Проханов опубликовал статью «Крымское вино победы», в которой писал: «В девяносто первом году по русским нанесли страшный удар. Оглушили, изрезали, исполосовали. Отсекли самые сочные, цветущие ломты государства. А чтобы русские не восстали и не закричали, их топтали и мучили все девяностые годы. И все обрубки русского государства кровоточили и исходили болью. И вот наступает исцеление. Русские просыпаются, русские восстают из тлена и стряхивают прах. Русские сбрасывают страшное иго и идут в свой новый поход, в своё победное шествие, идут, как весна. Чаша великого государства, расколота варварами и негодьями, начинает склеиваться» [10].

Среди причин, по которым Крым дорог сердцу русского человека, Проханов называет историю полуострова, тесно связанную с историей России, начиная с крещения князя Владимира, и преломившуюся в творчестве Александра Пушкина, Льва Толстого и других классиков отечественной литературы.

«В крымском воздухе, в его солёном ветре, в знойных дуновениях, в ароматах роз содержится таинственный эликсир, который страстно вдыхали русские художники и писатели. Этот сладостный эликсир вдохнул Пушкин, когда писал:

*Среди зелёных волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел nereиду...*

Этот воздух пил и не мог напиться Максимилиан Волошин, писавший в Коктебеле свои грозные стихи. Бунин, Чехов, Горький... В Ялте каждый камень, каждый цветущий куст может рассказать нам о них.

В Ливадийском дворце на берегу бирюзового моря стояли три кресла, в которых восседали Сталин, Рузвельт и Черчилль. И Сталин самшитовым прутиком чертил на песке план будущего послевоенного мира.

Крым своей волшебной росой во все века, во все времена окропляет государство российское, не давая ему исчухнуть» [8], – убежден Проханов.

В упоминавшейся выше статье «Крымское вино победы» писатель также объяснил причины, по которым жители полуострова решили вопреки угрозам Киева и давлению так называемого международного сообщества вернуться в Россию. По его мнению, это произошло прежде всего потому, что крымчане отказались жить под властью пришедших к власти на Украине неонацистов. «На западе украинские города один за другим становились фашистскими. Их жуткая ненависть к русским, яд фашистской энергии хлестнули из Киева по левобережным городам Украины. Русским показали, как выглядит их плаха, как висит над ними топор, как раскачивается над ними петля. Если в сорок третьем фашисты тысячами убивали евреев и сбрасывали их в Бабий Яр, то теперь носители свастик готовы оторвать на Левобережье гигантский котлован и сбросить в него тела двадцати миллионов русских» [10], – писал Проханов.

Крым восстал первым из русских регионов, оторванных от исторической родины в результате распада СССР, и Россия наконец поддержала этот порыв. Писатель уверен: этот грандиозный шаг свидетельствует о том, что Россия поднялась на новый исторический уровень, вновь обрела утерянный было смысл своего существования. После референдума о воссоединении Крыма с Россией, 20 марта 2014 г., Проханов опубликовал статью, которая называется «Путин Таврический», «уравнивая» таким образом президента России с Г. Потемкиным-Таврическим, который присоединил полуостров к нашей стране в конце XVIII ст.

«Крым – как драгоценная перламутровая раковина среди зелёных восхитительных вод. Приложи к ней ухо, и услышишь таинственную музыку русской истории. Но это – поэтический образ, сквозь который просматривается жесткая схватка континентов, стран, политических систем, идеологических моделей» [14], – писал Проханов. Сравните маленькую крымскую ракушку в ядерном чемоданчике Горбачева и драгоценную путинскую перламутровую раковину, в которой звучит таинственная музыка русской истории.

В 2014 г. Россия вступила в посткрымский период своей истории, который характеризуется новой холодной войной, экономическими санкциями, информационными атаками Запада и «спецоперациями» внутренней пятой колонны, констатировал Проханов. Реакцией на это должна стать духовная мобилизация. Кончился период безмятежных развлечений, легкомысленной иронии, либеральных разглагольствований о свободе и либерального скепсиса по отношению к российскому государству. «Государство ещё раз являет себя выразителем национальной воли и народной судьбы. Консолидация народа вокруг государства и вера в него даст спасительную силу среди угроз и напастей мира сего, станет содержанием общественной жизни во многих её проявлениях. Нам предстоит работа, пусть запоздалая, но неизбежная, по преобразованию общества. Спасибо Крыму с его курортами и его севастопольской базой» [14], – писал Проханов.

В художественном пространстве воссоединение полуострова с Россией осмысливается писателем в романе «Крым», который увидел свет в том же 2014 г. Сюжет не связан с событиями, приведшими к возвращению полуострова в родную гавань, книга писалась раньше, но Крым неслучайно оказался на обложке романа. Он становится символом грядущего духовного преображения главного героя романа Евгения Лемехова, новой обетованной землей, в которую стремится его душа.

Возвращение Крыма знаменует собой возвращение Россией статуса сверхдержавы, начало собирания русских земель и, одновременно, становится вызовом самому существованию нашей страны. Лемехов говорит в романе: «Наш президент дал нам задание. Не только нам, оборонщикам, но и всему народу. В кратчайший срок преодолеть двадцатилетнее отставание. Перепрыгнуть яму, которую вырыли нам либералы. Успеть до начала крупного военного конфликта восстановить оборону, оснастить армию сверхсовременным оружием. Если нет, то нас сомнут, как сказал Сталин. Он-то знал, что до начала войны остаются считанные годы. Тогда Советский Союз дни и ночи строил танки, отливал орудия, запускал самолеты. Это был гигантский рывок, ведущий к Победе. Сейчас мы должны повторить этот тигриный бросок. Не догонять Запад, а, как тигр, срезать угол. Выйти наперерез и оказаться впереди» [7]. Напомним, роман вышел в 2014 г. Крупный военный конфликт, о котором говорит Проханов устами Лемехова, начался восемь лет спустя – в 2022-м.

Для Проханова Крым – не столько географический или исторический объект, сколько глобальное Русское чудо, которым заканчиваются скитания Лемехова, писал в «Российской газете» литературный критик Шамиль Керашев. «Крым – это метафора, – пояснял сам писатель журналисту «Комсомольской правды» Александру Гамову. – Это не тот Крым, который недавно к нам вернулся, и мы все видели эту блестящую операцию, эти референдумы и эти толпы людей, и этих вежливых в зеленом одеянии спецназовцев. Нет, в моей книге Крым – как русская мечта, как русское чудо. Это олицетворение тех таинственных и лучезарных надежд, которые русский народ питал после страшной драмы 1991 года, когда он был ранен, когда он был унижен, когда он был повергнут в прах. И вот из этого праха, из этой тьмы русская мечтательность, русская вера и русская надежда обрела вот эту волшебную метафору Тавриды, Тавриды – Крыма русского» [1].

Анализируя воссоединение полуострова с Россией, Проханов заглядывает в будущее: по его мнению, за Крымом последуют Донецк, Луганск, Харьков, Запорожье, Днепрпетровск, Николаев, Одесса. Символом этого собирания русских земель является священный холм в Изборске, куда Проханов с его единомышленниками по консервативному политическому Изборскому клубу всыпали землю из самых значительных мест Крыма – Херсонеса, Ливадии, Сапун-горы, Малахова кургана.

Первая религия русских людей – это православие, а вторая, по Проханову, – это государство. Читаем в романе «Виртуоз»: «Для русских людей государство – это вторая религия. Вся история русских – это летопись обретения государства и его потери, неоглядные беды и траты, связанные с этой потерей, и новые траты – для восстановления павшего государства. Русские готовы платить, не считаясь, за создание государства, ибо знают страшную цену, которую платит народ, теряя свою суверенность» [3].

Согласно геополитическим построениям Проханова, история российского государства – это история пяти империй. Первой была Киевская Русь. Второй – Московское царство Рюриковичей. Третьей – «белое царство» Романовых. Четвертой –

«красный» Советский Союз. И, наконец, сейчас мы являемся свидетелями (и участниками) зарождения Пятой империи.

Рассматривая историю России сквозь призму прохановских идей, мы видим, что территории современной Украины входили в состав всех четырех предыдущих империй и сейчас возвращаются в состав Пятой в силу геополитической логики, в силу естественного исторического, языкового, культурного притяжения, которое не могут преодолеть носители украинской националистической идеологии и их американские и европейские «кураторы». Это возвращение началось с воссоединения Крыма с Россией и продолжается интеграцией Донецкой и Луганской народных республик, а за ними – освобожденных территорий Херсонской, Запорожской и Харьковской областей. Воссоединение Крыма с Россией стало, по Проханову, ключевым этапом зарождения и развития Пятой империи. Без Тавриды не было бы и не будет новой России.

«Пятая империя объявит русский народ «разделенным народом», возвращая соотечественникам за пределами изуродованной России веру в то, что они не брошены, не оставлены в плену отступившим воинством. Их видят, помнят, станут вывозить из плена. Это вернет русским по обе стороны временно проведенных «демаркационных линий» чувство общности, «соборности». Русские в Крыму, в Харькове, в Семипалатинске, в Приднестровье и в Нарве станут не обреченным арьергардом убегающих, разгромленных армий Четвертой империи, а сражающимся авангардом атакующей Пятой империи – гвардией «имперских пространств» [11], – писал Проханов.

При этом его Пятая империя – это не национальное русское государство, а именно многонациональная империя, опирающаяся в своем строительстве на опыт Советского Союза. Смысл национальной идеологии Пятой империи заключается в том, что «разделенным» будет назван не только русский, а все населявшие СССР народы, строившие единую великую страну, утверждает Проханов.

По его мнению, особую роль в возвращении Крыма в состав России и строительстве Пятой империи играет Владимир Путин. Первую империю писатель связывает с князем Владимиром, Вторую – с Иваном Грозным, Третью – с Петром Великим, Четвертую – с Иосифом Сталиным и Пятую – с действующим президентом России. «Мы помним мелькнувший на телевидении эпизод, когда Путин в маске и лапах ныряет в море и достаёт с морского дна амфору. Иные насмешники издевались над этим постановочным кадром. Они не ведали, что Путин поднимает со дна морского не амфору, а Крым. Путин будет записан на скрижали русской истории как Путин Таврический» [13], – писал Проханов в статье «Путин – русский мечтатель».

Возвращение Крыма было возвращением в Россию сакрального центра русской государственности, раз за разом повторяет и разъясняет, расширяет, разрабатывает Проханов в своих статьях тезис Владимира Путина. При этом, одновременно, «не Путин строит Россию, не Путин создает всё новые и новые этапы, включая возвращение Крыма, а Россия строит Путина, выстраивает его сознание, душу. Осмелюсь сказать, что не Путин вернул Крым в Россию, а Крым пригласил Путина сделать это!» [16].

Вернув Крым и вместе с ним Херсонес, Россия крестилась второй раз, утверждает писатель. По его мнению, главный ресурс Тавриды – не море, не солнце и не виноград, а могучая таинственная духовная энергия православия, которая изливается на Россию уже больше тысячи лет.

23 мая 2018 года Проханов откликнулся на открытие Крымского моста статьей «С Богом! Поехали!» По оценке писателя, его строительство – это огромная экономическая

и геополитическая победа. «Крым теперь соединён с коренной Россией и стал неуязвим для всевозможных экономических, водных, газовых и электрических блокад, которые постоянно устраивает Украина. По этому мосту в Крым пойдёт могучая электрическая энергия, потекут потоки пресной воды, потянутся эшелоны с продовольствием, со строительным материалом, поедут туристы. А если, не дай Бог, случится беда, по этому мосту с российского побережья двинутся танки. Мост – прочный и великолепный – выдержит хоть танковую армию [15], – прозорливо отметил писатель.

Однако, по его мнению, открытие Крымского моста имеет не только материальное, но и духовное значение. «В одну сторону по этому мосту может идти электричество, газ, продовольствие, грузы, медикаменты, туристы, а в другую сторону идёт таинственная загадочная энергия, которая именуется энергией чуда, победы, уверенности. И ещё неизвестно, что дороже» [9], – говорил Проханов в интервью–беседе с главой Крыма Сергеем Аксеновым.

По Проханову, каждая из пяти русских империй создает свой Большой стиль. В Первой империи это Софийские соборы Киева и Великого Новгорода, во Второй – колокольня Ивана Великого и храм Василия Блаженного, в Третьей – Медный всадник, в Четвертой – сталинские высотки и, наконец, в Пятой – Мост русской мечты, символизирующий русское чудо возвращения Крыма.

По мнению писателя, возвращение Крыма в Россию можно разделить на пять этапов. Первый – это внутренняя подготовка, народное движение, которое шло на полуострове все 23 года его нахождения в составе Украины. Второй – собственно события Крымской весны 2014 года. Третий – эйфория после референдума и заключения договора о вхождении в состав России. Четвертый – сложнейшая бюрократическая, экономическая, юридическая состыковка с Россией. И пятый – нынешний, характеризующийся военно-политическим кризисом на Украине, который имеет прямую связь с воссоединением Крыма с Россией.

В глазах Проханова нелепым выглядит внутреннее разделение Крыма на Республику Крым и город федерального значения Севастополь. Речь здесь идет не о бюрократической, а о духовной нелепости. «Это одна судьба, одна территория, одна стратегия, одни и те же люди» [9], – полагает Проханов.

Писатель «любит считать». Мы уже видели, что он насчитал пять этапов возвращения Крыма и пять русских империй. А еще – три великие русские горы: Мамаев курган в Сталинграде, Сапун-гора в Севастополе и Саур-Могила под Донецком – так, среди прочего, перебрасывается еще один мост – из Крыма в Донбасс. «Кажется, что все три горы знают друг друга, находятся в таинственном общении. И когда у Саур-Могилы грохотали киевские установки залпового огня, громили величественный монумент, убивали засевших на вершине горы ополченцев, Саур-Могила молила о помощи. И Мамаев курган, и Сапун-Гора откликнулись, пришли на помощь, спасли Донбасс» [5], – пишет Проханов.

У писателя религиозное сознание и религиозная вера в Россию. Он может повторить вслед за Тютчевым:

*Умом – Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Или:

*Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.*

Касаясь херсонесского колокола, Проханов понимает, что не князь Владимир выбрал православие среди других мировых религий, а православие выбрало его, а через него – и всю Россию.

«С тех пор, когда высохли брызги святой воды на кудрях крещёного князя, Христос выбрал Россию и уже никогда, вплоть до наших дней, не покидал её. И русская история с её муками, восхождением на Голгофу, с её пасхальным воскрешением, с её чудесной, неумирающей верой в благодатное царство, — всё это начиналось здесь, в Херсонесе. Здесь начиналась священная история России. Херсонес и есть священный корень русской истории. И возвращение Крыма в Россию, как сказал президент Путин, вернуло русской государственности её сокровенный священный смысл» [5], – утверждает Проханов.

Россия для писателя не только и даже не столько исторический, географический, геополитический или бюрократический, сколько религиозный феномен. По Проханову, Русский мир рождается в момент крещения князя Владимира. Крым – столица Русского мира, колыбель пяти грандиозных империй, которые одна за другой облекали и облекают русскую жизнь в плоть великого государства.

Значение Крыма – в идеологическом, духовном, метафизическом, религиозном смысле – обнаруживается сейчас в полной мере и будет становиться всё сильнее, объяснял Проханов на открытии севастопольского филиала Изборского клуба. По его сравнению, мир сегодня меняет кожу, сбрасывает старый отживший либеральный уклад, на смену которому идет новый, еще до конца не ясный, источником которого являются Крым и Россия.

Непосредственно связанной с Крымом является для Проханова и борьба Донбасса за независимость и воссоединение с Россией – в его понимании это главы одной великой Русской драмы. Этой теме посвящен роман «Убийство городов», написанный в 2015 году и рассказывающий о гражданской войне на Донбассе.

Герой романа Кольчугин, прототипом которого является сам Проханов, говорит президенту России:

«– Очень много разнотолков, много разногласий. Еще недавно Крым объединил народ и власть. Между властью и народом был построен Крымский мост. Но теперь события на Донбассе расшатывают этот мост... Солнце Крыма начинает меркнуть. Народ охвачен сомнениями, боится предстоящих трудностей, страшится ссоры с Америкой. И невыносимо для русского сердца зрелище окровавленного Донбасса. Когда же мы поможем городам Новороссии?» [19].

Президент внимательно слушал. Его брови сдвигались. Нос и подбородок становились острее. Губы стискивались. Слово его мысль стремилась к невидимой точке, в которой сходились все замыслы, все опасения, таилось решение, единственное, предельно опасное, которое ему предстояло принять. Решение, пробивающее тромб русской истории, открывающее путь русскому времени.

«– Вы правы, Крым – это чудо. Я буду откровенен, это чудо и моей жизни. Но за чудо надо платить. Наступил посткрымский период русской истории. Опасности, которые подстерегают Россию, велики. Здесь нельзя ошибиться... России предстоят

труднейшие испытания. Повторяю, на нас напали. У нас у всех должна быть длинная воля, терпение и стоицизм на годы. Мы опять почувствуем себя русскими, особым народом, которому история во все века готовит тягчайшие испытания. Либо мы примем эти испытания, либо уклонимся от них. И перестанем быть русскими» [19], – отвечает президент.

А его мысли стремятся к «решению, пробивающему тромб русской истории, открывающему путь русскому времени» – решению, которое было принято через семь лет после написания романа – 24 февраля 2022 года.

ВЫВОДЫ

Крым занимает важнейшее место в жизни и творчестве Александра Проханова. Это обусловлено историей полуострова, который осмысливается писателем как духовный исток Русского мира и российского государства. Именно поэтому «империалист Проханов» так остро переживал отторжение Крыма от России в результате распада Советского Союза.

Русская история Тавриды отражается в творчестве Александра Пушкина, Льва Толстого и других классиков отечественной литературы, наследником которых чувствует себя Александр Проханов.

Писатель одним из первых понял бандеровскую, националистическую природу постсоветской Украины, в составе которой после распада СССР оказался Крым, и во многом предвидел дальнейшее драматическое развитие российско-украинских отношений.

Публицистическая, общественная, политическая деятельность Проханова, направленная на воссоединение полуострова с Россией, навсегда останется в истории отечественной литературы и журналистики, неразрывно связанной с историей нашей страны.

Возвращение Крыма стало ключевым событием на пути возрождения России, знаменовало собой начало собирания русских земель, уверен писатель. Согласно его геополитическим построениям, история российского государства – это история пяти империй. Первой была Киевская Русь. Второй – Московское царство Рюриковичей. Третьей – «белое царство» Романовых. Четвертой – «красный» Советский Союз. И, наконец, сейчас мы являемся свидетелями (и участниками) зарождения Пятой империи.

Россия для писателя не только и даже не столько исторический, географический, геополитический или бюрократический, сколько религиозный феномен. По Проханову, Русский мир рождается в момент крещения князя Владимира в Херсонесе. Таврида – это колыбель пяти грандиозных империй, которые одна за другой облекали и облачают русскую жизнь в плоть великого государства. Эти идеи Проханова отчетливо прослеживаются как в его художественном творчестве – прежде всего, в романе «Крым» – так и в многочисленных публицистических статьях.

Сегодня Россия находится в посткрымском периоде своей истории, который характеризуется новой холодной войной, экономическими санкциями, информационными атаками Запада и «спецоперациями» внутренней пятой колонны, которым мы должны противопоставить духовную мобилизацию общества, констатирует Проханов. Мир «меняет кожу», сбрасывает старый отживший либеральный уклад, на смену которому идет новый, еще до конца не ясный, источником которого являются Крым и Россия.

Список литературы

1. *Гамов, А. П.* Александр Проханов: предсказал и майдан, и возвращение Крыма [Электронный ресурс] // «Комсомольская правда». – 15.09.2014. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26282.5/3160066/> – (Дата обращения: 19.08.2022).
2. *Данилкин, Л. А.* Человек с яйцом [Электронный ресурс]. – М. : Ад Маргинем, 2007. – CD-ROM.
3. *Проханов, А. А.* Virtuoz [Электронный ресурс]. – М. : Алгоритм–Книга, 2009. – CD-ROM.
4. *Проханов, А. А.* Гибель красных богов [Электронный ресурс]. – М. : Эксмо, 2007. – CD-ROM.
5. *Проханов, А. А.* Гимн Севастополю [Электронный ресурс] // «Завтра». – 20.03.2019. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/gimm_sevastopolyu – (Дата обращения: 19.08.2022).
6. *Проханов, А. А.* Империя Полярной звезды [Электронный ресурс] // Проханов А. А. Алюминиевое лицо. Замковый камень. – М. : Центрполиграф, 2014. – CD-ROM.
7. *Проханов, А. А.* Крым [Электронный ресурс]. – М. : Центрполиграф, 2014. – CD-ROM.
8. *Проханов, А. А.* Крым обетованный [Электронный ресурс] // «Завтра». – 17.08.2016. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/krim_obetovannij – (Дата обращения: 19.08.2022).
9. *Проханов, А. А.* Крым как судьба [Электронный ресурс] // «Завтра». – 10.04.2019. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/krim_kak_sud_ba – (Дата обращения: 19.08.2022).
10. *Проханов, А. А.* Крымское вино победы [Электронный ресурс] // «Завтра». – 13.03.2014. – Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs/krymskoe-vino-pobedy> – (Дата обращения: 19.08.2022).
11. *Проханов, А. А.* Народ и империя едины [Электронный ресурс] // Проханов А. А. Алюминиевое лицо. Замковый камень. – М. : Центрполиграф, 2014. – CD-ROM.
12. *Проханов, А. А.* Полковнику Путину никто не пишет [Электронный ресурс] // Проханов А. А. Четыре цвета Путина. – М. : Алгоритм, 2013. – CD-ROM.
13. *Проханов, А. А.* Путин – русский мечтатель [Электронный ресурс] // «Завтра». – 30.01.2019. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/putin_-_russkij_mechtatel_ – (Дата обращения: 19.08.2022).
14. *Проханов, А. А.* Путин Таврический [Электронный ресурс] // «Завтра». – 20.03.2014. – Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs/putin-tavriceskij> – (Дата обращения: 19.08.2022).
15. *Проханов, А. А.* С Богом! Поехали! [Электронный ресурс] // «Завтра». – 23.05.2018. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/s_bogom_poechali – (Дата обращения: 19.08.2022).
16. *Проханов, А. А.* Священный Севастополь [Электронный ресурс] // «Завтра». – 01.12.2016. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/svyashennij_sevastopol_ – (Дата обращения: 19.08.2022).
17. *Проханов, А. А.* Сияющий меч державы [Электронный ресурс] // Проханов А. А. Алюминиевое лицо. Замковый камень. – М. : Центрполиграф, 2014. – CD-ROM.
18. *Проханов, А. А.* Слово к народу [Электронный ресурс] // «День». – № 15. – 1991. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20131014202353/http://www.zavtra.ru/denlit/050/12.html> – (Дата обращения: 19.08.2022).
19. *Проханов, А. А.* Убийство городов [Электронный ресурс]. – М. : Эксмо, 2015. – CD-ROM.

References

1. *Gamov A. P.* *Aleksandr Prokhanov: Predskazal i Majdan, i Vozvrashhenie Kryma* [Aleksandr Prokhanov: Predicted Both the Maidan and the Return of Crimea]. *Komsomol'skaja Pravda*, 15.09.2014. Available from: <https://www.kp.ru/daily/26282.5/3160066/> (accessed 19.08.2022).
2. *Danilkin L. A.* *Chelovek s Jajcom* [The Man with the Egg]. Moscow : *Ad Marginem*, 2007. – CD-ROM.
3. *Prokhanov A. A.* *Virtuoz* [Virtuoso]. Moscow : *Algoritm–Kniga*, 2009. – CD-ROM.
4. *Prokhanov A. A.* *Gibel' Krasnyh Bogov* [Death of the Red Gods]. Moscow : *Eksmo*, 2007. – CD-ROM.
5. *Prokhanov A. A.* *Gimm Sevastopolju* [Anthem to Sevastopol]. *Zavtra*, 20.03.2019. Available from: https://zavtra.ru/blogs/gimm_sevastopolyu – (accessed 19.08.2022).
6. *Prokhanov A. A.* *Imperija Poljarnoj Zvezdy* [Empire of the North Star]. Prokhanov A. A. *Aljuminievoe Lico. Zamkovyj Kamen'*. Moscow : *Centropoligraf*, 2014. – CD-ROM.
7. *Prokhanov A. A.* *Krym* [Crimea]. Moscow : *Centropoligraf*, 2014. – CD-ROM.
8. *Prokhanov A. A.* *Krym Obetovannyj* [Crimea Promised]. *Zavtra*, 17.08.2016. Available from: https://zavtra.ru/blogs/krim_obetovannij (accessed: 19.08.2022).
9. *Prokhanov A. A.* *Krym kak Sud'ba* [Crimea as Destiny] *Zavtra*, 10.04.2019. Available from: https://zavtra.ru/blogs/krim_kak_sud_ba (accessed: 19.08.2022).

Машченко А. П.

10. Prokhanov A. A. *Krymskoe Vино Pobedy* [Crimean Vine of Victory] *Zavtra*, 13.03.2014. Available from: <https://zavtra.ru/blogs/krymskoe-vino-pobedyi> (accessed: 19.08.2022).
11. Prokhanov A. A. *Narod i Imperija Ediny* [The People and the Empire are One]. Prokhanov A. A. *Aljuminievoe Lico. Zamkovyj Kamen'*. Moscow : *Centropoligraf*, 2014. – CD-ROM.
12. Prokhanov A. A. *Polkovniku Putinu Nikto ne Pishet* [No One Writes to Colonel Putin]. Prokhanov A. A. *Chetyre cveta Putina*. Moscow : *Algoritm*, 2013. – CD-ROM.
13. Prokhanov A. A. *Putin – Russkij Mechtatel'* [Putin is a Russian Dreamer]. *Zavtra*, 30.01.2019. Available from: https://zavtra.ru/blogs/putin--russkij-mechtatel_ (accessed: 19.08.2022).
14. Prokhanov A. A. *Putin Tavricheskij* [Putin Tauride]. *Zavtra*, 20.03.2014. Available from: <https://zavtra.ru/blogs/putin-tavricheskij> (accessed: 19.08.2022).
15. Prokhanov A. A. *S Bogom! Poehali!* [With God! Go!]. *Zavtra*, 23.05.2018. Available from: https://zavtra.ru/blogs/s_bogom_poehali (accessed: 19.08.2022).
16. Prokhanov A. A. *Svjashhennyj Sevastopol'* [Sacred Sevastopol]. *Zavtra*, 01.12.2016. Available from: https://zavtra.ru/blogs/svyashhennyj_sevastopol_ (accessed: 19.08.2022).
17. Prokhanov A. A. *Sijajushhij Mech Derzhavy* [Radiant Sword of Power]. Prokhanov A. A. *Aljuminievoe Lico. Zamkovyj Kamen'*. Moscow : *Centropoligraf*, 2014. – CD-ROM.
18. Prokhanov A. A. *Slovo k Narodu* [Word to the People] *Den'*, no. 15, 1991. Available from: <https://web.archive.org/web/20131014202353/http://www.zavtra.ru/denlit/050/12.html> (accessed: 19.08.2022).
19. Prokhanov A. A. *Ubijstvo Gorodov* [Killing Cities]. Moscow : *Eksmo*, 2015. – CD-ROM.

CRIMEA IN PROSE AND JOURNALISM BY ALEKSANDR PROKHANOV¹

Mashchenko A. P.

The article analyzes the role of Crimea in the life, work, public and political activities of Aleksandr Prokhanov. The writer's close attention to the fate of Taurida is due to the history of this region. Prokhanov interprets Chersonese as the spiritual source of the Russian world and the Russian state and feels himself the heir of Aleksandr Pushkin, Leo Tolstoy and other classics of Russian literature, whose work is associated with Taurida.

The "imperialist Prokhanov" was keenly aware of the collapse of the Soviet Union, after which Crimea became part of Ukraine – anti-Russia. The writer was one of the first to understand the nationalist nature of the independent Ukrainian state and in many ways foresaw the further dramatic development of Russian-Ukrainian relations. Prokhanov's journalistic, public, political activities contributed to the reunification of the peninsula with Russia and will forever remain in the history of Russian literature and journalism, inextricably linked with the history of our country. The return of the Crimea was a key event on the way to the revival of Russia, marked the beginning of the gathering of Russian lands, the writer is sure. Russia for him is not only and even not so much a historical, geographical, geopolitical or bureaucratic phenomenon as a religious phenomenon. These ideas of Prokhanov are clearly seen both in his artistic work - primarily in the novel "Crimea" – and in numerous journalistic articles.

Key words: Aleksandr Prokhanov, Crimea, Russia, Ukraine, literature, journalism, politics.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА¹

Храбскова Д. М., Томичева И. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
E-mail: danuta.simf@yandex.ru; pitichca@rambler.ru*

Отражение религиозных воззрений писателей в рамках литературных традиций Франции XX в. заслуживает критического прочтения и эпистемологической оценки, чем определена актуальность данного исследования. Трагичный накал страстей современного человека, кризис чувств и неспособность к счастью, кризис моральных качеств, в которых человек издавна находил для себя спасение, ярко отразились в произведениях французских авторов XX века. Цель исследования состоит в демонстрации тематического выбора произведений французской литературы XX века, определяемого духовными воззрениями и явной позицией авторов по отношению к Богу. Для достижения поставленной цели выбран метод общего формального и, соответственно, поверхностного обзора, поскольку, как пишет представитель континентального направления философии Жиль Делез в финале своего произведения *Logique du sens*, «смысл – это поверхностный эффект».

Ключевые слова: атеизм, XX век, литература, Бог, сакрализация, сюрреализм, имморализм, атеистический гуманизм, христианский стоицизм.

ВВЕДЕНИЕ

Начало XX в. ознаменовалось появлением идеологий, выступавших против идеи Бога. К ним относится научный рационализм, воспевающий триумф «чистой» науки, и отвергающий все формы иррациональности и сверхъестественности. К этому материализму, позитивизму и научности марксизм добавил историческое измерение. По Марксу, религия – это реакционная идеология: «опиум для народа», который бесклассовое общество социализма сделает бесполезным. Ницше отмечает «смерть Бога» и осуждает христианство, как религию сострадания, религию слабых и униженных, способствующую вырождению человечества. «Сострадание во много крат увеличивает потери в силе, страдания и без того дорого обходятся» [4]. Релятивизм, возникший в эпоху Просвещения, не рассматривает христианство как истину. Во Франции этот период отмечен сильной светской и антиклерикальной тенденцией, кульминацией которой стало отделение церкви от государства в 1905 г. В подобной атмосфере неудивительно появление в литературе безразличного, а иногда даже враждебного отношения к религии. Флобера вдохновляли методы ученого, техника наблюдения и документирования, а также стремление к реалистической объективности. По выражению Стефана Малларме, в этом мире, где «небеса мертвы», остается только безличная красота произведения искусства. Флобер пишет: «Il n'y a pour moi dans le monde que les beaux vers, les phrases bien tournées, harmonieuses chantantes, les beaux couchers de soleil, les clairs de lune, les tableaux colorés, les marbres antiques et les têtes accentuées. Au-delà, rien»... «Je tourne à une espèce de

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

mysticisme esthétique... «Ce que j'aime par dessus tout c'est la forme pourvu qu'elle soit belle et rien au-delà» ... «monter dans sa tour d'ivoire et là rester seul dans nos rêves...» [19].

Эмиль Золя, чьи работы являются иллюстрацией материалистического видения человека, вдохновлен позитивистскими теориями. Его персонажи наделены наследственностью, инстинктами и социальным положением. Им не избежать животных страстей и морального разложения. Природа – это жизненная сила, высшая ценность, попираемая христианством. Единственный мистический идеал, оживляющий произведение, – это революция, обещающая, как в романе *Жерминаль*, лучший мир. В начале XX в. некоторые писатели пытаются «уйти от натурализма» в литературе и избрать духовный путь. Например, первый президент Гонкуровской премии Жорис Карл Гюисманс (*En route, La Cathédrale, L'Oblat*) и писатель-мистик Леон Блоу (*Le Désespéré, La Femme pauvre*).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. ПИСАТЕЛИ-АТЕИСТЫ

1.1 Две стороны атеизма: абсурд и сюрреализм

Словом «абсурд» можно подытожить большую часть мысли, искусства и литературы XX века. Потрясенный двумя мировыми войнами, раздавленный страшной исторической реальностью, человек сомневается в существовании доброго и всемогущего Бога.

Назовем несколько французских писателей, являющихся представителями этой тенденции. Философ и писатель Жан-Поль Сартр, основатель экзистенциализма, отвергает наличие творческого Бога: «небеса пусты» (*Le Diable et le Bon Dieu*) [28]. Сартрианский герой Рокентен с отвращением обнаруживает перенасыщенность собственной жизни: «De trop, c'était le seul rapport que je pusse établir entre ces arbres, ces grilles, ces cailloux... De trop, le marronnier... Et moi aussi, j'étais de trop.» [7]. Герой чувствует себя одиноким и свободным, но эта свобода сродни смерти. «Человек обречен быть свободным» [5], изобретать свои собственные, не трансцендентные ценности, выбирать Добро или Зло, как Гетц, герой романа *Дьявол и Господь Бог*. Необходимо помнить, что наше самосознание скрывается в других людях. Мы зависим от них, и при плохом к нам отношении ощущаем себя в аду: «Ад – это другие люди» [6].

Альбер Камю по-своему переживает абсурд жизни, отмеченный неумолимым пределом смерти, не открывающим загробной жизни. В *Мифе о Сизифе* он отказывается от идеи самоубийства, его герой хочет жить с осознанием этой судьбы. Герой романа *Незнакомец* проживает свою жизнь, как равнодушный и одинокий чужак. За убийство человека его приговаривают к смерти, в ожидании которой он намерен провести оставшиеся минуты жизни, наслаждаясь всеми земными ощущениями: «Des bruits de campagne montaient jusqu'à moi. Les odeurs de nuit, de terre et de sel rafraîchissaient mes tempes. La merveilleuse paix de cet été endormi entrainait en moi comme une marée...comme si cette grande colère m'avait purgé du mal, vidé d'espoir, devant cette nuit chargée de signes et d'étoiles. Je m'ouvrais, pour la première fois à la tendre indifférence du monde» [14]. Герой отталкивает капеллана, предлагающего поговорить о Боге: «Il voulait encore me parler de Dieu, mais je me suis avancé vers lui et j'ai tenté de lui expliquer, une dernière fois qu'il me restait un peu de temps. Je ne voulais pas le perdre avec Dieu.» [14].

В пьесе *В ожидании Годо* представитель модернизма Сэмюэль Беккет рисует мир отчаяния и разочарования; персонажей, которым нечего сказать друг другу, не на что надеяться. Во вселенной, лишенной смысла, муки смерти становятся всепроникающими.

Сюрреализм появляется после окончания первой мировой войны с движения чистого бунта против всех условностей, правил, а также моральных, религиозных и эстетических ценностей западной цивилизации. Течение *дада* 1916–1921 годов поначалу было просто нигилистичным. Анархическая и слишком провокационная агитация постепенно сменилась сложной художественной и философской теорией. Ее основателем является Андре Бретон, черпавший вдохновение у Ницше и Фрейда в стремлении освободиться от ограничений, налагаемых на эго и желания. Это освобождение достигается путем отказа от литературных и художественных норм, всех традиций через экзальтацию бессознательных энергий. Андре Бретон всегда проявлял себя воинствующим атеистом и антихристианином. Поль Элюар в статье *Dieu* приводит слова Бретона: «J'ai toujours parié contre Dieu et le peu que j'ai gagné au monde n'est pour moi que le gain de ce pari. Si dérisoire qu'ait été l'enjeu (ma vie) j'ai conscience d'avoir pleinement gagné. Tout ce qu'il y a de chancelant, de louche, d'infâme de souillant et de grotesque passe pour moi dans ce mot Dieu [18]. Встречаются многочисленные упоминания о Люцифере, например, в одной из его самых эзотерических книг *Arcane 17*. Более того, Бретон одержим темой осквернения святого причастия, что нашло отображение в романе *Надя* и в литаниях его любовной поэмы *Union libre*. В пристрастии Бретона к мистике, оккультизму, ясновидению и спиритизму есть нечто тревожное и мрачное. По его мнению, выстрел из пистолета наугад в толпу – это самый простой сюрреалистический акт. В романе *Надя* он ставит вопрос, который сам по себе содержит ответ: в загробной жизни нет ничего божественного. Надя, говорит автор, «с поразительной легкостью притворяется дьяволом» [1].

1.2 Имморализм и атеистический гуманизм

Перед лицом «пустого неба», в мире без Бога, человек создает свои собственные ценности. Вместо человеческой природы – «человеческая универсальность состояния» [5]. Если Бог умер, – полагает персонаж романа *Братья Карамазовы*, – то все позволено. «Свобода» есть символ этого утверждения. В стихотворении, написанном в период сопротивления нацистской оккупации, П. Элюар пишет: «Я пою тебе славу, свобода». Это, прежде всего лозунг всех тех, кто противостоит жесткой религиозной морали. А. Жид, воспитанный в пуританском протестантизме, – яркий представитель этого направления. Он отвергает догмы, моральные ограничения и прославляет сексуальное освобождение. В *Аморалисте* его герой Мишель, очень похожий на него самого, бросает свою умирающую жену. Жид живет плотскими страстями, мистически превознося их в *Les Nourritures terrestres*: «Je sais ce que mon corps peut désirer de volupté chaque jour et ce que ma tête en supporte. Et puis commencera mon sommeil. Terre et Ciel ne me valent plus rien au-delà» [20]. Своим величайшим творением он считает эссе *Коридон*, по сюжету которого взрослому мужчине предстоит дать молодому человеку интеллектуальное и сексуальное образование. Его знаменитый возглас «Семьи, я ненавижу вас!» предельно понятен. Некоторые фразы в *Les Nourritures terrestres* подытоживают его призыв к личному освобождению: «Nathanaël, je t'enseignerai la ferveur... Il faut Nathanaël que tu brûles en toi tous les livres... Jusqu'ou mon désir peut s'étendre, là j'irai... Nathanaël, je ne crois plus au péché... Nathanaël, je t'enseignerai que toutes choses sont divinement naturelles... Nathanaël, ne distingue pas Dieu de ton bonheur» [20].

Многие писатели пытаются пойти дальше по этому пути провокации, оспаривания моральных норм, дерзости и эротики. Кино приходит на смену литературе, Андре Жид

продолжает задаваться религиозным вопросом, о чем свидетельствуют названия его произведений с евангельскими ссылками: *Если зерно не умрет* и, прежде всего, *Тесные врата*. В последнем он представляет нам героиню Алису, отказывающуюся от своей любви к Жерому ради сестры, из мистического стремления к единению с Богом. Как и многие писатели-атеисты, Жид пытается обосновать гуманизм без Бога. В пьесе *Эдип* его герой говорит: «Теперь мне даже кажется, что именно убийство меня толкнуло сначала к сфинксу. Чего ждать от бога? Ответов. А я сам себя чувствовал ответом на мне еще неведомый вопрос. Это был вопрос сфинкса. И я, прозорливец, его победил» [2, с. 194]. Эдип нашел ответ на загадку сфинкса – это человек.

Поиск величия в человеке, оторванном от Бога, характерен для многих великих писателей. Писатели не разделяют свои литературные и идеологические проекты, их работа служит делу, политическому, философскому, социальному, моральному.

Альбер Камю в *Чуме* и *Бунтующем человеке* пытается показать, что от нигилистического индивидуального сознания абсурда можно перейти к морали всеобщей солидарности, прав человека, гуманизма. Тарру в *Чуме* четко выражает этот идеал: «Ce qui m'intéresse, c'est de savoir comment on devient un saint... Peut-on être un saint sans Dieu? C'est le seul problème concret que je connaisse aujourd'hui» [13].

Для сюрреалистов идеалами являются любовь и политика. Женщина, почти божественная, становится посредником между поэтом и человечеством: «Во все страдания мира я верю только через любовь... В ней я несу свой крест», – пишет Луи Арагон.

Писатель, культуролог Андре Мальро считал себя агностиком. В *Искушении Запада* он задает главный вопрос: что делать с душой, если нет ни Бога, ни Христа. Мальро участвовал в различных политических акциях, которые привели его к сопротивлению нацизму в Испании. Впоследствии Мальро становится министром культуры в правительстве генерала де Голля. Писатель питает свои романы личным опытом. Его герои стремятся наполнить свою жизнь смыслом через героизм. Гарин, герой произведения *Завоеватели*, борется, прежде всего, с абсурдностью жизни. Основная цель для него состоит не столько в участии в революции, сколько в уходе от того, что он называет абсурдом.

В романе *Удел человеческий*, получившем в 1933 году Гонкуровскую премию, с наибольшей силой утверждается величие революционного героизма. Герои испытывают мистический пыл политической борьбы, открывая для себя братство, наполняющее смыслом их жизнь. Патетический момент наступает, когда щедрый и мужественный Кетов, бывший активист русской революции 1917 года, дает дозу цианида своим товарищам по заключению, чтобы избежать предстоящих мучений. Величие человека заключается в активном участии в основных героических вехах истории. Философ-персоналист Эммануэль Мунье определяет позицию Мальро как тесную связь между политическими, эстетическими и метафизическими акциями. Мальро считает искусство средством ухода от неотвратимой власти смерти, обретения вечности. До конца жизни его многочисленные размышления об искусстве были направлены на разгадку существования и смертных пределов человека. В *Метаморфозах богов* отмечено, что искусство и революционное политическое движение занимают место религии; культ человека сменяет культ Бога; вера в политические ценности – веру в Бога.

Иногда прославление величия человека приближает величие Бога. Через откровение о безмерной значимости человека приходит наитие его божественного происхождения.

Человек создан по образу и подобию Божьему. В какой-то степени этому учит творчество Антуана де Сент-Экзюпери, который, однако, никогда не выражал строго религиозных убеждений. Опыт пионера авиации позволил ему открыть для себя красоту, описываемую им в религиозных терминах. Полет стал средством медитации, способом подняться, в прямом и переносном смысле, над материальным миром: «On avait dénoué ses liens, comme ceux d'un prisonnier qu'on laisse marcher seul, un temps, parmi les fleurs. Trop beau, pensait Fabien. Il errait parmi des étoiles accumulées, avec la densité d'un trésor, dans un monde où, rien d'autre, absolument rien d'autre que lui, Fabien et son camarade, n'était vivant.» [26]. У Экзюпери присутствует ощущение «благодати», которое может быть разрушено жизнью: «Меня мучает, что в каждом человеке, быть может, убит Моцарт...» [8]. В *Маленьком принце* загадочный ребенок с другой планеты – это он сам. Ребенок, которым он когда-то был и больше никогда не будет, открывающий тайны любви, жизни и вечности. Умирая, этот ребенок возвращается в свою страну. За пределами земной жизни, после смерти, остается абсолютная истина бытия. Ребенок, которого каждый из нас похоронил глубоко в себе – это образ Бога.

1.3 Отказ от бога и сакрализация литературы

Отказ от Бога имеет эстетические и литературные последствия. Меняется понятие литературы. Отказ от моральных и религиозных норм, готовность нарушать законы относится и к литературным нормам. Подобно тому, как в пластических искусствах отвергаются законы образности, репрезентации и эстетические каноны, в литературе отвергаются законы языка, управляющие, как известно, сознанием. Свобода слова приводит к поиску разговорно-бытовой формы языка, знаменующей собой разрыв с кодами письменного литературного языка. Цель – добиться эффекта реализма и спонтанности. Например, нонконформист и маргинал Луи-Фердинанд Селин во многих текстах заходит очень далеко в «освобождении» и деструктуризации дискурса и фразы. Это одна из линий исследования современной поэзии в направлении абстракции. Подобный эксперимент по деконструкции языка практиковал также Филипп Соллерс, особенно в своей главной работе *Paradis*.

Для оживления прошлого, похороненного в эмоциональной памяти, Марсель Пруст, в отличие от Селина, использует очень сложный литературный язык. Литература и искусство в целом представлены как путь в вечность. В прустовской вселенной, где Бога нет, даже при религиозном окрашивании многих воспоминаний и образов, литература выполняет метафизическую функцию. Для автора и для читателя это откровение истины, скрытой в реальной жизни: «La vraie vie, la vie enfin découverte et éclaircie, la seule vie, par conséquent, c'est la littérature» [24]. Пруст убежден – писатель должен посвятить себя работе, в религиозном смысле этого слова. Автор провел значительную часть своей жизни, запершись в своей комнате, как из-за болезни, так и из-за своего призвания. Работа позволила ему освободиться от времени и смерти. Он переживал квазимистические откровения как знаки своего призвания: вкус мадлен, шпиль Мартенвиля, брусчатка на площади Венеции, цветущий боярышник и т.д. Писатель стал настоящим мирским святым, относящимся к делу всей своей жизни со священным трепетом.

Литературный кризис способен десакрализовать автора и лишить его метафизической роли. Отсутствие Бога влияет на позицию автора в его произведении. В своей *статье Monsieur Mauriac et la liberté* Жан-Поль Сартр упрекнул Франсуа Мориака в том, что тот в своем творчестве уподобляется Богу, создает, ориентирует судьбы своих

героев. Он замыкает их, по словам Сартра, в сущность, идентичность, отнимающую у них свободу. Персонажи становятся марионетками, игрушками этого всезнающего, всемогущего автора [27, с. 112–232]. Классическая концепция романиста, высказанная Г. Флобером: «Автор в своем произведении должен быть подобен Богу во вселенной, присутствовать везде и не быть видимым нигде» [19]. Современный роман попытался разрушить эту иллюзию творческого автора. Трансгрессия необходима как средство фрустрации. В работах французского философа и писателя левых взглядов Жоржа Батая эротизм – это опыт, направленный на достижение истины, смерти. Литература участвует в этих нигилистических поисках: «Le seul moyen de racheter la faute d'écrire est d'anéantir ce qui est écrit... Je crois que le secret de la littérature est là et qu'un livre n'est beau, qu'habilement paré de l'indifférence des ruines.» [9]. Творчество Сэмюэля Беккета имеет то же направление. В его последней книге *Безымянный* после разговоров ни о чем, в поисках неизвестно чего, герои и сам автор движутся к тишине, знаменующей собой их полный самораспад и распад мира: «À la fin de mon œuvre, il n'y a que poussière, le nommable».

Характер и сюжет, столпы традиционного романа, ставятся под сомнение новым романом. Вселенная, человеческая личность не имеют четко определенного смысла, который бы стремилось донести произведение. Персонажей больше не существует. Вернее, они существуют, но их часто заменяют местоимения: «он», «она», как в *Тропизмах* Натали Саррот. В творчестве прозаика, сценариста и режиссера Алена Роб-Грийе также присутствует глубокое сомнение в сюжете и персонажах, связанное с вопросом о человеческой природе. Вещи играют решающую роль: важнее описание вещи, чем она сама. У нее нет ни смысла, ни целесообразности: прежде всего, это литературный объект. Вот как Роб-Грийе видит свою роль писателя: «Писателю нечего сказать. У него есть только способ сказать. Полагать, что романисту есть что сказать и что он стремится это сказать, – самое серьезное из всех заблуждений. Ведь именно это «как», этот способ говорить, составляет его писательский замысел, неясный замысел среди всех прочих, который впоследствии станет концепцией его книги [25]. Этот эстетический формализм, сакрализирующий и одновременно клеймящий литературу, был с восторгом воспринят теоретиком философии Морисом Бланшо, написавшим в 1959 году: «Иногда можно услышать, как задают себе странные вопросы, например, такой: каковы тенденции современной литературы, или еще один: куда идет литература? Да, удивительный вопрос, но самое удивительное, что если и есть ответ, то он прост: литература движется к самой себе, к своей сути, которая заключается в ее исчезновении» [11]. Эстет-фундаменталист Малларме утверждает, что мир создан для того, чтобы в конце его появилась прекрасная книга.

Литература, как и искусство XX в. в целом, полностью поглощены вещами. В произведении *На стороне вещей* поэта и эссеиста Франсиса Понжа и в *Вещах* писателя и режиссера Жоржа Перека наблюдается проявление нового реализма в стремлении заново открыть вещи или, по крайней мере, их словесный эквивалент. Жан-Мари Гюстав Леклезю вышел за пределы нового романа. В его произведениях есть сюжет, персонажи, тема, но отсутствует человеческая личность как психологическая, социальная и духовная единица. Леклезю рисует героя, запутавшуюся личность Адама, предающегося «материалистическому экстазу». Герой «уничтожает себя в массе своих ощущений». Леклезю представляет персонажей с повышенной чувствительностью к внешнему миру, ко всем ощущениям им предлагаемым. Человек существует только в отношении с окружающей его материальной вселенной. Утрата иллюзии собственного «я» ведет к

потере имманентной жизненной энергии. Реальность можно постичь только через творческий почерк, не претендующий на трансцендентность, а лишь улавливающий вибрации мира, в своего рода восточной духовности, во внимании к таинственной безличной жизни [3].

2. ХРИСТИАНСКИЙ СТОИЦИЗМ

2.1 Поэты

Некоторые французские писатели XX столетия стремились поставить христианскую веру в центр своей литературной концепции. В поэзии наряду с поэтом и журналистом Пьером Эммануэлем, романистом и поэтом Пьером Жаном Жувом, поэтом-символистом Франсисом Жаммом, Патрисом де ла Тур дю Пенном выделяются два имени: Поль Клодель и Шарль Пеги.

На поэта, драматурга, одного из крупнейших религиозных писателей XX века Поля Клоделя большое влияние оказали творчество и мистические искания Артюра Рембо. Клодель обратился в веру в возрасте восемнадцати лет, из любопытства зайдя в собор Нотр-Дам в Париже: «*Debout, dans la foule, près du second pilier... tout à coup, le sentiment déchirant de l'innocence de l'éternelle enfance de Dieu, une révélation ineffable*» [15]. Все его поэтическое творчество будет черпаться из этого источника. Библия будет вдохновлять его в поиске новой стихотворной формы. Поэзия – это средство, позволяющее поэту с восхищением участвовать в божественном сотворении мира. Для Клоделя знание – это со-рождение – «*la connaissance est une co-naissance*» [16]. Для него быть католиком значит быть поэтом, универсальным и творческим в этимологическом смысле этих двух слов:

Je suis au monde, j'exerce de toutes parts ma connaissance.

Je connais toutes choses et toutes choses se connaissent en moi.

J'apporte à toute chose sa délivrance.

Par moi,

Aucune chose ne reste plus seule mais je l'associe à une autre dans mon cœur.

Salut donc, ô monde nouveau à mes yeux, ô monde maintenant total!

Ô credo entier des choses visibles et invisibles,

je vous accepte avec un cœur catholique!

Où que je tourne la tête,

J'envisage l'immense octave de la création!

Именно «пылкость всего мира» будет стремиться выразить поэт. По его мнению, христианский писатель, которым он хотел быть, – это надорванный человек, и театр, даже лучше, чем поэзия, может это выразить. Душевная боль послужит материалом для жанра «клоделевской драмы». В 1901 году, возвращаясь на корабле из Китая, он встречает замужнюю женщину, Розали Ветч, с которой у него случается страстный роман длиной в четыре года. Эта любовная связь наложила на Клоделя определенный отпечаток, в своих театральные работы он не перестает отражать конфликт между желанием и долгом (*L'Échange, Le partage de midi, Le Soulier de satin*). После всего пережитого вопрос о личном спасении приобретает для него патетический характер: «Чтобы быть художником, нет смысла иметь Бога в сердце, если у тебя нет Дьявола в теле» [17]. Грех и страсть, осужденные, искупленные и преодоленные, становятся жгучей темой клоделевской драмы.

Христианский публицист, поэт и мистик Шарль Пеги также был новообращенным в христианскую веру. В *École normale supérieure* Парижа этот блестящий молодой

интеллектуал, выходец из рабочего класса, знакомится с доктриной социализма. Сблизившись с радикальными республиканцами, он увлекается готовящейся социалистической революцией. Ярый сторонник пересмотра дела Дрейфуса, Пеги участвует в политических битвах своего времени на страницах основанного им журнала *Les cahiers de la quinzaine*. Католические интеллектуалы того времени, в частности, философ, теолог, один из основателей и виднейших представителей неотомизма Жак Маритен, упрекали его в том, что он не урегулировал свое семейное положение: он состоит в гражданском браке с Шарлоттой Бодуэн, атеисткой-социалисткой; их дети не крещены. На фоне ужасов Первой мировой войны Пеги находит вдохновение в патриотизме и вновь обретенной вере. Он пишет *Le mystère de la charité de Jeanne d'Arc*, *Le porche du mystère de la deuxième vertu*, затем *Les Tapisseries* et *Ève*. Далекий от всех современных ему литературных тенденций, Шарль Пеги излагает свою веру и надежду в длинных литаниях. Пеги погиб в начале войны, в сентябре 1914 года в битве на Марне. Его поэзия отмечена единением плотского и духовного [22]. Главная тайна христианства, которую он не перестает исследовать в своих работах, – это тайна Боговоплощения. Искупительный подвиг Христа Спасителя явился для всего человечества переломным историческим моментом. Отныне человек освобожден от проклятия, от власти смерти и при желании способен достичь вечности, уподобившись Богу:

*Et l'éternité même est dans le emporel
Et l'arbre de la grâce est raciné profond
Et plonge dans le sol et touche jusqu'au fond
Et le temps est lui-même un temps intemporel*

*Et l'arbre de la grâce et l'arbre de nature
Ont lié leurs deux troncs de nœuds si solennels
Ils ont tant confondu leurs deux troncs fraternels
Que c'est la même essence et la même stature.*

*Et Jésus est le fruit d'un ventre maternel
Fructus ventri tui, le jeune nourrisson
S'endormit dans la paille et la balle et le son
Ses deux genoux pliés sous son ventre charnel.*

Шарль Пеги пришел к мистической возвышенности в выражении простой повседневной жизни и в политической приверженности, особенно служении своей находящейся под угрозой родине [23].

*Nous avançons crottés, la pluie entre les dents
La route nationale est notre porte étroite.*

2.2 Романисты

Писатели также пытались передать в произведениях свое отношение к вере. Франсуа Мориак и Жорж Бернанос старались избежать назидательной, морализаторской, апологетической литературы, которой угрожают академизм и риск художественной банальности. Андре Жид однажды предостерег от назидательности в литературе: «Именно из хороших чувств рождается плохая литература».

Франсуа Мориак постоянно возвращается к этой проблеме. Иногда у него возникает искушение создать христианскую концовку своим романам, обозначив тем самым свои религиозные взгляды (*Le nœud de vipères*, *Le Mystère Frontenac*, *Le Fleuve de feu*). Но чаще

всего он предпочитает оставаться сдержанным в отношении своих приверженностей. Мориак прекрасно понимал, что роман не может обойтись без изображения страстей, часто необузданных и скверных, неизбежно ведущих к греху. Более того, живописание страстей рискует разжечь их в читателе. Своей задачей Мориак считал создание произведения, презентующего человеческие страсти, включая коллизию сексуальности и любви [21]. Он всегда представляет своих героев, даже самых заблудших, движимыми стремлением к абсолюту. Писатель любит их, как может любить их Бог, делая их сложными существами, порочными отражениями божественной красоты. В отличие от многих отчаявшихся героев современной литературы, для героев Мориака спасение всегда возможно. Эстетика подытожена высказыванием автора о том, что он «рисует существ на дне бездны, но со дна бездны они видят небо».

В творчестве Жоржа Бернаноса картина зла также занимает большое место: преступления, изнасилования и самоубийства. Он уверен в несовершенстве языка как инструмента для передачи тонкостей души: «C'est une des plus incompréhensibles disgrâces de l'homme qu'il doit confier ce qu'il a de plus précieux à quelque chose d'aussi instable, d'aussi plastique, hélas que le mot» [10]. В своем шедевре, *Дневник лагерного куратора*, Бернанос представляет героя, молодого священника, являющегося символической фигурой самого писателя. Несмотря на слабость, недостатки и непонимание, ему удастся спасти души своих прихожан, в частности, душу графини. Отчаявшись после смерти ребенка, она замкнулась в себе, восстав против Бога. Ключ к святости – заново открыть для себя дух детства. В творчестве Бернаноса можно найти религиозный источник. Последняя фраза романа заимствована у святого – это последние слова приходского священника Амбрикура: «Все есть благодать».

ВЫВОДЫ

Литература Франции XX в. имеет особый лингвистический статус и тематический вклад.

В ходе XX в. само понятие «литература» пережило беспрецедентный кризис. С литературной точки зрения XX в. является одним из самых богатых и сложных. В нем доминирует отказ от многого созданного ранее. Это век революций, сам по себе ставящий литературу под вопрос: она становится объектом размышлений, что напрямую связано с главными историческими событиями века. Две мировые войны, нацизм и коммунизм бросили серьезный вызов основам западного общества. Исторические события привели некоторых писателей Франции к определенной религиозной или атеистической приверженности, как, например, Андре Мальро в романах *Удел человеческий* или *Надя*, Антуан де Сент-Экзюпери в *Ночном полете* или *Земле людей*, Альбер Камю в *Чуме*. Тип антигероя Луи-Фердинанда Селина переживает события и сталкивается с абсурдностью угнетающего его мира в *Путешествии на край ночи*.

Французская литература этого периода вдвойне функциональна. С одной стороны, она представляет собой диахронический кульминационный момент предшествующих ей литератур. С другой стороны, имеется собственное прочтение концепции религиозности. Данное прочтение стремится превзойти принцип повествования, вливающийся в подвергающую сомнению общепринятые нормы металитературу. Наблюдается стремление к художественным инновациям. Писателю предоставлена свобода расширения классических языковых условностей в выражении собственного отношения к религии. С точки зрения христианского восприятия, в литературных произведениях

отсутствует четкое содержание, определяющее и устраняющее неоднозначность. «Эра подозрения», «эра открытой предстоящей работы», «конец уверенности» и, следовательно, «блуждание смысла» – некоторые критические концепции, послужившие контекстами, паратекстами и условиями *sine qua non* французской художественной литературы XX века.

В литературе дехристианизированной Франции XX века религиозным писателям трудно найти свою аудиторию. Обычно они сдержанны, некоторые из них названы «неконфессиональными писателями». Не позиционируя себя христианами, они, тем не менее, выражают христианские идеи, проблемы и чаяния. Писательница Сильви Жермен питает свои романы христианской духовностью, отмеченной искуплением (*Les échos du silence, Ety Hillesum*). Поэт и романист Кристиан Бобен рассматривает незавершенную историю поиска абсолюта (*Le Très Bas, La Présence pure, L'Enchantement simple*). Божественный источник проявляется совершенно неожиданно. Почти беззвучный голос поэта звучит, словно легкий ветерок. Например, Бертран Деготт, желавший «больше не обращать внимания ни на что, кроме мелочей», «смотрит в небеса» (*Eboulements et taillis*). Работы Жана-Мишеля Мольпуа часто являются лирическим созерцанием абсолюта. Религиозный контекст явно читается в «теопоэзии» Патриса де ла Тур дю Пэна или в евангелической простоте творчества Мари Ноэль. В творчестве Жана Грожана отражена глубокая связь Библии и поэзии (*Анокалунсис, Les Parvis*). Жан-Пьер Лемэр не скрывает своих убеждений (*L'Annonciade, Figure humaine, Marcher dans la neige*), как и Филипп Делаво (*Son nom secret d'une musique, Ce que disent les vents*). У Франсуа Кассингена-Треведи поэтические и мистические поиски едины в своей глубокой простоте. Следует упомянуть мастеров слова, которые, не отрицая ничего из современной литературы, возвращаются к подлинной духовности: Гвен Гарнье-Дюгюи, Жан Мезон, Поль Пуньо, Жиль Бодри. Следует также привести строки стихотворения Жерара Бошолье из книги *Psaumes du bel amour*: «S'accroît le fardeau des jours/et des nuits vides d'étoiles/mais une lucarne ouverte/nous a jetés vers le large/là où l'infini regarde/un éblouissant visage». Более чем когда-либо поэты постмодернизма стремятся к священной Истине, призывая читателей последовать за этими исканиями.

Литература Франции прошлого века – это философия диалога и диалог философий в отношении с Богом. Диалог объединяет скептическое отчаяние с глубочайшим религиозным чувством, о чем свидетельствуют, например, произведения Флобера, верного поиску истины и доброты. Рембо приходит к христианству благодаря своему отчаянию и возвышенному взгляду на чистоту человека. Писатели, в частности Гюисманс и Блоу, отражают страдания Бога, причиняемые людьми. Клодель, Пеги, Бернанос продолжили религиозные искания, проявившиеся в экзистенциализме Сартра или Камю, в современном пессимизме Беккета.

Список литературы

1. Бретон А. Надя. – М.: «Парадокс» – 1996. – 392 с.
2. Жид А. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Эдип: Драма. – С.-Пб.: ТЕРРА-книжный клуб, 2002.
3. Леклезю Ж.-М. Протокол. – М.: Текст, 2011. – 252 с.
4. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. – М.: ОМКО, 2008. – 191 с.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: «Политиздат», 1982. – С. 319–344
6. Сартр Ж.-П. Две грани экзистенциализма. СПб.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 42 с.
7. Сартр Ж.-П. Тошнота. – СПб.: АСТ, 2014. – 480 с.

8. *Сент-Экзюпери А.* Планета людей. – М.: Эксмо, 2009. – 224 с.
9. *Bataille G. L'abbé C.* – London: Marion Boyars Publishers, 2001. – 158 p.
10. *Bernanos G.* Journal d'un curé de campagne. – Paris: Presses pocket, 1984 – 352 p.
11. *Blanchot M.* Le livre à venir. – Paris: Gallimard, 1986 – 312 p.
12. *Bocholier G.* Psaumes du bel amour. – Genève: Ad Solem, 2010 – 94 p.
13. *Camus A.* La peste. – Paris: Gallimard, 1947. – 278 p.
14. *Camus A.* L'étranger. – Paris: Gallimard, 1971. – 185 p.
15. *Claudel P.* Contacts et circonstances. – Paris: Gallimard, 1947. – 268 p.
16. *Claudel P.* Cinq grands odes. – Paris: Gallimard, 1966. – 192 p.
17. *Claudel P.* Journal I, 1904-1932. – Paris: Gallimard, 1968. – 1499 p.
18. *Éluard P., Breton A.* Dictionnaire abrégé du surréalisme. – Paris: José Corti Edition, 1989. – 75 p.
19. *Flaubert G.* Extrait de la correspondance ou Préface à la vie d'écrivain. – Paris: Seuil, 1990. – 297 p.
20. *Gide A.* Les nourritures terrestres. – Paris: Gallimard, 1977. – 194 p.
21. *Mauriac F.* Le baiser au lépreux. Ed. Bernard Grasset, 1922. – 164 p.
22. *Péguy C.* Ève. – Paris: Labergerie, 1948. – 277 p.
23. *Péguy C.* Tapisseries. – Paris: Gallimard, 1968. – 159 p.
24. *Proust M.* Le temps retrouvé. – Paris: Gallimard, 1990. – 447 p.
25. *Robbe-Grillet A.* Pour un nouveau roman. – Paris: Les Éditions de Minuit, 1963. – 144 p.
26. *Saint-Exupéry A.* Vol de nuit. – Paris: Gallimard, 2000. – 188 p.
27. *Sartre J.-P.* Monsieur Mauriac et la liberté // Nouvelle Revue Française. – 1939. – № 305. – P. 112–232
28. *Sartre J.-P.* Le Diable et le Bon Dieu. – Paris: Gallimard, 1951. – 256 p.

References

1. Breton A. Nadya. [A. Breton. Nadia]. Moscow, ParadokS Publ., 1996. 392 p.
2. Zhid A. Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 6: Ehdip: Drama. [A. Zhid. Collected works : T.6, Edip : Drama] St. Petersburg, TERRA-knizhnyi klub Publ., 2002. 461 p.
3. Leklezio ZH.-M. Protokol. [ZH.-M. Leklezio. Protokol]. Moscow, Tekst Publ., 2011. 252 p.
4. Nitshe F. Antikhrist. Proklyatie khristianstvu. [F. Nitshe. Antikhrist. Curse of Christianity]. Moscow, OMIKO Publ., 2008. 191 p.
5. Sartr ZH.-P. Ekhzistsentsializm – ehto gumanizm. Sumerki bogov. [ZH.-P. Sartr. Existentialism is humanism. Twilight of the gods]. Moscow, PolitizdaT Publ., 1982, pp. 319–344.
6. Sartr ZH.-P. Dve grani ehkzistsentsializma. [ZH.-P. Sartr. Two facets of Existentialism]. St. Petersburg, OLMA-PRESS Publ., 2001. 42 p.
7. Sartr ZH.-P. Toshnota. [ZH.-P. Sartr. Nausea]. St. Petersburg, AST Publ., 2014. 480 p.
8. Saint-Exupéry A. Planeta lyudei. [A. Saint-Exupéry. Planet of people]. Moscow, Ehksmo Publ., 2009. 224 p.
9. Bataille G. L'abbé C. London, Marion Boyars Publ., 2001. 158 p.
10. Bernanos G. Journal d'un curé de campagne. Paris, Presses pocket Publ., 1984. 352 p.
11. Blanchot M. Le livre à venir. Paris, Gallimard Publ., 1986. 312 p.
12. Bocholier G. Psaumes du bel amour. Genève, Ad Solem Publ., 2010. 94 p.
13. Camus A. La peste. Paris, Gallimard Publ., 1947. 278 p.
14. Camus A. L'étranger. Paris, Gallimard Publ., 1971. 185 p.
15. Claudel P. Contacts et circonstances. Paris, Gallimard Publ., 1947. 268 p.
16. Claudel P. Cinq grands odes. Paris, Gallimard Publ., 1966. 192 p.
17. Claudel P. Journal I, 1904-1932. Paris, Gallimard Publ., 1968. 1499 p.
18. Éluard P., Breton A. Dictionnaire abrégé du surréalisme. Paris, Ed. by José Corti, 1989. 75 p.
19. Flaubert G. Extrait de la correspondance ou Préface à la vie d'écrivain. Paris, Seuil Publ., 1990. 297 p.
20. Gide A. Les nourritures terrestres. Paris, Gallimard Publ., 1977. 194 p.
21. Mauriac F. Le baiser au lépreux. Paris, Ed. by Bernard Grasset, 1922. 164 p.
22. Péguy C. Ève. Paris, Labergerie Publ., 1948. 277 p.
23. Péguy C. Tapisseries. Paris, Gallimard Publ., 1968. 159 p.
24. Proust M. Le temps retrouvé. Paris, Gallimard Publ., 1990. 447 p.
25. Robbe-Grillet A. Pour un nouveau roman. Paris, Les Éditions de Minuit Publ., 1963. 144 p.
26. Saint-Exupéry A. Vol de nuit. Paris, Gallimard Publ., 2000. 188 p.

REFLECTION OF RELIGIOUS VIEWS OF WRITERS IN THE FRENCH LITERATURE OF THE TWENTIETH CENTURY¹

Khrabskova D. M., Tomicheva I. V.

Actuality of this research is determined by the fact that reflection of religious views of writers within the framework of literary traditions of France of the XX century deserves critical comprehension, and epistemological analysis. The tragic intensity of the passions of contemporary human, crisis of feelings and inability to be happy, as to the state of long and stable, moral crisis, in which one found for oneself a rescue long time ago, brightly reflected in works of the French authors of the XX century. The aim of research consists of demonstration of thematic choice French literature of the XX century determined by spiritual views and certain position in relation to God. For the achievement of the defied aim the method of general and formal is chosen and, accordingly, of the superficial review, insofar as, as a representative of continental philosophy Gilles Deleuze writes in the finale of his work of *Logique du sens*, “sense is a superficial effect”.

Literary movements of the XX century whose conceptions framed the literature of this country are surrealism and absurd. Ideology of surrealism is based on art liberation from all limitations, rebelling against established order and God. The challenge of human existence is the reason of absurd literary movement genesis; which was expressed in the meaninglessness of acts in tragic events deprived from the sense and quite absurd reasoning. The militant atheism marked the XX century. In absence of transcendentness, art, politics and love were sacralized, and were filled with the sacred content. However, some Christian writers offered resistance this tendency, mainly in poetry.

The influence of scientific thought of the XX century found its reflection in writers attitude to the disintegration of old values: the point of view to the Nature not as a system conceived by the Divine Architect, but as a powerful, but blind, ruthless and irrational force. These impressions filled their works with engrossing pity, despair or stoicism. A number of the French writers brought up in a similar atmosphere presented these ideas in their works.

Keywords: atheism, twentieth century, literature, God, sacralisation, surrealism, immoralism, atheistic humanism, Christian stoicism

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 81'38/811.111

ИГРА СТИЛЕЙ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ¹

Мазина Е. Н., Полховская Е. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: mazina-99@bk.ru*

Объектом исследования является феномен игры стилей, лишенный четкой теоретической определенности как в отечественной, так и в зарубежной филологии. Широкая представленность этого явления в литературе и искусстве, многообразие форм реализации в различных типах текста делают актуальной проблему выявления и систематизации основных разновидностей стилевой игры. В работе предложен новый подход к типологизации игры стилей – разделение видов игры проводится путем совмещения концептуальных полей понятий «игра» и «стиль». В статье рассматриваются случаи инкорпорирования в сферу стилистики двух конститутивных игровых принципов – комбинаторного и имитативного, и выделяются соответствующие виды игры стилей. Также освещаются основные игровые механизмы, активизирующиеся в различных стилевых системах (таких как идиостиль, функциональный стиль, стиль языка) и выявляются особым образом организованные, специфические для данных систем и контрастные в стилевом плане ресурсы языка, реализующие игровую функцию. Особое внимание уделяется раскрытию прагматического потенциала анализируемых видов и приемов игры стилей в произведениях британской и американской литературы XX–XXI веков.

Ключевые слова: типологизация, стиль, игра, игра стилей, имитативный принцип, комбинаторный принцип, прием.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим аспектом изучения языковых игр (далее – ЯИ) является проблема их типологизации. Хотя в подходах современных исследователей к анализу ЯИ нет полного единства, в большинстве работ разделение игры на виды проводится с учетом уровневой структуры языка. Традиционно выделяют фонологическую (фонетическую), морфологическую, лексико-семантическую и синтаксическую игру. Кроме того, в качестве отдельных разновидностей ЯИ рассматривают графическую, орфографическую, словообразовательную и стилистическую игру. Не являющуюся объектом специального исследования игру стилей (далее – ИС) обычно освещают лишь в самых общих чертах с тех же позиций, что и другие, перечисленные выше виды (подробнее историю изучения вопроса см. [5]) – преимущественно обобщаются эмпирические данные о разноуровневых средствах и приемах реализации языковой игры и на этой основе извлекаются «лингвистически содержательные выводы» [7, с. 36].

Поскольку стиль как «надуровневое» образование представляет собой весьма специфическую область наблюдения, существует необходимость в несколько иных подходах, которые, не вступая в противоречие с накопленным весьма обширным

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

материалом о языковой игре, дают возможность исследовать явление ИС с других позиций. Качественную определенность, системность рассуждениям о типологии игры стилей может придать, на наш взгляд, совмещение концептуальных полей двух ключевых понятий – «игра» и «стиль». Такой подход позволяет экстраполировать общефилософские представления о базовых принципах игры (в широком понимании) на принципы реализации ИС (как ее конкретной разновидности) и пролить свет на сущность игровой природы стиля. При этом стиль рассматривается как система систем, таких как индивидуальный авторский стиль, функциональный стиль, стиль языка и др., обладающих рядом дифференциальных признаков: специфические языковые параметры (фонетические, лексические, грамматические), различные прагматические цели, сферы употребления и т.п. Их интегральным признаком, релевантным для данного исследования, является способность всех этих стилистических явлений создавать игровую ситуацию. Игра – это базовый механизм, придающий стилю вариативность, импровизационность, сообщающий ему внутреннюю энергию.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Наибольший интерес для нас представляют два основополагающих принципа игры – подражание и комбинирование, традиционно выделяемые (либо вместе, либо в отдельности) в различных типологиях игр в таких областях науки, как философия, культурология, языкознание, литературоведение и др. (см., например, [1; 2; 3]). Эти же принципы лежат и в основе ИС, являющейся таким же феноменом культуры, как и другие виды игры. При этом специфика реализации вышеупомянутых принципов в данном случае состоит в том, что они направлены на игровую трансформацию языкового материала, отобранного по особым критериям и определенным образом организованного, т.е. стиля в его лингвистическом понимании. Таким образом, в зависимости от подхода к языковому материалу в тексте игра стилей может быть условно разделена на *имитативную* и *комбинаторную*. Дальнейшее деление ИС на приемы в рамках данных видов, на наш взгляд, целесообразно также проводить путем анализа полей совмещения понятий «игра» и «стиль».

Имитативный принцип игры по-разному реализуется в различных подсистемах стиля, характеризующихся своими специфическими языковыми средствами.

В рамках *индивидуального авторского стиля* имитация приобретает две основные формы: стилизация / пастиш (подражание стилю произведений одного или нескольких авторов с целью их творческой переработки) и пародия (утрированное, гротескно-комическое представление чужого стиля для высмеивания, сатиризации). Оба приема игры имеют общий механизм реализации: в пределах одного стилизованного или пародийного текста одновременно потенциально несколько стилей (исходные и собственно авторский). Они, пользуясь образным выражением Ю. М. Лотмана, не просто «неподвижно сосуществуют, а «мерцают»» [4, с. 139]. Осведомленный читатель, ощущая имитацию, удерживает оба стилиевых плана, получая удовольствие от их узнавания и соотношения, а также от осознания других возможностей стилиевого оформления текста.

Ярким примером игры стилей может служить постмодернистский роман «Падение Британского музея» (“The British Museum is Falling Down”) Д. Лоджа [13], в котором автор творчески воспроизводит художественную манеру ряда классиков литературы (Ф. Кафки, Э. Хемингуэя, Г. Джеймса, Дж. Джойса), создавая особую стилиевую полифонию. Так, в эпилоге романа в стиле «Улисса» (“Ulysses”) представлен внутренний

монолог главной героини Барбары, имитирующий поток сознания Молли Блум: «<...> that American girl Jean something was her name Jean Kaufman said once a boy took her to the Rhode Island Rhythm Centre thinking it was a jazz club and taking your temperature every morning that's a bore Mary said she's tried everything including temperature charts she's one of the unlucky ones it won't work for so what is she supposed to I'd like to know O the Church will have to change its attitude there's no doubt about that» [13, с. 163].

Отсутствие пунктуации, фрагментарность, идущие вперемешку контексты настоящего и прошедшего времени, использование междометия *O* (ср. «when he becomes famous *O* but then what am I going to do» [13, с. 323]), сближают стиль данного фрагмента романа Д. Лоджа и его прототипа. О полном копировании, разумеется, речь не идет – вместо любимого *yes* Молли, в речи Барбары чаще встречается *perhaps*, нет характерных для высказываний джойсовской героини ошибок, малапропизмов. Талантливая стилизация писателя, который предлагает читателю игру в распознавание идиостилей, открывает также широкие возможности интертекстуальной интерпертации романа.

Подражание *функциональному стилю* как прием стилевой игры в художественных текстах обычно носит пародийный характер и выполняет, преимущественно, игровую задачу – развлечь читателя. Особенно эффектны случаи, когда формальная сторона текста, его стиль, противоречат характеру передаваемой в нем информации. Такого рода текстовые фрагменты широко представлены в художественной литературе. В качестве наглядного примера приведем имитацию специфических черт официально-делового стиля в романе Х. Филдинг «Бриджит Джонс: грани разумного» (“Bridget Jones: The Edge of Reason”), в котором главная героиня формулирует «Кодекс правил знакомства» («Code of dating practice»):

«1) If citizens know they do not want to go out with someone they must not egg them on in the first place.

2) When a man and a woman decide they would like to sleep together, if either party knows they just want a "fling" this should be clearly stated beforehand.

3) If citizens snog or shag other citizens they must not pretend nothing is going on.

4) Citizens must not go out with other citizens for year and years but keep saying they don't want to get too serious.

5) After sexual relations it is definitely bad manners not to stay the night [11, с. 197].

Директивность, каузальность, четкая структурированность, употребление клише (*this should be clearly stated, either party*) – все эти черты придают тексту подобие официального документа. Вместе с тем снижение стиля за счет несоответствия формы и содержания, использования иностилевых вкраплений (коллоквиализмов и сленгизмов: *egg on, fling, snog, shag*), недопустимых в «жестком» деловом дискурсе, деавтоматизирует восприятие текста, акцентируя внимание на его «искусственности», «аномальности», создает комический эффект. Сама специфика данного текста позволяет говорить о наличии необходимых факторов игры – присутствует условная ситуация, в которой имитируется реальная языковая деятельность, наблюдается свобода в выборе средств подражания, отсутствие подчинения императивным правилам.

Стили языка (нейтральный, возвышенный, сниженный) также обладают существенным игровым потенциалом, который реализуется, в частности, за счет воплощения «низкого» содержания средствами высокого стиля, а «высокого» – посредством разговорного или даже просторечного стиля. Такое несоответствие содержания и его стилового оформления, именуемое в научной литературе приемом

травестирования, обычно основано на *имитации* популярного стиля или стилистических особенностей известного жанра. Это прием комической стилизации, характеризующейся сменой регистра условности и применяемый в различных подражательных играх. В качестве примера приведем фрагмент из постмодернистского романа «Тимбукту» (“Timbuktu”) П. Остера о бродячем беспородном псе, удостоившемся следующей характеристики: «*Sparkatus the Dog. Behold yon Sparkatus, the noblest tail-wagger in all of Rome*» [8, с. 177]. Столь помпезная обрисовка дворняги, имитирующая стиль «высоких» жанров античной литературы, придает иронический модус повествованию.

Комбинаторная игра стилей основана на расширении нормативной стилевой сочетаемости, т.е. намеренном смешении текстовых фрагментов, предложений, словосочетаний, слов, контрастных по стилю. Создаваемые «гибриды» различаются объемом и функциями, принципами сочетания и видами разностилевых элементов. Чем больше разнятся вступающие во взаимодействие стили по своим экстралингвистическим / лингвистическим признакам (эпоха, жанр, прагматическая цель, коммуникативная сфера, специфика языка), тем значительнее, ярче будет создаваемый эффект. В круг задач игрового смешения стилей входит апелляция к эстетическому восприятию человека, к его творческим задаткам, чувству юмора, воображению.

Рассмотрим реализацию комбинаторного принципа как продуктивного игрового начала в различных подсистемах стиля.

Соединение в текстовом пространстве произведения элементов подчеркнуто разнородных *индивидуальных авторских стилей* является весьма эффективным и достаточно распространенным приемом создания игровых ситуаций в современной художественной литературе. Этот прием, именуемый коллажем, ведет к образованию стилистически гетерогенной системы, характеризующейся высокой степенью внутренней непредсказуемости. Одним из наиболее ярких примеров такого рода произведений является роман французского писателя Жака Ривэ «Барышни из А.», ткань которого соткана из 750 цитат, взятых из книг 408 авторов.

Комбинация фрагментов идиостилей может проявляться и на уровне внутренней структуры текста. Важно оговорить, что в данном случае речь идет не просто о политекстуальности, т.е. присутствии в произведении цитат, аллюзий, реминисценций. Необходимым условием реализации ИС является диффузия *контрастных в стилевом плане* интертекстуальных элементов. Фрагменты предтекстов, зачастую представленные в искаженном, но узнаваемом виде, обращают на себя внимание своей «инаковостью», чужеродностью, носят характер курьеза. Например, «*Perhaps I might be interesting as a test case, a counter-example. Watch Ollie fuck up his life, go thou and do not likewise*» [10, с. 220]. В данном контексте наблюдается весьма характерный для авторской манеры Дж. Барнса стилевой контраст: смешение сниженной разговорной речи, насыщенной табуированной лексикой, с возвышенным, архаичным стилем цитаты из Евангелия от Луки («*go and thou do likewise*») (Luke, 10:37), которая представлена здесь в трансформированном виде. Игра стилей, выражающая глубокую самоиронию одного из главных героев, становится специфической чертой его речевого портрета, проявляющейся на протяжении всего романа.

Если распознавание случаев смешения индивидуально-авторских стилей может представлять трудность даже для эрудированного интерпретатора, *синтез функциональных стилей* как специфических образов действительной реальности узнаваем достаточно легко. Каждый стиль автоматически ассоциируется с определенной

сферой общения и прагматической целью, определяющей набор и особую организацию языковых единиц. Однако комбинаторная стилевая игра в художественном тексте деавтоматизирует такое восприятие – исходные коммуникативные цели, предметная отнесенность преобразуются в соответствии с творческими задачами писателя.

Приведем пример: «*‘Good evening, here are today’s headlines at six o’clock on Saturday, October the twenty-ninth. Earlier today, US Secretary of State George Schultz announced at a press conference in the White House that the American embassy in Moscow is to be entirely rebuilt, following the discovery of listening devices in the walls of the building. President Reagan expressed his – ‘Who gives a shit, honestly?’*» [14, с. 55]. В большей части фрагмента приводится текст новостного сообщения, написанный с соблюдением основных стилевых конвенций. Затем автор, нарушая его замкнутость, вводит предложение в сниженно-разговорном стиле, меняя тем самым тональность всего контекста. При этом исходная информативная функция теряет свою значимость, уступая оценочной – акцент делается на бесполезности, ненужности сообщаемых сведений.

Комбинаторная игра стилей может включать также диффузию подъязыков, каждый из которых представляет собой «малую лингвостилистическую микросистему», обладающую определенной «функционально-стилистической направленностью и обслуживающую определенную сферу общения» [6, с. 157]. Примечательно, что для создания яркого эффекта вступающие во взаимодействие подъязыки необязательно должны быть абсолютно разнородными. Они могут принадлежать к одному функциональному стилю, но различаться по тематике, адресности, прагматической направленности, набору языковых единиц, как например, в следующем контексте:

«A terrible thing has just happened. Magda just called.

'Put it back in the potty. Put it back in! Listen, I don't know if I should tell you this, Bridge, but put it back. Put the ploppy BACK IN!'

'Magda...' I said dangerously.

'Sorry, hon. Look, I just rang to tell you that Rebecca... now look that's really nasty, isn't it? Yakky! Yakky! Say yakky.'

'WHAT?'

'Mark's coming home next week. She's invited us to a post-election welcome back dinner for him and ... NOOOOOOO! OK, OK, put it in my hand.'» [11, с. 189].

В данном гибридном образовании без обозначения границ синтезированы разные подъязыки разговорного стиля: диалогическая речь подруг и так называемый материнский язык (*motherese*). Из контекста очевидно, что чередующиеся в рамках одного речевого сегмента обращения героини к взрослой женщине и к малолетнему сыну призваны одновременно реализовать две цели общения – поддержание социальной связи с приятельницей и контроль над действиями ребенка. Эти цели обуславливают и наличие двух наборов языковых единиц и структур, обслуживающих каждый из данных типов общения. Сам по себе диалог, представляющий собой пример типичной фамильярно-разговорной женской речи, был бы малопримечателен, если бы не вкрапления материнского языка. Последний, как мы видим, характеризуется частыми повторами, побудительными предложениями, имеющими простую структуру, и так называемой детской лексикой (*baby-talk*), например *potty*, *ploppy*, *yakky*. Взаимопроникая, эти стилистические микросистемы создают игровую ситуацию. Мощный диссонанс между темами разговора создает комический эффект, эффект «обманутого ожидания», развлекает читателя.

Если в случаях смешения индивидуально-авторских / функциональных стилей сочетание высоких и низких стилиевых элементов может быть одним из целого ряда, но отнюдь не основным маркером ИС, то при синтезе «стилей языка» данный признак становится отличительным. Комбинаторный принцип здесь реализуется обычно двумя путями.

1. Начало текстовых фрагментов может быть выражено высокопарным стилем, который внезапно резко снижается до разговорного или же откровенно вульгарного за счет диссонантного вкрапления сленгизмов, жаргонизмов, вульгаризмов. Например, «*Know thine enemy and keep a wide birth*» [8, с. 6] или «*Of course we Tippex out our treachery, purge our perfidy, and offer retrospectively a tabula rasa of the heart on which the great love story is then indicted; but that's bollocks, isn't it?*» [10, с. 14].

2. Наблюдается также вкрапление в разговорно-бытовую речь возвышенных слов или словосочетаний: «*It wasn't going to hurt anyone, was it? Better to learn the truth now than to walk around with that sack of Yuletide shit preying on his mind for the next forty years*» [8, с. 19]. Эти лексические единицы высокого стилистического тона отнюдь не «олитературируют» повествование, а делают его насмешливо-ироническим. Разнообразие форм проявления данного вида стилиевой игры обусловлено наличием большого числа разрядов как сниженной, так и возвышенной лексики.

Включения стилистически окрашенной лексики в чужеродный стилиевой контекст имеют значение для понимания роли элемента в механизме реализации игры, дают представление о максимальном большинстве случаев применения приема. Они также создают комический эффект, эффект неожиданности, задают «интерес игры», делают повествование ироничным.

Представляющие научный интерес попытки четкого разграничения двух видов игры стилей, придания им внутренней упорядоченности, на наш взгляд, неизбежно сопряжены с некоторой схематизацией этого сложного и многообразного феномена, изменчивого и импровизационного по своей природе. Важно учитывать, что в текстовом пространстве художественного произведения широко распространена конвергенция видов и приемов ИС, в частности, можно встретить *комбинацию* контрастных в стилиевом плане *стилизованных* фрагментов.

В качестве примера можно привести первую главу романа «История мира в 10½ главах» (“A History of the World in 10 ½ Chapters”) Дж. Барнса под названием «Безбилетник» (“The Stowaway”) [9]. Художественный текст стилизован под публицистику с яркими вкраплениями острой политической риторики, фрагментами научного, газетного, официально-делового стилей, имитацией речевой манеры проповедников и т.п. Разнообразные стили сменяют друг друга практически в каждом абзаце, создавая в тексте полифонию и вовлекая посвященного читателя в стилиевую игру: «*There were other dangers on the Voyage apart from that of being turned into lunch. This was, you understand, long before the days of the fine syringe filled with the solution of carbolic acid in alcohol, before creosote and metallic naphthenates and pentachlorphenol and benzene and para-dichlor-benzene and ortho-di-chloro-benzene <...> time and nature were happening to our cousin xestobium rufo-villosum. <...> We the humble, the discreet, the disregarded yet sensible anobium domesticum could not believe our ears. <...> that our cousins, transformed into adulthood, should choose this moment, this moment of all, to advertise their amatory intentions, was almost beyond belief. Here we were, perilously at sea, final extinction a daily possibility, and all xestobium rufo-villosum could think about was sex*» [9, с. 18–19].

Проникнувшись «настроением игры», читатель настраивается на особый способ восприятия текста, распознает «голоса», которым подражает автор, отслеживает неожиданные сочетания и, как настоящий игрок, принимает иллюзию симулируемой вторичной реальности.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что в зависимости от подхода к отбору языковых единиц, формирующих тот или иной стиль, и принципов организации этих единиц стилевую игру можно условно разделить на два вида: комбинаторную и имитативную. Поля совмещения игры и идиостиля / функционального стиля / стиля языка демонстрируют неограниченное множество форм реализации ИС. Свое конкретное проявление игра стилей имеет в форме таких приемов, как стилизация (пастиш), пародирование, травестирирование, смешение идиостилей / функциональных стилей / стилей языка, иностилевые вкрапления. Эстетизируясь, игра стилей выполняет структурирующую роль – организует взаимодействие массивов и пластов текста произведения. Кроме того, разные виды ИС позволяют автору придать речи особую художественную выразительность, усилить развлекательный и комический эффект, оживляют внутренние формы текста. Сложные стилевые эксперименты делают читателя участником игры-диалога с текстом и с автором, учат творить в процессе чтения.

Список литературы

1. Грдина Т. А. Художественный текст как поле языковой игры // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 5. – С. 101–110.
2. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. – Москва: ОГИ, 2007. – 304 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – Москва: НИПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
4. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1967. – Вып. 3. – С. 130–145.
5. Мазина Е. Н., Полховская Е. В. Игра стилей: осмысление проблемы в филологической науке советского и постсоветского периодов // IN SITU. – 2015. – № 4. – С. 88–93.
6. Миньяр-Белоручева А. П. История становления языка для специальных целей // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы Международной научной конференции (Челябинск, 10–13 декабря 2007 г.) / отв. ред. О. А. Турбина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – Ч.1. – С. 24–30.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
8. Auster P. *Timbuktu*. – New York: Picador USA. Henry Holt and Company, 2000. – 181p.
9. Barnes J. *A History of the World in 10 ½ Chapters*. – London: Vintage Books, 2009. – 310 p.
10. Barnes J. *Love, etc.* – London: Vintage Books, 2002. – 250 p.
11. Fielding H. *Bridget Jones: The Edge of Reason*. – London: Picador, 1999. – 422 p.
12. Joyce J. *Ulysses*. – London: The Bodly Head, 1993. – 666 p.
13. Lodge D. *The British Museum is Falling Down*. – London: Vintage Books, 2011. – 176 p.
14. Mitchell D. *Slade House*. – London: Sceptre, 2015. – 233 p.

References

1. Gridina T. A. *Khudozhestvennii tekst kak pole dl'a yazykovoi igry* [A literary text as a field of the language game]. *Uralskiy filologicheskiy vestnik*, 2012, no. 5, pp. 101–110.
2. Kayua R. *Igry i l'udi. Stat'i i jesse po sotsiologii kul'tury* [Games and people. Articles and essays on sociology of culture]. Moscow, OGI, 2007. 304 p.
3. *Literaturnaja jentsiklopedija terminov i pon'atij* [The literary encyclopedia of terms and concepts]. Ed. by A. N. Nikoljukin. Moscow, Intelvak, 2001. 1600 p.

4. Lotman Yu. M. *Tezisy k probleme «Iskusstvo v r'adu modelirujushchih sistem»* [The place of art among other modeling systems]. *Trudy po znakovym sistemam*, 1967, no. 3, pp. 130–145.
5. Mazina Y. N., Polkhovskaya Y. V. *Igra stilej: osmyslenije problemy v filologicheskoj nauke sovetskogo i postsovetskogo periodov* [Play on styles: understanding the problem in philology of Soviet and post-Soviet periods]. *IN SITU*, 2015, no. 4, pp. 88–93.
6. Minjar-Beloručeva A. P. *Istoriya stanovlenija jazyka dl'a spetsialnyh tselej* [The history of development of the language for special purposes]. *Aktualnije problemy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki*. Chelyabinsk, Juzhnouralskio gosudarstvenno universitet publ., 2007, ch. 1, pp. 24–30.
7. Sannikov V. Z. *Russkij jazyk v zerkale jazykovoï igry* [Russian language in the mirror of the language game]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 2002. 552 p.
8. Auster P. *Timbuktu*. New York, Picador USA. Henry Holt and Company, 2000. 181 p.
9. Barnes J. *A History of the World in 10 ½ Chapters*. London, Vintage Books, 2009. 310 p.
10. Barnes J. *Love, etc.* London, Vintage Books, 2002. 250 p.
11. Fielding H. *Bridget Jones: The Edge of Reason*. London, Picador, 1999. 422 p.
12. Joyce J. *Ulysses*. London, The Bodly Head, 1993. 666 p.
13. Lodge D. *The British Museum is Falling Down*. London, Vintage Books, 2011. 176 p.
14. Mitchell D. *Slade House*. London, Sceptre, 2015. 233 p.

PLAY ON STYLES: THE PROBLEM OF TYPOLOGIZATION¹

Mazina Y. N., Polkhovskaya Y. V.

The object of research in the present study is the phenomenon of play on styles, devoid of clear-cut conceptual clarity both in Russian and foreign philology. The aim of the article consists in revealing and systematizing the main types and manifold techniques of play on styles, widely used in fiction and art. This study suggests a new approach to typologization, i.e. through overlaying conceptual fields of the notions of play and style. In particular, incorporation of two underlying principles of play (imitation and combination) into stylistic domains is regarded, and the corresponding types of play on styles are singled out. The article shows how the above-mentioned principles “gamify” such systems as idiostyles, functional styles, the style of language and reveals specifically selected and arranged stylistically contrasted lingual resources, used to play with the reader. Special attention is paid to the disclosure of pragmatic potential of the analyzed types and techniques of play on styles in British and American fiction of the 20th–21st centuries.

Keywords: typologization, style, play, play on styles, imitative principle, combination principle, technique.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

ПРОАКТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ИНТЕРНЕТ-АККУЛЬТУРАЦИИ СТУДЕНТА¹

Мележик К. А., Хлыбова Н. А.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: melezhik.karina@yandex.ru*

Рассматривается проблема несоответствия целей традиционного обучения иностранным языкам (развитие коммуникативных навыков говорения, аудирования, чтения и письма) и целей аккультурации в реальности современного мира с его разнообразием, непредсказуемостью, сложностью и неоднозначностью. Предлагается стимулировать и развивать обучающие концепции аккультурации, которые основаны на формах подготовки студентов к ориентации на межкультурное и межнациональное разнообразие. Аккультурация определяется как культурная модификация индивидов путем адаптации к другой культуре. Вводится модель многомерного межкультурного обучения иностранным языкам, которая предполагает, что две основные проблемы для студентов – это недостаточный уровень а) социокультурной адаптации и б) интеллектуального комфорта в инокультурной и инациональной среде как следствие недостаточной межкультурной и социально-эмоциональной компетентности. Использование Интернета влияет на эффективность аккультурации, которая внедряется в русло методики коннективизма посредством тематических онлайн форумов, обсуждений и диалогов, позволяющих формировать взаимосвязанное учебное сообщество. Виртуальная вербализация межкультурного опыта, убеждений и эмоций в дискуссионных группах создает возможности для расширения и переформулирования идей аккультурации. Предлагаемая модель виртуальной аккультурации объединяет элементы двумерной модели Берри и модели многомерных индивидуальных различий аккультурации Рудмина. Задача преподавателя: научить методике выбора индивидуальной стратегии аккультурации, ограниченного интеграцией (т. е. сохранением культуры наследия и получением новой культуры), отделением (т. е. сохранением культуры наследия, но не получением новой), ассимиляцией (т. е. отказом от культурного наследия и принятием новой культуры) и маргинализацией (т. е. отказом от культурного наследия и неспособностью адаптироваться к новой культуре). Несовпадения и конфликты между этими стратегиями аккультурации могут привести к культурному стрессу и проблемам межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: аккультурация, межкультурная коммуникация, модель виртуальной аккультурации, межкультурная компетентность, стратегии аккультурации.

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация современного мира проявляется в переплетении экономических, культурных, политических, профессиональных и социальных пространств, где осуществляется взаимодействие на пересечении традиционных границ. Зарубежные контакты россиян как часть всеобъемлющего процесса глобализации стали привычной реальностью. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) число выездных туристских поездок из России в 2018 году выросло на 5,8% (или 2 млн. 335 тысяч), с 39 млн 629 тысяч в 2017 году до 41 млн. 964 тысяч. Причем, согласно рекомендациям Всемирной туристической организации (UNWTO), Росстат считает туристами не только тех, кто декларирует подобную цель поездки, но и выезжающих по

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

частному приглашению, по делам, на лечение, и т. п. («турист – тот, кто тратит в стране деньги, которые он заработал вне пределов этой страны»). Росстат исключает из числа туристов людей, выехавших на постоянное место жительства, с целью трудоустройства, прохождения курса долгосрочного обучения, и т. п. Лидером зарубежных поездок россиян в 2018 году была Турция: число туристских поездок в эту страну в 2018 г. составило более 5,7 млн., что на 27% больше, чем в 2017 г. Более того, в Турции проживают более ста тысяч российских женщин, переехавших на постоянное место жительства. Если для участников кратковременных поездок вопрос аккультурации, языковой и социально-психологической адаптации не является животрепещущим, то для тех, кто переехал на постоянное место жительства, это насущная необходимость. Как они входят в иноязычный и инокультурный социум? Подготавливают ли к этому вузовские занятия по иностранному языку? Мы обратились с этими вопросами к выпускнице Таврического национального университета, бывшей жительнице Симферополя Дениз (Нине) Гючлю, которая вышла замуж за турецкого гражданина Мурата Гючлю и с 2000 г. проживает в Стамбуле. В семье растут два сына: Эмирхан Гючлю, 2002 г., и Али Арслан Гючлю, 2011 г. Среди тех, кто составляет круг общения Дениз Гючлю в Стамбуле, десятки имеющих высшее образование россиянок, которые на собственном опыте знают все подводные камни аккультурации в новом сообществе. Как оказалось, ни одна из них не сообщила о том, что занятия по иностранному языку в том или ином российском университете могли подготовить их к перспективе последующей аккультурации в Турции.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что сопутствующим результатом иммиграционных процессов и языковых контактов становятся новые этнически и социально стратифицированные формы коммуникации, которые находятся в прямой зависимости от внеязыковых факторов и стереотипных параметров коммуникативной ситуации.

Проблематика исследования. Действующая система обучения иностранному языку базируется на развитии языковой компетенции (говорения, аудирования, чтения и письма на целевом языке), и имплицитно пренебрегает подготовкой студента к реальности современного мира с его разнообразием, непредсказуемостью, сложностью и неоднозначностью [19]. Эта реальность требует нового видения образования, ориентированного на разнообразие, и включения технологий адаптации в мультикультурной среде. **Целью** статьи является систематизация причин, нарушающих эффективность аккультурации, и поиск приемов модификации содержания и структуры лингвокультурной ориентации студентов как компонента университетского курса иностранного языка с тем, чтобы он отвечал условиям межнациональных и межкультурных контактов начала XXI в. **Новизна** исследования заключается в том, что обосновывается методика использования Интернета и онлайн-технологий коннективизма в качестве основного инструмента аккультурации, адаптирующего обучение иностранным языкам к условиям диверсификации современного мира.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Аккультурация определяется как культурная модификация индивидов путем адаптации к другой культуре, это процесс культурных и психологических изменений, которые происходят из-за взаимодействия между иммигрантами и представителями принимающей культуры [2, р. 304]. Основными мониторами этого процесса в

университетской среде являются преподаватели, действия которых отражают то, что они знают и во что верят. Согласно Й. Сонгу и С. Эндрюсу, когниция преподавателей представляет собой совокупность процессов, нацеленных на кодирование, декодирование, хранение и обработку информации о людях как членах социума, об их деятельности и поведении, а также комплекс знаний, формирующихся в результате данного процесса. Когниция преподавателей включает в себя принятие решений, знания, отношения, убеждения, чувства и понимание их окружения. Это сочетание когнитивных реакций, аффективных реакций, ответов на учебный контекст и факторов, связанных со студентами. Й. Сонг и С. Эндрюс отмечают, что среди этих конструкций убеждения играют ключевую роль в том, как преподаватели интерпретируют информацию о процессах обучения иностранным языкам и как они переводят эти интерпретации в свою практическую деятельность [18, р. 3–6].

Выделим три момента, характеризующие убеждения преподавателей: 1) убеждения сложны и диалектичны, имеют парадоксальный характер, поскольку в то же время они стабильны и динамичны в конкретных контекстах аккультурации; 2) убеждения неразрывно связаны со знанием, которое включает в себя интерпретацию преподавателем своего опыта и размышления об этом опыте; и 3) на убеждения влияет рефлексия, и они могут измениться, когда люди имеют возможность размышлять над своими убеждениями или когда меняются контексты обучения [1, р. 5].

В связи с постоянным техническим прогрессом, ситуации с преподаванием и изучением языка характеризуются изменениями, непредсказуемостью и сложностью. Внедрение новых видов обучения, опосредованных цифровыми технологиями, изменило наше понимание языка, знаний и педагогической деятельности [9]. Соответственно, методы преподавания должны быть адаптированы для включения концепций коннективизма [17] и онлайн обучения, которые уже задействованы в различных социальных сферах, а это часто требует изменений в убеждениях и практике преподавателей языка. Как указывают М. МакВи и соавторы, даже преподаватели, знакомые с использованием компьютеров и интернета в своей повседневной жизни, как опытные, так и начинающие мало знают о том, как следует интегрировать технологии для облегчения преподавания и обучения. Когда они пытаются интегрировать технологии в учебные занятия, они обычно делают это, основываясь на своих убеждениях и опыте [11, р. 197]. Что касается студентов, они ограничивают сферу использования технологий индивидуальными потребностями коммуникации и информационного поиска за пределами учебной аудитории [5, р. 159].

Л. Каджи и Р. Бальфур утверждают, что подготовка преподавателей к внедрению технологий в учебный процесс сложна, поскольку речь идет не только о том, чтобы научить их использовать оборудование и программное обеспечение в аудиторном контексте, а научить их, как помочь студентам действовать в режиме онлайн, в форме дискуссионных форумов, в контексте дистанционного обучения [9, р. 195]. Структура дистанционного обучения основана на идеях коннективизма, на конструктивистском подходе, предполагающем онлайн обсуждение и диалог между преподавателем и студентами, что позволяет создавать взаимосвязанное учебное сообщество, в котором практикуется интегративный и социально-когнитивный подходы. Такие подходы сочетают в себе традиционные языковые навыки, такие как аудирование, говорение, чтение и письмо, с навыками электронной грамотности, взаимодействия посредством различных технологических инструментов как неотъемлемой части преподавания языка

[8, p. 464]. Обдумывая приемы дистанционного обучения, недостаточно просто перенести традиционные методы в технологическую среду. Необходимо учитывать новые формы конструирования, расширения, практики и распространения знаний, преодолевая барьеры времени и пространства. Дистанционное обучение в интернете обеспечивает повышенный потенциал для взаимодействия и обсуждения между преподавателем и студентами посредством вербального и невербального общения, выбора участников коммуникации, контроля и уважения их собственного темпа обучения, а также возможностей для совместной работы посредством диалога. В занятиях, основанных на технологиях учебных систем, имитируется индивидуальное общение, обеспечивающее возможности для горизонтальных обменов и двусторонней связи [7, p. 64]. Однако, как отмечают Э. Мерфи и соавторы, мы не можем забывать, что взаимодействие в виртуальной среде определяется не каналами связи, а их педагогическим использованием, в процессе которого в режиме онлайн можно менять инструкции и получать знания для построения новых знаний [12, p. 585].

Посредством онлайн-дискуссий с преподавателями и коллегами дистанционное обучение может предоставить участникам вовлечение в критический и рефлексивный дискурс. Саморефлексия позволяет учителям соотносить свой опыт со своими убеждениями, знаниями и эмоциями, которые пронизывают обучение. Другими словами, концептуализируйте свои убеждения как идеи, возникающие в процессе осмысления действий, мира и самого себя. В онлайн-дискуссиях (например, на виртуальных форумах) речь идет не просто о вербализации того, что мы делаем, но и об убеждениях, основанных на личном опыте, о применении теории в конкретной педагогической практике. По словам Т. Фаррелла, в онлайн-дискурсе личные представления разделяются другими участниками и приобретают социальный характер [6, p. 59]. Развитие познавательной способности студентов посредством онлайн-взаимодействия зависит от способности преподавателя размышлять о своем опыте, убеждениях и предположениях в свете новой информации, и этого лучше всего можно достичь путем совместных обсуждений и интерпретаций в виртуальных сообществах практики [13, p. 361].

Вербализируя свой опыт, убеждения и эмоции в виртуальных дискуссионных группах, преподаватели могут реализовать свои умственные процессы посредством объяснений и примеров, создавая возможности для опроса, расширения и переформулирования идей, которые возникают в общении [10, p. 82].

Это возможно потому, что одна из характеристик убеждений, на которую указывают А. Барселос и П. Каладжа, заключается в том, что они подвержены влиянию рефлексии и могут меняться, когда им бросают вызов, т. е. когда преподаватели имеют возможность размышлять о своих представлениях или когда происходят изменения в контексте учебной деятельности (например, от презентативного контекста обучения до дистанционного контекста) [1, p. 3]. Конфликт между убеждениями преподавателей и новыми возможностями обучения, возникающими в контексте их действий, может еще больше стимулировать их интеллектуальный процесс, поскольку «наличие значительного или критического напряжения обязательно вызывает эмоции», и эти эмоции могут заставить их переосмыслить свою практику и убеждения в отношении преподавания и обучения [16, p. 565].

Преподаватель как модератор коммуникации в интернете должен быть посредником между студентами и источниками информации на дискуссионных форумах и в чатах, мотивируя их, проясняя сомнения, укрепляя навыки аккультурации, а также применяя

аудиторные тесты. Наша преподавательская практика показывает, что существует то, что мы назовем конфликт интересов между аккультурацией как компонентом программы обучения иностранным языкам и аккультурацией как фактором реальности, с которой придется столкнуться тем нашим выпускникам, которые захотят выехать за границу. Аккультурация, будучи компонентом учебной программы, направлена на ознакомление с элементами культуры страны (или стран) изучаемого языка, подобно тому, как мы знакомимся с экспонатами выставки или музея. Аккультурация, будучи фактором реальности, необходима для вхождения в инокультурное и/или иноязычное сообщество, которое может быть никак не связано со страной изучаемого в университете языка, как это было с выпускницей экономического факультета Таврического национального университета Дениз (Ниной) Гючлю.

Поскольку вопрос выполнения учебной программы (в ее обязательной части) обсуждению не подлежит, преподаватель может организовать дистанционное обучение приемам решения общих и частных проблем аккультурации с помощью онлайн технологий и, конечно, с использованием изучаемого языка. Первым шагом должен быть выбор модели аккультурации с учетом того, что на культурном уровне обычно имеют место некоторые приоритеты как культуры страны происхождения иммигранта, так и культуры страны прибытия (например, форма общения, привычки питания и стиль одежды, нормы социального поведения), которые заставляют выбирать разные типы стратегий аккультурации.

Модель, которую мы используем в нашей практике дистанционного обучения навыкам аккультурации, объединяет элементы из двух различных моделей: (1) двумерной модели аккультурации Дж. Берри [3; 4], и (2) модели обучения аккультурации Ф. Рудмина [14; 15].

Согласно двумерной модели аккультурации Дж. Берри, на оценку аккультурации влияют два фактора: (1) сохранение исходной культуры и (2) адаптация к новой культуре. Они определяют четыре стратегии аккультурации, которые заключаются в следующем: 1) интеграция (т. е. сохранение исходной культуры наряду с приобретением новой культуры); 2) отделение (т. е. сохранение исходной культуры наследия, но не получение новой); 3) ассимиляция (т. е. отказ от культурного наследия и принятие новой культуры); и 4) маргинализация (т. е. отказ от культурного наследия, а также неспособность адаптироваться к новой культуре). Несоответствия и конфликты между этими различными стратегиями аккультурации могут привести к психологическим трудностям [2; 4]. Дж. Берри говорил, что, хотя бикультурные (интегрированные) индивиды должны подвергаться большему давлению со стороны как исходной, так принимающей культуры, они, как правило, лучше адаптируются. Ассимилированные люди характеризуются низкой этнической идентичностью страны исхода, и высокой идентичностью принимающей страны. Маргинализованные люди демонстрируют смешанную культурную идентичность. Дж. Берри отметил, что идея маргинальности соответствует концепции декультурации, и лица, практикующие стратегию маргинализации, отстранены как от своей первоначальной культуры, так и от культуры доминирующей группы [2; 3].

Аккультурная модель обучения Ф. Рудмина состоит из трех этапов, включающих в себя культурную мотивацию, культурное обучение и личностные изменения. В модели Ф. Рудмина [14] аккультурация представлена как обретение второй культуры: (1) мотивация аккультурации приводит к (2) аккультурному обучению, которое может

привести к некоторым (3) изменениям в личности (например, таким, как стиль общения, образ жизни, ценности, моральные кодексы, одежда, способ мышления, общественной деятельности). Изменения, которые возникают в результате культурного обучения, могут быть результатом семейной ситуации, успехов, неудач, политической деятельности и творчества, а также дискриминации. Мотивация к аккультурации может включать: (1) расширение культурного диапазона, (2) этническую идентичность, (3) реакцию на стресс и (4) целесообразность, связанную с рисками и затратами на приобретение второй культуры [14]. Эта модель предполагает четыре основных метода культурного обучения: (1) информацию о новой культуре, (2) инструкции, (3) имитацию нового культурного поведения и (4) наставничество лицами, компетентными в культуре принимающей страны. Наконец, в модели Рудмина представления о социально-экономическом статусе, а также о дискриминации могут влиять на то, как человек изучает вторую культуру, но эти представления не приводят к аккультурации и не составляют компонент изучения второй культуры.

В нашей практике онлайн обучения аккультурации важно учитывать, что в моделях Берри и Рудмина процесс аккультурации включает три фазы: контакт, конфликт и адаптацию. Контакт является отправной точкой аккультурации, когда общение рассматривается как один из процессов, необходимых для развития межкультурной компетенции. Под термином «межкультурная компетенция» в моделях Берри и Рудмина понимается способность надлежащим образом и эффективно осуществлять социальные взаимодействия и общаться с людьми из разных культур. Поэтому межкультурная компетенция может рассматриваться и как фундаментальный процесс, и как основной результат процесса аккультурации.

Термин культура стал важным элементом для понимания процесса аккультурации. Как отметил Ф. Рудмин, сходство между культурой принимающей страны и исходной культурой может прояснить, сколько аккультурации необходимо для адаптации к культуре принимающей страны [15, р. 35]. Таким образом, исследование концепции культурного сознания, культурных сходств и различий может сыграть конструктивную роль в социокультурной адаптации. Однако различные культурные группы могут воспитывать как расовые, так и этнические стереотипы, что может привести к угрозе возникновения негативных стереотипов, когда иммигрант боится вести себя таким образом, который случайно подтвердит негативный стереотип [20, р. 417]. Расширение знаний о различных видах стереотипов может быть полезным для уменьшения угрозы социальных и эмоциональных конфликтов.

ВЫВОДЫ

Наиболее оптимальным каналом, посредством которого члены университетского сообщества могут получать навыки современной аккультурации, выходящей за рамки лингвокультурной составляющей изучаемого языка, служит интернет-коммуникация, построенная по принципу коннективизма. Коннективизм объясняет языковую деятельность в открытой среде (интернет) с точки зрения формирования социальных сетей, опосредованных компьютерными интерфейсами. В практике коннективизма возможен отказ от регламентированных учебной программой вузовских образовательных сред в пользу параллельного создания открытых персональных учебных сред на основе общедоступных сервисов. В результате снимается ограничение на количество слушателей, а процесс обучения напоминает участие в дискуссионных форумах сетевого

сообщества. Модель, которая используется в нашей практике онлайн-обучения навыкам аккультурации, объединяет элементы моделей Берри и Рудмина с использованием изучаемого языка. Выбор стратегий аккультурации должен учитывать приоритеты страны исхода и страны прибытия, концепции культурного сознания, культурные сходства и различия, социальные и этнические стереотипы. Монитором процесса аккультурации студентов является преподаватель иностранного языка, который организует дистанционное обучение в интернете, опираясь на свои знания компьютерных технологий, представления о диверсификации современного мира и понимание того, что потенциальная аккультурация может быть никак не связана с изучаемым языком. Основная проблема видится в том, что эти знания и представления не всегда соответствуют поставленной задаче.

Список литературы

1. *Barcelos A. M. F., Kalaja P.* Beliefs in Second Language Acquisition: Teacher. The Encyclopedia of Applied Linguistics, Ed. by C. A. Chapelle. – Blackwell Publishing Ltd., 2013. – P. 1–6.
2. *Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P.* Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // *Appl. Psychol. Int. Rev.* – 2006. – No 55. – P. 303–332.
3. *Berry J. W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // *Int. J. Intercult. Relat.* – 2005. – No 29. – P. 697–712.
4. *Berry J. W.* Immigration, acculturation, and adaptation // *Appl. Psychol.* – 1997. – No 46. – P. 5–68.
5. *Dooly M.* Technology integrated into language learning: Introduction. Dooly, M., Eastment, D. (Eds.). How we're going about it. Teachers' voices on innovative approaches to teaching and learning languages. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 159–164.
6. *Farrell T. S. C.* Exploring the professional role identities of experienced ESL teachers through reflective practice // *System.* – 2011. – Vol. 39. – P. 54–62.
7. *Fleming S., Hipple D.* Distance education to distributed learning: multiple formats and technologies in language instruction // *CALICO Journal.* – 2004. – Vol. 22. – No 1. – P. 63–82.
8. *Hauck M., Stickler U.* What does it take to teach online // *CALICO Journal.* – 2006. – Vol. 23. – No 3. – P. 463–475.
9. *Kajee L., Balfour R.* Students' access to digital literacy at a South African university: Privilege and marginalization // *Southern African Linguistics and Applied Language Studies.* – 2011. – Vol. 29. – No 2. P. 187–196.
10. *Magalhães M. C. C.* Language in teacher education as reflective and critical professionals. Teacher education as a critical professional. – Campinas: Letters Market, 2004. – P. 59–85.
11. *Mcvee M. B., Bailey N. M., Shanahan L. E.* Teachers and teacher educators learning from new literacies and new technologies // *Teaching Education.* – 2008. – Vol. 19. – No. 3. – P. 197–210.
12. *Murphy E., Rodriguez-Manzanares M. A., Barbour M.* Asynchronous and synchronous online teaching: perspectives of canadian high school distance education teachers // *British Journal of Educational Technology.* – 2011. – Vol. 42. – No. 4. – P. 583–591.
13. *Negueruela-Azarola E.* Beliefs as conceptualizing activity: a dialectical approach for the second language classroom // *System.* – 2011. – Vol. 39. – P. 359–369.
14. *Rudmin F. W.* Constructs, measurements and models of acculturation and acculturative stress // *Int. J. Intercult. Relat.* – 2009. – No 33. – P. 106–123.
15. *Rudmin F. W.* Critical History of the Acculturation Psychology of Assimilation, Separation, Integration, and Marginalization // *Rev. Gen. Psychol.* – 2003. – No 7. – P. 3–37.
16. *Shelley M., Murphy L., White C. J.* Language teacher development in a narrative frame: the transition from classroom to distance and blended settings // *System.* – 2013. – Vol. 41. – P. 560–574.
17. *Siemens G.* Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age // *International Journal of Instructional Technology and Distance Learning.* – 2005. – No 2(1). – P. 3–10. Available at: <https://www.learningnetwork.ac.nz/shared/professionalReading/TRCONN2011.pdf> (Accessed: 15 August 2019).

18. Song Y., Andrews S. The L1 in L2 learning. Teachers' beliefs and practices. – Muenchen: Lincom Europe, 2009. – 227 p.
19. Soto U., Gregolin I. V., Rozenfeld C. The initial formation of language teachers: collaborative virtual actions for the articulation theory-practice-reflection. Silva, K. A., Daniel, F. G., Kaneko-Marques, S. M., Solomon, A. C. B. (Eds.). Language teacher training: New Looks - Volume II. – Campinas: Bridges Editors, 2012. – P. 261–282.
20. Spencer S. J., Logel C., Davies P. G. Stereotype Threat // Annu. Rev. Psychol. – 2016. – No 67. – P. 415–437.

References

1. Barcelos A. M. F., Kalaja P. *Beliefs in Second Language Acquisition: Teacher*. The Encyclopedia of Applied Linguistics, Ed. by C. A. Chapelle. Blackwell Publishing Ltd., 2013, p. 1–6.
2. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. *Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation*. Appl. Psychol. Int. Rev. 2006, no 55, p. 303–332.
3. Berry J. W. *Acculturation: Living successfully in two cultures*. Int. J. Intercult. Relat. 2005, no 29, p. 697–712.
4. Berry J. W. *Immigration, acculturation, and adaptation*. Appl. Psychol. 1997, no 46, p. 5–68.
5. Dooly M. *Technology integrated into language learning: Introduction*. Dooly, M., Eastment, D. (Eds.). How we're going about it. Teachers' voices on innovative approaches to teaching and learning languages. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. p. 159–164.
6. Farrell T. S. C. *Exploring the professional role identities of experienced ESL teachers through reflective practice*. System, 2011, v. 39, p. 54–62.
7. Fleming S., Hipple D. *Distance education to distributed learning: multiple formats and technologies in language instruction*. CALICO Journal, 2004, v. 22, no 1, p. 63–82.
8. Hauck M., Stickler U. *What does it take to teach online?*. CALICO Journal, 2006, v. 23, no 3, p. 463–475.
9. Kajee L., Balfour R. *Students' access to digital literacy at a South African university: Privilege and marginalization*. Southern African Linguistics and Applied Language Studies, 2011, v. 29, no. 2, p. 187–196.
10. Magalhães M. C. C. *Language in teacher education as reflective and critical professionals. Teacher education as a critical professional*. Campinas: Letters Market, 2004. p. 59–85.
11. Mcvee M. B., Bailey N. M., Shanahan L. E. *Teachers and teacher educators learning from new literacies and new technologies*. Teaching Education, 2008, v. 19, no. 3, p. 197–210.
12. Murphy E., Rodriguez-Manzanares M. A., Barbour M. *Asynchronous and synchronous online teaching: perspectives of canadian high school distance education teachers*. British Journal of Educational Technology, 2011, v. 42, no. 4, p. 583–591.
13. Negueruela-Azarola E. *Beliefs as conceptualizing activity: a dialectical approach for the second language classroom*. System, 2011, v. 39, p. 359–369.
14. Rudmin F. W. *Constructs, measurements and models of acculturation and acculturative stress*. Int. J. Intercult. Relat. 2009, no 33, p. 106–123.
15. Rudmin F. W. *Critical History of the Acculturation Psychology of Assimilation, Separation, Integration, and Marginalization*. Rev. Gen. Psychol, 2003, no 7, p. 3–37.
16. Shelley M., Murphy L., White C. J. *Language teacher development in a narrative frame: the transition from classroom to distance and blended settings*. System, 2013, v. 41, p. 560–574.
17. Siemens G. *Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age*. International Journal of Instructional Technology and Distance Learning, 2005, no 2(1), p. 3-10. Available at: <https://www.learningnetwork.ac.nz/shared/professionalReading/TRCONN2011.pdf> (Accessed: 15 August 2019).
18. Song Y., Andrews S. *The L1 in L2 learning. Teachers' beliefs and practices*. Muenchen: Lincom Europe, 2009, 227 p.
19. Soto U., Gregolin I. V., Rozenfeld C. *The initial formation of language teachers: collaborative virtual actions for the articulation theory-practice-reflection*. Silva, K. A., Daniel, F. G., Kaneko-Marques, S. M., Solomon, A. C. B. (Eds.). Language teacher training: New Looks - Volume II. Campinas: Bridges Editors, 2012. p. 261–282.
20. Spencer S. J., Logel C., Davies P. G. *Stereotype Threat*. Annu. Rev. Psychol. 2016, no 67, p. 415–437.

**THE TEACHER'S PROACTIVE STANCE IN THE INTERNET-ENHANCED
STUDENT'S ACCULTURATION¹**

Melezhik K. A., Hlyibova N. A.

The problem of discrepancy between the goals of traditional foreign languages teaching (the development of communicative skills of speaking, listening, reading and writing) and the goals of functioning in the reality of the modern world with its diversity, unpredictability, complexity and ambiguity is considered. It is proposed to stimulate and develop educational concepts of acculturation, which are based on the forms of preparing students for orientation toward intercultural and interethnic diversity. Acculturation is defined as the cultural modification of individuals by adaptation to another culture. A model of multidimensional intercultural education is introduced, which suggests that the two main problems for students are 1) an insufficient level of sociocultural adaptation and b) intellectual discomfort in a foreign environment as a result of deficient intercultural and socio-emotional competence. The use of the Internet promotes the effectiveness of acculturation, which is introduced with the help of the methodology of connectivity through thematic online forums, discussions and dialogues, which allows the formation of an interconnected learning community. Virtual verbalization of intercultural experience, beliefs and emotions in discussion groups creates opportunities for expanding and reformulating the ideas of acculturation. The proposed virtual acculturation model combines the elements of Berry's two-dimensional model and Rudmin's model of multidimensional individual differences of acculturation. The teacher's task is to employ the methodology of choosing individual acculturation strategy limited by integration (i. e. preserving a heritage culture and obtaining a new culture), separation (i. e. preserving the heritage culture, but not receiving a new one), assimilation (i. e. rejection of own cultural heritage and adoption of a new culture) and marginalization (i. e., rejection of the cultural heritage and inability to adapt to a new culture). Inconsistencies and conflicts between these acculturation strategies can lead to cultural stress and intercultural communication problems.

Key words: acculturation, intercultural communication, virtual acculturation model, intercultural competence, acculturation strategies.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

УДК 811.111'42

АВТОРСКОЕ «МЫ» И «Я» В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ НАУЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ И БИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Миколайчик М. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: m.marinet@list.ru*

В статье представлены результаты сравнительного корпусного исследования использования авторского «мы» и «я» в аннотациях британских и американских научных статей по экономике и биологии, написанных без соавторов. Исследование показало, что около половины авторов, пишущих единолично, воздерживаются от использования местоимений первого лица, предпочитая деперсонифицированную дискурсивную стратегию. Среди оставшихся предпочтение отдается авторскому «я»: его используют 44% экономистов и 45% биологов из США, 31% экономистов и 27% биологов из Великобритании. Авторское «мы» в эксклюзивных значениях (для обозначения себя лично) употребляют 20% британских и 8% американских экономистов, а также 5% британских и американских биологов. Инклюзивное авторское «мы», объединяющее автора с читателем, встречается в 11% британских и 8% американских аннотаций экономических статей, 22% британских и 18% американских аннотаций статей по биологии, нередко в сочетании с эксклюзивным авторским «мы» или «я». Статистический анализ, проведенный с использованием теста отношения правдоподобия, подтвердил, что в аннотациях по экономике «я» и эксклюзивное «мы» встречаются значительно чаще, а инклюзивное «мы» – реже, чем в аннотациях по биологии. При этом по употреблению «я» американские авторы достоверно превосходят своих британских коллег. По частотности эксклюзивного авторского «мы», наоборот, лидируют британцы. Значимых различий по использованию инклюзивного «мы» между британскими и американскими авторами не выявлено.

Ключевые слова: авторское *мы*, авторское *я*, академический дискурс, американский английский, британский английский, местоимения первого лица, частотность.

ВВЕДЕНИЕ

Использовать ли в англоязычных научных текстах авторское «мы», «я» или лучше совсем воздержаться от местоимений первого лица? Этим вопросом задаются многие молодые исследователи и даже опытные ученые, пишущие без соавторов.

Американские профессора Б. Гастел и Р. А. Дэй в своем не раз переиздававшемся в США и Великобритании практическом руководстве по написанию научных статей дают однозначный ответ: «Не бойтесь назвать в предложении агента действия, даже если это «я» или «мы» <...> Не используйте авторское «мы» вместо «я». Использование «мы» единоличным автором – вопиющий педантизм» [12, р. 211–212] (перевод наш. – М. М.). В другом американском руководстве, напротив, авторов предупреждают: «В традиционной формальной статье, в ее основной части, *я* и *мы* не используются. Эти представления меняются, но не всякая читательская аудитория готова такие изменения принять» [16, р. 26] (перевод наш. – М. М.).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

Кросс-дисциплинарные корпусные исследования показали, что существенное значение в данном вопросе имеет отнесенность работы к той или иной научной отрасли. Так, К. Хайланд по итогам количественного анализа статей по разным дисциплинам пришел к выводу, что в работах по гуманитарным и общественным наукам местоимения первого лица используются значительно чаще, чем в естественных и технических [13]. Результаты исследования Х. Суорд не столь однозначны и отчасти противоречат выводам К. Хайланда: в ее выборке местоимения *I* и *we* использовали в статьях 100% специалистов по эволюционной биологии, 96% литературоведов, 92% философов и медиков, 82% специалистов по компьютерным наукам, 54% исследователей в области высшего образования и только 40% историков [17, p. 17–18].

В литературе все чаще высказывается мысль, что определенную роль в степени персонализации дискурса, если речь идет о носителях английского языка, может играть и принадлежность автора той или иной региональной общности (в частности, британской или американской). Например, Л. Б. Кузнецова и С. А. Сучкова рекомендуют преподавателям академического английского обращать внимание обучающихся не только на общие тенденции персонализации изложения, но и на различия между британским и американским дискурсом [3, с. 146]. Отмечается, что в американском научном дискурсе отдается предпочтение «непосредственному указанию на агента действия с помощью личных местоимений» [3, с. 145], тогда как тексты, написанные британскими авторами, носят более деперсонализированный характер [3, с. 144–145]. Между тем, сведения о корпусных исследованиях, которые бы на статистически репрезентативном материале подтверждали или опровергали присутствие такого рода различий между британским и американским вариантами научного дискурса, крайне скудны [6, p. 52] и носят противоречивый характер. Так, Т. Сандерсон, проводивший изыскание на материале гуманитарных наук, статистически значимых различий между британскими и американскими текстами по частотности местоимений первого лица не обнаружил [15, p. 116]. А. Эдель в аналогичном исследовании на материале единолично написанных научных статей по истории, лингвистике и литературоведению выявила, что американские авторы используют местоимение *I* (включая словоформы *me* и *my*) чаще, а *we* (в т. ч. *us* и *our*) – реже, чем британцы, однако статистическая значимость различий в ее выборке подтвердилась только для авторского «мы» [6, p. 55].

Подобного рода сравнительные корпусные исследования британского и американского научного дискурса на материале различных наук имеют существенное значение, поскольку их результаты могут быть использованы в качестве основы для дальнейших, чрезвычайно востребованных в наши дни кросс-культурных изысканий, направленных на выявление различий между дискурсом носителей английского языка и представителей иных лингвокультурных общностей. На сегодняшний день из-за недостатка корпусных данных об однородности/неоднородности региональных вариантов отраслевого научного дискурса носителей английского языка такого рода кросс-культурные изыскания проводятся либо на материале только одного регионального варианта, чаще американского (см., например, [11]), либо на смешанном британско-американском материале (иногда с привлечением текстов, созданных канадскими и австралийскими исследователями), как, например, в работе М. Беляковой [7] и наших предшествующих исследованиях, где российские тексты сопоставлялись с общим британско-американским корпусом, без учета потенциальных региональных различий между британскими и американскими текстами [4; 5]. Первый подход не дает полной

картины, второй (в случае наличия неучтенных значимых региональных различий) может приводить к смещению акцентов в результатах. Все это обуславливает актуальность проведения сравнительных корпусных исследований региональных вариантов научного дискурса носителей английского языка на материале различных научных отраслей.

Цель данной работы заключалась в проведении сравнительного корпусного исследования использования авторского «мы» и «я» в аннотациях современных единолично написанных британских и американских научных статей по экономике и биологии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения исследования было создано четыре корпуса аннотаций научных статей, написанных без соавторов: 1) британский экономический (100 аннотаций общим объемом 12247 слов), 2) американский экономический (100 аннотаций объемом 12162 слова), 3) британский биологический (100 аннотаций объемом 17027 слов) и 4) американский биологический (100 аннотаций объемом 17009 слов). В каждый корпус отбирались аннотации научных статей, которые были написаны соответственно британскими либо американскими исследователями и опубликованы в период с 2017 г. по 2021 г. в ведущих научных журналах по экономике и биологии, индексируемых в Scopus. Чтобы нивелировать влияние на результаты сравнительного анализа таких факторов, как год публикации и специфика требований, предъявляемых редакцией каждого журнала к оформлению аннотаций, отбор текстов в британский и американский корпуса производился симметрично, т. е. таким образом, чтобы на каждую аннотацию британского автора приходилась одна американская аннотация, опубликованная в том же журнале за тот же год. В нашу выборку периодических изданий, из которых производился отбор аннотаций, вошло 23 экономических и 23 биологических журнала.

В каждом из корпусов производился подсчет числа употреблений (сырой частотности) всех возможных словоформ авторского «мы» и «я», включая личные, притяжательные и возвратные местоимения.

Поскольку под авторским «мы» в данной статье понимается употребление местоимения «мы» вместо «я» или «ты» для «объединения адресанта и адресата» либо «направления внимания адресата на предмет речи, тему исследования» [1, с. 22], при подсчете количества словоупотреблений проводилось разграничение между «мы» эксклюзивным (не включающим адресата) [8, р. 177] и «мы» инклюзивным (включающим и адресанта, и адресата) [8, р. 239]. По аналогии с авторским «мы», под авторским «я» (этот термин встречается, например, в работе Н. А. Кипиани [2]) здесь понимается употребление автором местоимения «я» в качестве средства самоупоминания, т. е. для обозначения себя лично.

На основе сырой частотности с учетом объема каждого корпуса определялась нормированная частотность каждой словоформы в пересчете на 1000 слов. Уровень статистической значимости выявленных различий между корпусами определялся с помощью теста отношения правдоподобия Т. Даннинга [9].

Полученные в ходе исследования данные по количеству аннотаций, в которых выявлены словоформы авторского «мы» и «я», отражены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение авторского «мы» и «я» в аннотациях британских и американских статей по экономике и биологии (в %)

Словоформы	экономика		биология	
	британские аннотации	американские аннотации	британские аннотации	американские аннотации
только «я»	30	41	19	35
«я» в сочетании с «мы» инклюзивным	1	3	8	9
«я» в сочетании с «мы» эксклюзивным	0	0	0	1
только «мы» эксклюзивное	16	8	4	3
«мы» эксклюзивное в сочетании с «мы» инклюзивным	4	0	1	1
только «мы» инклюзивное	6	5	13	8
нет ни «я», ни «мы»	43	43	55	43
Всего	100	100	100	100

Обобщая приведенные в таблице 1 данные, видим, что доля ученых, использующих в аннотациях «я», в американском дискурсе заметно выше, чем в британском. Словоформы авторского «я» встречаются в 44% американских аннотаций по экономике и 45% американских аннотаций по биологии и соответственно только в 31% и 27% британских работ. Эксклюзивное авторское «мы» употребляют 20% британских и только 8% американских экономистов. В области биологии таких авторов еще меньше – по 5% в обоих региональных корпусах. Инклюзивное «мы» используют в общей сложности 11% британских и 8% американских экономистов. В биологических корпусах оно встречается в большем количестве работ – 22% британских и 18% американских. Во всех корпусах нередки случаи сочетания в одной аннотации инклюзивного «мы» с «я» либо эксклюзивным «мы», как в следующем примере, где формы инклюзивного «мы» выделены курсивом, формы эксклюзивного «мы» – полужирным курсивом: «*We* develop a theoretical model which brings some of the rigour of lifetime economic decision-making models to bear on *our* understanding of the causes of financial strain. **Our** estimation results for this model highlight that shocks to how *we* view *our* financial situation are more important for subjective financial well-being...» [10, p. 163] (здесь и далее курсив наш. – М. М.).

Отметим, что во всех корпусах встречается значительное число аннотаций, где (как в приведенном выше отрывке) словоформы авторского «мы» и/или «я» употребляются неоднократно (до 8 раз).

Как показывает предпоследняя строка таблицы 1, около половины авторов (43% британских и американских экономистов, 43% американских и 55% британских биологов) воздерживаются в аннотациях от использования авторского «мы» и «я».

Сведения о сырой и нормированной частотности словоформ авторского «мы» и «я», а также результаты сравнительного статистического анализа британских и американских аннотаций приведены в таблице 2, где G^2 – коэффициент статистической значимости различий по результатам проверки с помощью теста отношения правдоподобия Т. Даннинга, p – уровень статистической значимости различий (различия считаются статистически достоверными при $p \leq 0,05$).

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа частотностей авторского «мы» и «я» в британских и американских аннотациях

Словоформы	экономика				биология			
	сырая / нормированная частотность		G ²	p	сырая / нормированная частотность		G ²	p
	брит.	амер.			брит.	амер.		
авторское «я»:	59/4,82	90/7,40	6,67	< 0,01	50/2,94	90/5,29	11,58	< 0,001
- I	55/4,491	86/7,071	7,05	< 0,01	48/2,819	86/5,056	10,92	< 0,001
- my	4/0,327	4/0,329	0,00	> 0,05	2/0,117	4/0,235	0,68	> 0,05
- me, mine, myself	0	0	—	—	0	0	—	—
авторское «мы», в т. ч.:	51/4,16	24/1,97	9,73	< 0,01	53/3,12	42/2,47	1,26	> 0,05
«мы» эксклюзивное:	38/3,10	15/1,23	10,14	< 0,01	10/0,59	8/0,47	0,22	> 0,05
- we	33/2,695	12/0,987	10,03	< 0,01	9/0,529	7/0,412	0,25	> 0,05
- our	5/0,408	3/0,247	0,49	> 0,05	1/0,059	1/0,059	0,00	> 0,05
- us, ours, ourselves	0	0	—	—	0	0	—	—
«мы» инклюзивное:	13/1,06	9/0,74	0,70	> 0,05	43/2,53	34/2,00	1,04	> 0,05
- we	9/0,735	5/0,411	1,13	> 0,05	20/1,175	10/0,588	3,38	> 0,05
- us	0	1/0,082	1,39	> 0,05	6/0,352	2/0,118	2,09	> 0,05
- our	4/0,327	3/0,247	0,14	> 0,05	17/0,998	22/1,293	0,65	> 0,05
- ours, ourselves	0	0	—	—	0	0	—	—
Всего	110/8,98	114/9,37	0,10	> 0,05	103/6,06	132/7,76	3,59	> 0,05

Из таблицы 2 видно, что наиболее представленными словоформами авторского «я» и «мы» являются личные местоимение первого лица в именительном падеже *I* и *we* (на них приходится от 75 до 90% всех словоупотреблений местоимений первого лица). За ними с большим отрывом следует притяжательное местоимение *our* (а также в небольшом количестве – *my*). Личное местоимение первого лица в объектном падеже *us* в рассмотренных аннотациях встретилось только в инклюзивных значениях, где его употребление обусловлено главным образом грамматически (необходимостью добавления к глаголу прямого дополнения), например, «Economics, however, can tell *us* little about whether such targets are socially optimal» [14, p. 345] или «Increasing our understanding of plant air spaces will not only allow *us* to understand a fundamental aspect of plant development...» [18].

Как показывают значения G^2 и p в таблице 2, статистически значимые различия между британскими и американскими аннотациями выявлены для авторского «я» как в экономике, так и в биологии. Сравнительный анализ соответствующих нормированных частотностей показывает, что по использованию авторского «я» американские экономисты и биологи существенно превосходят своих британских коллег. По частоте употребления авторского «мы» в обеих научных отраслях, наоборот, лидируют британские авторы, однако статистическая достоверность выявленных различий подтверждается только для экономики, где перевес имеет место главным образом за счет достоверно более частого использования британскими авторами авторского «мы» в

эксклюзивных значениях. Значимых различий между британским и американским дискурсом по частотности авторского «мы» в инклюзивных значениях не обнаружено.

Итоговая строка таблицы 2 показывает, что по суммарной частотности местоимений первого лица американские авторы в обеих научных отраслях превосходят своих британских коллег, однако эти различия не достигают уровня статистической достоверности, что не позволяет охарактеризовать американский научный дискурс как, в целом, более персонализированный, чем британский.

Результаты сравнительного статистического анализа аннотаций по экономике и биологии отражены в таблице 3 (G^2 – коэффициент статистической значимости различий по результатам проверки с помощью теста отношения правдоподобия Т. Даннинга, p – уровень статистической значимости различий).

Таблица 3
Результаты сравнительного анализа частотностей авторского «мы» и «я» в аннотациях по экономике и биологии

Словоформы	британские аннотации				американские аннотации			
	нормированная частотность		G^2	p	нормированная частотность		G^2	p
	экон.	биол.			экон.	биол.		
авторское «я»	4,82	2,94	6,63	< 0,05	7,40	5,29	5,01	< 0,05
авторское «мы»:	4,16	3,12	2,18	> 0,05	1,97	2,47	0,78	> 0,05
- «мы» эксклюзивное	3,10	0,59	27,89	< 0,0001	1,23	0,47	5,15	< 0,05
- «мы» инклюзивное	1,06	2,53	8,56	< 0,01	0,74	2,00	8,30	< 0,01
Всего	8,98	6,06	8,23	< 0,01	9,37	7,76	2,15	> 0,05

Из таблицы 3 видно, что как британские, так и американские экономисты статистически достоверно превосходят своих коллег-биологов по частоте использования авторского «я» и эксклюзивного авторского «мы». По частотности инклюзивного «мы» британские и американские биологи, наоборот, достоверно опережают экономистов. Как показывает сравнительный анализ нормированных частотностей в итоговой строке таблицы 3, местоимения первого лица чаще встречаются в аннотациях по экономике (что согласуется с данными К. Хайланда о более высокой частотности данного явления в общественных науках по сравнению с естественными [13]), однако уровня статистической достоверности это различие достигает только для британской части нашей выборки.

ВЫВОДЫ

Проведенное корпусное исследование показало, что в аннотациях единолично написанных научных статей как по экономике, так и по биологии (и в британских, и в американских) встречаются все три дискурсивные стратегии: употребление авторского «я» (местоимений *I* и *my* для обозначения автором себя лично), использование авторского «мы» (местоимений *we*, *us*, *our*) и отказ от использования местоимений первого лица в качестве средств самоупоминания.

Чуть менее половины британских экономистов, американских экономистов и американских биологов (43%) и чуть более половины британских биологов (55%) в аннотациях научных статей, написанных без соавторов, воздерживаются от использования авторского «мы» и «я», предпочитая деперсонифицированную дискурсивную стратегию.

Среди тех, кто использует местоимения первого лица, предпочтение, особенно в американском дискурсе, отдается авторскому «я»: местоимения *I* и *my* встречаются в 44% американских аннотаций по экономике и 45% американских аннотаций по биологии, а также в 31% и 27% британских работ соответственно. Эксклюзивное авторское «мы» (местоимения *we* и *our* для обозначения себя лично, без объединения с читателем) употребляют 20% британских и только 8% американских экономистов, 5% британских и 5% американских биологов. Как показал статистический анализ, по частотности авторского «я» и эксклюзивного авторского «мы» экономисты значительно опережают биологов. При этом по использованию «я» американские авторы в обеих научных отраслях статистически достоверно превосходят своих британских коллег. По частотности эксклюзивного авторского «мы», наоборот, лидируют британцы, хотя статистическая достоверность различий подтверждается только для экономики.

Инклюзивное «мы» (использование местоимений *we*, *us*, *our* для объединения себя с читателем) встречается в 11% британских и 8% американских аннотаций по экономике, 22% британских и 18% американских аннотаций по биологии, нередко в сочетании с эксклюзивным авторским «мы» или «я». По частотности инклюзивного «мы» биологи статистически достоверно превосходят экономистов. Между британскими и американскими авторами значимых различий по частоте использования инклюзивного «мы» не выявлено.

Результаты и выводы исследования могут быть использованы в качестве основы для дальнейших кросс-культурных научных изысканий, а также при обучении английскому языку для академических целей.

Список литературы

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
2. Кипиани Н. А. Об авторском «я» в академическом дискурсе // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. научных трудов. – М.: КДУ; Университетская книга, 2018. – Вып. 2. – С. 423–426.
3. Кузнецова Л. Б., Сучкова С. А. Актив или пассив? «Я» или «мы»? // Высшее образование в России. 2015. – № 8–9. – С. 143–148.
4. Миколайчик М. В. Авторское «мы» в аннотациях научных статей по экономике // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: мат-лы V Междунар. научного конгресса (Симферополь, 9–24 апреля 2020 г.). – Симферополь: Ариал, 2020. – С. 215–219.
5. Миколайчик М. В. Местоимения первого лица и другие средства самоупоминания в англоязычном научном экономическом дискурсе: корпусное исследование на материале англо-американских и российских аннотаций // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 5 (86). – С. 90–99.
6. Ädel A. Writer and Reader Visibility in Humanities Research Articles: Variation across Language, Regional Variety and Discipline // English for Specific Purposes. – 2022. – Vol. 65. – P. 49–62.
7. Belyakova M. English-Russian Cross-Linguistic Comparison of Research Article Abstracts in Geoscience // Estudios de Lingüística Universidad de Alicante. – 2017. – No. 31. – P. 27–45.
8. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Malden: Blackwell Publishing, 2008. – 529 p.
9. Dunning T. Accurate Methods for the Statistics of Surprise and Coincidence // Computational Linguistics. – 1993. – Vol. 19. – No. 1. – P. 61–74.
10. French D. Financial Strain in the United Kingdom // Oxford Economic Papers. – 2018. – Vol. 70. – Iss. 1. – P. 163–182.
11. Friginal E., Mustafa S. S. A Comparison of U.S.-Based and Iraqi English Research Article Abstracts Using Corpora // Journal of English for Academic Purposes. – 2017. – Vol. 25. – P. 45–57.
12. Gastel B., Day R. A. How to Write and Publish a Scientific Paper. – Santa Barbara – Denver: Greenwood, 2022. – 348 p.
13. Hyland K. Humble Servants of the Discipline? Self-Mention in Research Articles // English for Specific Purposes. – 2001. – Vol. 20. – Iss. 3. – P. 207–226.

14. Pindyck R. S. Coase Lecture – Taxes, Targets and the Social Cost of Carbon // *Economica*. – 2017. – Vol. 84. – Iss. 335. – P. 345–364.
15. Sanderson T. *Corpus. Culture. Discourse*. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008. – 351 p.
16. Spencer C. M., Arbon B. *Foundations of Writing: Developing Research and Academic Writing Skills*. – Lincolnwood: Traditional Textbook Company, 1996. – 247 p.
17. Sword H. *Stylish Academic Writing*. – Cambridge – London: Harvard University Press, 2012. – 220 p.
18. Whitewoods C. D. Riddled with Holes: Understanding Air Space Formation in Plant Leaves // *PLoS Biology*. – 2021. – Vol. 19 (12). – e3001475. – Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosbiology/article?id=10.1371/journal.pbio.3001475>. – (Дата обращения: 15.09.2022).

References

1. Zhrebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Nazran: Pilgrim Publ., 2010. 486 p.
2. Kipiani N. A. *Ob avtorskom «ya» v akademicheskoy diskurse* [About the author's "I" in academic discourse]. *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: KDU Publ.; Universitetskaya kniga Publ., 2018, iss. 2, pp. 423–426.
3. Kuznetsova L. B., Suchkova S. A. *Aktiv ili passiv? «Ya» ili «my»?* [Active or passive? "I" or "we"?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2015, no. 8–9, pp. 143–148.
4. Mikolaychik M. V. *Avtorskoye «my» v annotatsiyakh nauchnykh statei po ekonomike* [Authorial "we" in economics research article abstracts]. *Inostrannaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury: materialy V Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa (Simferopol, 9–24 aprelya 2020 goda)*. Simferopol: Arial Publ., 2020, pp. 215–219.
5. Mikolaychik M. V. *Mestoimeniya pervogo litsa i drugie sredstva samoupominaniya v angloyazychnom nauchnom ekonomicheskom diskurse: korpusnoye issledovanie na materiale anglo-amerikanskikh i rossiiskikh annotatsiy* [First person pronouns and other self-mention devices in English academic discourse: A corpus-based study of Anglo-American and Russian economics research article abstracts]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 5 (86), pp. 90–99.
6. Ädel A. *Writer and Reader Visibility in Humanities Research Articles: Variation across Language, Regional Variety and Discipline*. *English for Specific Purposes*, 2022, vol. 65, pp. 49–62.
7. Belyakova M. *English-Russian Cross-Linguistic Comparison of Research Article Abstracts in Geoscience*. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, 2017, no. 31, pp. 27–45.
8. Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Malden: Blackwell Publishing, 2008. 529 p.
9. Dunning T. *Accurate Methods for the Statistics of Surprise and Coincidence*. *Computational Linguistics*, 1993, vol. 19, no. 1, pp. 61–74.
10. French D. *Financial Strain in the United Kingdom*. *Oxford Economic Papers*, 2018, vol. 70, iss. 1, pp. 163–182.
11. Friginal E., Mustafa S. S. *A Comparison of U.S.-Based and Iraqi English Research Article Abstracts Using Corpora*. *Journal of English for Academic Purposes*, 2017, vol. 25, pp. 45–57.
12. Gastel B., Day R. A. *How to Write and Publish a Scientific Paper*. Santa Barbara, Denver: Greenwood, 2022. 348 p.
13. Hyland K. *Humble Servants of the Discipline? Self-Mention in Research Articles*. *English for Specific Purposes*, 2001, vol. 20, iss. 3, pp. 207–226.
14. Pindyck R. S. *Coase Lecture – Taxes, Targets and the Social Cost of Carbon*. *Economica*, 2017, vol. 84, iss. 335, pp. 345–364.
15. Sanderson T. *Corpus. Culture. Discourse*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008. 351 p.
16. Spencer C. M., Arbon B. *Foundations of Writing: Developing Research and Academic Writing Skills*. Lincolnwood: Traditional Textbook Company, 1996. 247 p.
17. Sword H. *Stylish Academic Writing*. Cambridge, London: Harvard University Press, 2012. 220 p.
18. Whitewoods C. D. *Riddled with Holes: Understanding Air Space Formation in Plant Leaves*. *PLoS Biology*, 2021, vol. 19 (12), e3001475. Available from: <https://journals.plos.org/plosbiology/article?id=10.1371/journal.pbio.3001475> (accessed 15 September 2022).

AUTHORIAL “WE” AND “I” IN BRITISH AND AMERICAN SCIENTIFIC DISCOURSE IN ECONOMICS AND BIOLOGY: A COMPARATIVE CORPUS-BASED STUDY¹

Mikolaychik M. V.

The paper presents the results of a comparative corpus-based study of authorial “we” and “I” in single-authored British and American economics and biology research article abstracts. The study shows that about half of UK- and US-based research writers in both disciplines refrain from using first-person pronouns in favour of a less personalised discursive strategy. In our corpora, 44% of the economists and 45% of the biologists based in the US as well as 31% and 27% of those from the UK used authorial “I”. Exclusive “we” was employed by 20% and 8% of the British and American economists, respectively, and as few as 5% of the biologists. Inclusive “we” has been found in 11% and 8% of the British and American economics abstracts as well as in 22% and 18% of the British and American abstracts in biology, respectively, quite often together with exclusive “we” or “I”. Dunning’s log-likelihood test confirms that economists use “I” and exclusive “we” significantly more frequently and employ inclusive “we” less often than biologists. US-based researchers use “I” significantly more profusely and employ exclusive “we” more sparingly than their British counterparts, with no statistically significant differences found between the two regional varieties of scientific discourse in the use of inclusive “we”.

Keywords: academic discourse, American English, authorial *I*, authorial *we*, British English, first-person pronouns, frequency.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

УДК 811.112.2:81'3

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ В УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА¹

Петренко Д. А., Чернышова М. В., Лихачёв Э. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: daniil.petrenko@list.ru; margomarina2003@mail.ru; eduard.evp@gmail.com*

Статья посвящена проблеме языковых изменений в аспекте стилистических вариантов произношения современного немецкого языка. После формирования немецкой произносительной нормы прошло более ста лет, тем не менее до сегодняшнего дня не прекращаются активные дискуссии лингвистов относительно статуса тех или иных вариантов реализаций, которые были кодифицированы за прошедшие годы и продолжают кодифицироваться в настоящий момент. Данные процессы распространяются на широкий круг языковых единиц фонетического уровня немецкого языка – гласные и согласные звуки. Во всех случаях вопрос допустимости и реальности тех или иных вариантов связан как с ситуативным компонентом, то есть выбором говорящими того или иного произносительного стиля, так и с позицией сегментов консонантного или вокалического уровня фонетики в слове и слоге. Одной из таких проблем традиционно является вопрос статуса безударного гласного – Mirmellaut. Особенности реализации данного редуцированного гласного изучались в целом ряде научных работ, начиная с 60-х годов, когда этой темой заинтересовались специалисты института фонетики г. Галле-Виттенберг во главе с профессором Г. Крехом. За прошедшее время возможные реализации безударного гласного в приставках, окончаниях и суффиксах нашли отражение в словарях современного немецкого произношения, приблизив произносительный стандарт реальному произношению носителей языка.

Ключевые слова: языковые изменения, консонантизм, вокализм, сонант, безударный гласный, стиль произношения.

ВВЕДЕНИЕ

Рассмотрение вариантов произношения на материале устойчивых словосочетаний и фразеологизмов подразумевает под собой изучение их основного значения, формы, акцентуации и основной функции. Как известно, фразеологизмы представляют собой устойчивые языковые единицы, которые состоят из нескольких элементов (слов), характеризуются определенным семантическим (идиоматическим) смыслом и относительной синтаксической стабильностью. В то время как у свободных словосочетаний общее значение формируется из совокупности отдельных слов, то у устойчивых словосочетаний значение не раскрывается (целиком идиоматическое) или раскрывается только частично (частично идиоматическое) из значения отдельных компонентов. У фразеологизмов синтаксическая структура и лексические составляющие являются потенциально преобразуемыми. У выражения *sich etwas hinter die Ohren schreiben* слова «*sich*», «*etwas*» равно как и лицо, временная форма и наклонение глагола являются переменными (непостоянными), – «*hinter die Ohren*», напротив, равно как и данная форма глагола «*schreiben*», остаются неизменными (относительная синтаксическая стабильность). Эти семантически и синтаксически стабильные словосочетания могут сохраняться в качестве лексических единиц (лексикализация – то

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

есть превращение отдельно сочетаемых слов в устойчивое фразеологическое единство), а при составлении текста быть воспроизведены в нем целиком. Так как фразеологизмы в синтаксической структуре могут занимать место какого-либо элемента, то их можно рассматривать в качестве слов, состоящих из нескольких лексем или слов-эквивалентов. Коннотативные компоненты возникают в результате семантической трансформации конкретных ситуаций в абстрактные значения. И. И. Чернышева указывает на излишнюю долю коннотативных фразеологизмов с негативным значением [1].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Акцентуация

В тех случаях, когда фразеологизмы выступают в качестве эквивалентов слов, то с точки зрения интонации их можно рассматривать в качестве акцентных групп. Во фразеологических акцентных группах безударные или слабуюдарные слова располагаются вокруг слов, на которые падает основное ударение. Слово, несущее основное ударение, может перенимать главный акцент в высказывании. Менее или слабоударные слова могут сохранять или утрачивать ударение (эмфазу). Для вариантов произношения достаточно отличать основное ударение (главный акцент со знаком «'») от остальных второстепенных типов ударения/акцентов со значком «'»). Например: «Die Kinder haben beim ersten Schrei sofort den 'Kopf verloren und das 'Hasenpanier ergriffen, statt die "Ohren steifzuhalten».

Синтаксически доминирующие базисные компоненты фразеологических словосочетаний В. Фляйшер называет термином «Kernwort» (основное слово) [Fleischer]. У вербальных фразеологизмов это глагол, например, frieren wie ein Schneider, jemanden aus den Augen verlieren; у субстантивированных фразеологизмов – существительное, значение которого уточняется при помощи определения, например, ein offenes Geheimnis, ein Tanz auf dem Vulkan, der Stein des Anstoßes. Основное слово (Kernwort) нужно четко отличать от интонационно выделенного элемента словосочетания (носителя акцента), например: frieren wie ein 'Schneider, jemanden aus den 'Augen verlieren, ein Tanz auf dem Vul'kan, der Stein des 'Anstoßes. В некоторых случаях они совпадают, например: ein offenes Ge'heimnis. Различают субстантивные и вербальные фразеологизмы.

Акцентуация субстантивных фразеологизмов

В теории интонации субстантивные фразеологизмы рассматривают в качестве группы дополнения (Beifügungsgruppe) или номинативной группы (Nominalphrase). Основное коммуникативное ударение/акцент располагается в основном на последнем слове. Это правило распространяется как на свободные, так и на устойчивые словосочетания, например:

Свободные словосочетания

die alte 'Dame
faule 'Kinder
die Nase des 'Hundes
das Loch im 'Boden
ein Stück 'Zucker
des Vaters 'Onkel

Устойчивые словосочетания

die alte 'Sage
üble 'Aussage
der Kern der 'Sache
ein Dach der 'Welt
die Stimme des 'Bluts
zum Wort 'Gottes

Акцентуация вербальных фразеологизмов

Вербальные фразеологизмы наиболее распространены и имеют самые разнообразные синтаксические структуры. В теории интонации они соответствуют группам вербальных дополнений (Verb-Ergänzungs-Gruppe) или вербальным группам (Nominalphrase). Их вербальная составляющая часть может по-разному комбинироваться с синтаксически структурированными группами существительных, прилагательных, наречий, а также с другими глаголами. Существуют различия в акцентуации свободных и устойчивых словосочетаний. В вербальных фразеологических группах основное ударение, как правило, несет дополнение, стоящее в конце. В случае если оно выступает в качестве ремы, то есть значение его известно, то ударение падает на глагол. Е. Шток и С. Цахариас обращают внимание на то, что существительные, которые образуют вместе с глаголами устойчивые словосочетания, воспринимаются в качестве составных частей глагола [6], например: 'Maßnahmen treffen. В таких случаях основное ударение несет существительное с определенным артиклем.

В вербальных фразеологизмах акцент ставится на единственное существительное в обороте или на существительное, занимающее последнее место, например: auf seine 'Kosten rechnen – an der 'Spitze stehen – jemandem einen 'Bären aufbinden – zum 'Ausdruck bringen – jemandem den 'Daumen drücken – zur 'Verfügung stehen – das 'Herz aufknöpfen – reinen 'Tisch machen – hartes 'Herz haben – Lügen haben kurze 'Beine – vom Regen in die 'Traufe kommen – die Zähne in die 'Wand hauen – aus allen 'Wolken fallen – die Hand ins 'Feuer legen – da liegt der Hund begraben.

Во фразеологических оборотах с двумя или более глаголами ударение падает в основном на первый глагол, например: wie von der Kopf ge'schlagen sein – seine Felle da'vonschwimmen sehen – die Engel 'singen hören – jemanden zu 'nehmen wissen – nichts zu be'stellen haben – mit sich 'reden lassen – jemandem etwas zu ver'stehen geben – etwas nicht 'wahrhaben wollen – 'ungeschoren bleiben – jemandem etwas 'glauben machen wollen – etwas da'hingestellt sein lassen – jemandem ge'stohlen bleiben können – sich keine grauen Haare 'wachsen lassen – in den sauren Apfel 'beißen lassen.

Произносительные варианты и их виды

Особый интерес вызывает стилистически обусловленная реализация суффикса -en как в свободных словосочетаниях, так и во фразеологизмах. В свободных словосочетаниях суффикс -en произносится, как правило после сонорных согласных (m, n, ng, l, r) и гласных). В позициях после фрикативных (f, v, s, sch, ch), а также после звонких и глухих смычно-взрывных согласных (b, p, d, t, g, k) гласный [e] (Murmellaut) в речи полностью редуцируется. Полная реализация гласного в суффиксе, и суффикса -en целиком, допускается и регистрируется после смычно-взрывных звуков в случае соответствующего сознательного акцентирования говорящим.

В устойчивых словосочетаниях редукция -en допускается как правило после фрикативных согласных, а также в позициях после взрывных звуков, например: der Stein der Weisen [vaezn], das Loch im Boden [bo:dn], mit sich reden lassen [re:dn lasn]. Редукция -en допускается и в позициях после гласных. После носовых согласных [m], [n], [ŋ] имеет место ассимиляция [n] в суффиксе -en, сопровождающаяся выпадением гласного [ə]. Слогообразующим становится сонант, что не противоречит фонетическим законам. При этом наблюдается удвоение сонантов m, n, ng (обозначение долготы, как и у гласных – дуеточие): [m:], [n:], [ŋ:].

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ...

<i>Полнореализуемая форма</i>	<i>Ассимилированная форма</i>
nehmen [nehmən]	[ne:m:]
kommen [kɔmən]	[kɔm:]
rennen [rɛnən]	[rɛn:]
klingen [kliŋən]	[kliŋ:]

В позициях после сонорных гласных – бокового l и вибранта r перед краткими гласными происходит полное выпадение Murmellaut в суффиксе, например:

Schneien [ʃnaeən]	[ʃnaen]
Wollen [vɔləən]	[vɔln]
Barren [barən]	[barn]

В позиции после долгого гласного r вокализуется с последующей ассимилированной редукцией: fahren – [fu:rən] – [fu:rn].

Редукция суффикса -en в позиции после сонантов

Что касается фразеологизмов, то в данном случае обращает на себя внимание то количество безударных слогов, которые располагаются в качестве проклитиков и энклитиков у логически ударного слога. Поскольку фразеологизмы являются лексическими и интонационными единствами, но при этом семантически не всегда явно выраженными, их произношение может меняться. Эти изменения нередко вызываются стилистическими (ситуативными) факторами, что особенно характерно для беглой речи. В таких случаях тенденция к редукции безударных слогов тем сильнее, чем больше слогов соединяются под одним основным акцентом в интонационную единицу. Помимо этого, фразеологизмы являются носителями коннотативного значения; разнообразная реакция говорящего, его эмоции, ощущения, волеизъявления находят реальное и непосредственное проявление в речи.

Рассматривая употребление фразеологизмов, можно сделать вывод о том, что они встречаются прежде всего в непринужденной, повседневной, неофициальной коммуникации. В этой связи обращает на себя использование термина «разговорный язык» с точки зрения его диахронической системности в качестве связующего звена между территориальными диалектами и литературным языком в качестве одной из форм существования современного немецкого языка, а также привязанности к повседневной жизни в качестве соответствующего функционального стиля [7].

Те свойства, которые позволяют различают между собой устойчивые и свободные словосочетания, являются обоснованием того, почему суффикс -en может быть редуцирован в основном в позиции после смычно-взрывных согласных. Такое проявление редукция суффикса -en в позиции после согласных можно отнести к фоностилистическим вариантам стандартного немецкого произношения. Данные фоностилистические варианты проявляются прежде всего в определенных коммуникативных ситуациях, не являясь характеристикой конкретного функционального стиля. Подобные фоностилистические варианты произношения могут присутствовать в любом функциональном стиле в зависимости от контекста и ситуации общения.

Редукция глагольных суффиксов во фразеологизмах

Для всех глаголов в устойчивых словосочетаниях и фразеологизмах характерна редукция безударного суффикса -en в позициях после фрикативных и смычно-взрывных согласных. Наблюдается также редукция суффикса в позиции после сонантов. Данные явления проявляются преимущественно в спонтанной речи. Например, «Bauklötze(r) staunen»; «jemanden auf die Folter spannen», «für jemanden die Kastanien aus dem Feuer holen». При этом в отдельных случаях допускается полно реализуемая форма в тех случаях, когда говорящий логически выделяет данное слово, например, «jemanden aus den Augen verlieren»; «den Mut verlieren»; «in dieser Situation fühlte er sich verloren»; «den Faden verlieren»; «den Kopf verlieren».

Для негативно окрашенных фразеологизмов типична редукция суффиксов в разговорных и так называемых фамильярно-разговорных выражениях, полные же формы встречаются реже, в основном в стилистически нейтральных высказываниях, например, «jemanden in Harnisch bringen»; «etwas an die große Glocke hängen»; «nicht über seinen eigenen Schatten springen können»; «jemanden über die Klinge springen lassen» и т. п. [3].

Сокращенный (редуцированный) вариант произношения часто наблюдается у так называемых поливалентных глаголов, обладающих большой смысловой нагрузкой в высказываниях. К таким глаголам можно отнести следующие: setzen, geben, ziehen, kommen, stehen, gehen, machen, nehmen, stellen, lassen, halten, sein, tun, haben, legen. Например: «in Fahrt kommen»; «etwas auf die leichte Schulter nehmen»; «an die falsche Adresse kommen»; «etwas für bare Münze nehmen», «ein Blatt vor den Mund nehmen»; «mit etwas (bei jemandem) keinen Blumentopf gewinnen können» [3].

Редуцированные варианты произношения у существительных

Сокращенные варианты произношения наблюдаются во фразеологизмах, содержащих существительные, которое обозначает человеческие части тела (Somatismen), например: Daumen, Ohren. Выражение «jemandem den Daumen drücken / halten» отражает положительное отношение говорящего, произношение слова [ˈdaʊmən] может усиливать эмоциональное воздействие. Негативную коннотацию разговорного выражения «etwas über den Daumen peilen» провоцирует редуцированное произношение [daʊm: paeln]. Также в сочетании «die Daumen drehen» происходит сокращение, независимо от того, в шуточной или серьезной форме выражение произносится – [di ˈdaʊm: dre: n]. В разговорном фразеологизме с шуточным оттенком «hinter schwedischen Gardinen sitzen» редукция [garˈdi: n] укрепляется перифразой «sitzen» (in Haft sein). Аналогично реализуется и выражение «Haare auf den Zähnen ([tse: n:] haben). Редукция характерна и для полностью негативно коннотированных идиоматических фразеологизмов «jemandem einen Bären aufbinden»; «sich in den Haaren liegen». Желанием дистанцироваться от собеседника, выразить иронию или порицание в его адрес продиктована полно артикулируемая форма произношения существительных. Эмоционально нейтральное выражение «Eulen nach Athen tragen» согласовывается в высоком (торжественном) контексте (стиле) с полностью реализованным суффиксом в позиции после сонантов [ɔʊln...tra: ɲ]. На выбор варианта произношения часто оказывают влияние слова, примыкающие (под влиянием контекста) к редуцированному, например, «sitzen vs predigen»; «Hörst du nicht? Du sitzt wohl auf den Ohren [o:ɲ]»; «Er hört nicht; bei ihm predigen Sie tauben Ohren» ([ˈtaʊbm ˈo: rən]); «Ohren – schlagen / steifhalten / hängenlassen»; «Fell – noch feucht / nicht trocken, faustdick. Например, «Sich die Nacht um

die Ohren schlagen» – ([ziç di 'naxt om di 'o:ən ʃla: gŋ]); «Die Ohren steifhalten / hängenlassen» – ([di 'o:ən ʃtaefhaltŋ / heŋ:lasŋ]); «Jemanden das Fell über die Ohren ziehen – ([... das 'fɛl y'be die 'o:ən tsi:n]); «Noch feucht / nicht trocken hinter den Ohren sein» – ([nɔx' fɔʊt / niç't t:rɔkŋ hintɛ den 'o:ən zaen]); «Es faustdick hinter den Ohren haben» – ([ɛs 'faost'dik hintɛ den 'o:ən ha:bm]).

В тех случаях, когда -en- располагается внутри сложных слов, то сокращенная форма регистрируется часто, особенно в стилистически нейтральных выражениях, например, «ein Kampf gegen Windmühlenflügel» – ([vɪntmy:lnfly:gl]); «auf der Bärenhaut liegen» – ([bɛr:ɛnhaot li:gŋ]). Последнее выражение коннотировано негативно, оно нередко употребляется при форме обращения на «ты». Глагол (сказуемое) «erweisen», стоящий рядом с существительным (ассоциируется с выражением „Ehre erweisen“) допускает полную реализацию в условиях менее эмоциональной ситуации или официальной ситуации общения (gehobene Ausdrucksweise) при низком темпе речи в следующем сочетании: «jemandem einen Bären dienst ([bɛ:rændi:nst]) erweisen ([ɛvaʊzn])».

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ и представленные примеры позволяют констатировать, что редукция суффикса -en наблюдается регулярно в позициях после фрикативных и смычно-взрывных звуков согласных, также она регистрируется в положении суффикса после сонорных и гласных. К факторам, обуславливающим степень редукции суффикса можно отнести повышение уровня идиоматичности (Idiomatisierung) высказывания, его сильной эмоциональной нагрузки, более фамильярные отношения между собеседниками, откровенность их общения.

Полную же реализацию суффикса в позиции после сонантов можно регистрировать в эмотивно нейтральных фразеологизмах. Сокращенное (редуцированное) произношение суффикса -en отмечается в высказываниях разговорного или фамильярно-разговорного стиля.

Насколько разнообразны виды реализации безударных суффиксов в структуре фразеологизмов, хорошо видно на примере редуцированных форм после сонантов. Многие говорящие избегают эмоциональных и разговорных выражений и используют эмотивно нейтральные фразеологизмы, соответствующие полному произносительному стилю. Другие, напротив, охотно реализуют в своей речи устойчивые словосочетания для того, чтобы описать что-либо в более грубой форме, выразить свои эмоции, свое состояние и предпочитают более сокращенные формы произношения. Конкретная коммуникативная ситуация и намерение говорящих оказывают всегда большое влияние на выбор и произношение фразеологизмов, нередко даже большее, чем при выборе свободных словосочетаний.

Список литературы

1. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 200 с.
2. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache: Studienbuch. – Tübingen.: Max Nimeyer Verlag, 1997. – 308 S.
3. Liste deutscher Redewendungen. – Режим доступа: https://de.wikipedia.org/wiki/Liste_deutscher_Redewendungen. – (Дата обращения: 24.09.2022).
4. Petrenko A. D. Stilistische Varianten der Aussprache im Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache. – Leipzig: De Gruyter, 1989. - № 5. – S. 120–125.
5. Spillner B. Stilistische Phänomene der Schreibung und Lautung // Halbband 2. Rhetorik und Stilistik. – Berlin: De Gruyter, 2009. – S. 1545–1562.

6. Stock E., Zacharias C. Deutsche Satzintonation. – Leipzig: Verl. Enzyklopädie, 1982. – 123 S.
7. Weisberger B. Mundart, Umgangssprache, Standard // Kontaktlinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. – Berlin: De Gruyter, 2008. – 408 S.

References

1. Chernysheva I. I. *Frazeologija sovremenogo nemeckogo jazyka* [The Phraseology of the Modern German language]. Moskva, Vysshaja shkola Publ., 1970. 200 p.
2. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache: Studienbuch. Tübingen, Max Nimeyer Verlag, 1997. 308 s.
3. Liste deutscher Redewendungen. Available from: https://de.wikipedia.org/wiki/Liste_deutscher_Redewendungen. (accessed: 24.09.2022).
4. Petrenko A. D. Stilistische Varianten der Aussprache im Fremdsprachenunterricht. Deutsch als Fremdsprache. Leipzig: De Gruyter, 1989, no 5, ss. 120–125.
5. Spillner B. Stilistische Phänomene der Schreibung und Lautung. Halbband 2. Rhetorik und Stilistik. Berlin: De Gruyter, 2009, ss. 1545–1562.
6. Stock E., Zacharias C. Deutsche Satzintonation. Leipzig: Verl. Enzyklopädie, 1982. 123 S.
7. Weisberger B. Mundart, Umgangssprache, Standard. Kontaktlinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin: De Gruyter, 2008. 408 S.

STYLISTIC VARIANTS OF PRONUNCIATION IN SET EXPRESSIONS OF GERMAN LANGUAGE¹

Petrenko D. A., Chernyshova M. V., Lihachjov E. V.

The article is dedicated to the problem of language changes in the aspect of stylistic variants of pronunciation of the modern German language. More than 100 years have passed after the forming of the phonetic law nevertheless active discussions of linguists according to the status of different variants of implementation that have been codified continue. Such processes cover very wide range of language units in phonetic level of German – vowels and consonants. In all the cases the question of acceptability and reality of these or those variants is connected to the situational component, that is meaning to the choice of speaker of this or that style of pronunciation and also to the position of segments in consonant and vocal level of phonetic in the word and syllable. The question of the status of unstressed vocal – Mürmellaut – has become one of such problems long ago. The features of realisation of this reduced vocal used to be studied in a whole number of scientific works beginning since 60-th, when specialists from the Institute of Phonetics in Halle-Wittenberg led by Professor G. Krekh got interested in this subject. Different realisations of unstressed vocal in prefixes, endings and suffixes found their reflection in dictionaries of the modern German pronunciation having brought closer the standard of pronunciation to the real pronunciation of native speakers.

Keywords: language changes, consonantism, vocalism, sonant, unstressed vocal, style of pronunciation.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 808:82-6

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА)

Литвякова Т. А.

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет
путей сообщения», Самара, Россия
E-mail: tati_lit@mail.ru*

Автором выдвигается гипотеза об оправданности использования в деловой письменной коммуникации элементов, выражающих эмоции, несмотря на предъявляемые к деловому письму как одному из жанров официально-делового стиля требования к сухости и отсутствию эмоциональной окрашенности. Рассматриваются понятия «эмоциональность» и «эмотивность». В качестве основных функций делового письма обозначаются передача информации и создание положительного впечатления от адресанта и представляемой им организации. На основе классификации, предложенной И. Н. Кузнецовым, анализируются тексты выбранных видов писем на предмет наличия в них элементов эмотивности. Отмечается, что одним из критериев разделения И. Н. Кузнецовым деловых писем на официальные деловые письма и частные деловые письма является наличие в них элементов эмотивности. В качестве средств реализации данной категории рассматриваются лексические средства и пунктуационные приемы. Делается вывод о неоднородности использования эмоциональных средств в разных видах делового письма. Подтверждается предположение о том, что степень интенсивности выражения категории эмотивности в деловом письме напрямую зависит от его вида и выполняемой функции.

Ключевые слова: деловое письмо, письменная деловая коммуникация, классификация деловых писем, эмоциональная окрашенность, эмотивность, функции делового письма.

ВВЕДЕНИЕ

Эмоции являются проявлением отношения человека к окружающей действительности, находят выражение в принятии решений, поступках, становятся неотъемлемой частью как устного, так и письменного общения. Но если письмо личного характера невозможно представить без описания чувств, переживаний, впечатлений, то деловое письмо в силу строгой регламентированности официально-делового языка ограничено в использовании элементов экспрессивности.

Целью данной статьи является анализ текстов некоторых видов делового письма на предмет наличия в них элементов эмотивности, оправданности использования выражающих их средств в зависимости от выполняемой письмом функции.

Для достижения поставленной цели необходимо:

- 1) дать характеристику официально-деловому стилю, понятию «деловое письмо», предъявляемым к нему требованиям, выполняемым им функциям;
- 2) рассмотреть понятия «эмоциональность» и «эмотивность»;
- 3) рассмотреть классификации деловых писем;

- 4) на основе классификации, предложенной И. Н. Кузнецовым, проанализировать тексты деловых писем на предмет наличия в них элементов эмотивности, доказать оправданность их использования с точки зрения выполняемой письмом функции;
- 5) сделать вывод об необходимости их применения в некоторых видах деловых писем.

Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточным вниманием современных исследователей к вопросу эмоциональной составляющей деловой письменной коммуникации.

Материалом для исследования послужили работы В. И. Шаховского, Е. М. Вольф, И. В. Арнольд, И. Е. Герасименко, Ю. Чжу, Г. В. Бойчиук, И. Н. Кузнецова и др., а также тексты входящих и исходящих деловых писем из трудовой практики автора.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Официально-деловой стиль – это совокупность языковых средств, функция которых – обслуживание сферы официально-деловых отношений, то есть отношений, возникающих между органами государства, между организациями или внутри них, между организациями и частными лицами в процессе их производственной, хозяйственной, юридической деятельности [9, с. 216].

Одним из документов, относящихся к официально-деловой сфере, является деловое письмо – краткий документ, касающийся одного или нескольких тесно взаимосвязанных между собой вопросов и предназначенный для осуществления оперативного информационного обмена между предприятиями (организациями, учреждениями), их структурными подразделениями (должностными лицами) [8, с. 187].

Как известно, к языку делового письма предъявляется ряд требований, среди которых: нейтральность и неличный характер изложения, унификация речевых средств и стандартизация терминов, сужение диапазона используемых речевых средств [10, с. 68], точность, не допускающая возможности интолкований, стереотипность, детальность изложения, отсутствие эмоционально окрашенных элементов, сухость. Таким образом, отсутствие экспрессивности является одной из ключевых черт официально-делового стиля вообще и делового письма в частности.

Однако проведенный анализ текстов деловых писем показал, что вышеуказанным требованиям соответствуют не все виды деловых писем. В некоторых из них присутствуют элементы эмоциональности, более того, при их отсутствии письмо не выполняло бы своей функции.

Функциями делового письма является не только передача информации, но и создание положительного впечатления об организации, расположение к себе адресата [3]. Для осуществления последней функции используются элементы эмотивности.

Исследователи категорий эмотивности, экспрессивности, эмоциональности определяют их следующим образом. В. И. Шаховский считает, что «эмотивность как лингвистическая категория является имманентным свойством языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы» [14, с. 5].

И. В. Арнольд отождествляет понятия «эмотивность» и «экспрессивность», понимая под экспрессивностью «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет

своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть образным» [1, с. 15]. Кроме того, по мнению И. В. Арнольд, эмотивной считается та лексика, которая «выражает чувства, настроения, отношение говорящего к высказыванию» [2, с.92]. Таким образом, эмоциональность оказывается тесно связана с оценкой.

Е. М. Вольф делает важное заключение, согласно которому эмотивность всегда выражает оценочность, т. е. средства актуализации категории эмотивности являются одновременно и способами выражения оценки, включающие эмоциональный и рациональный компоненты. В этом случае эмотивность может регулироваться при помощи аффективных слов или слов с эмотивным компонентом семантики [5, с. 16].

Ряд исследователей, среди которых В. И. Шаховский, И. Е. Герасименко, Ю. Чжу, считает необходимым разграничивать понятия «эмоциональность», связанное с психологической характеристикой субъекта, состоянием его эмоциональной сферы, и «эмотивность» – свойство языковых средств, употребляемых для выражения эмоций в речевом акте и способных произвести эмоциональный эффект на слушателя или читателя [6, с. 23], сознательная, запланированная в коммуникации демонстрация эмоций, направленная на адресата [13, с. 58]. Однако в статье понятия «элементы эмоциональности» и «эмотивность» будут использоваться в качестве синонимов.

Видовое разнообразие деловых писем довольно широко. Тем не менее в современной лингвистике не существует их четко определенной и общепризнанной классификации. Так, П. В. Веселов по тематическому признаку подразделяет деловую корреспонденцию на собственно деловую (письма, оформляющие финансовые, правовые, экономические и другие формы деятельности организации) и коммерческую (письма, решающие вопросы сбыта и материально-технического снабжения) [4, с. 18]. Е. А. Науменко, исходя из содержательной направленности, выделяет 30 видов деловых писем, среди которых письма с извинениями, благодарственные письма, поздравительные письма, письма, выражающие соболезнование, письма-заявления, письма негативного содержания и т.д. [11, с. 273].

И. Н. Кузнецов предлагает разделение деловых писем с учетом особенностей их функционального назначения на официальные деловые письма и частные деловые письма.

В официальных деловых письмах И. Н. Кузнецов выделяет 15 видов, среди которых:

- письма-подтверждения;
- письма-предложения (оферты);
- письма-рекламации (претензии);
- информационные письма;
- гарантийные письма;
- сопроводительные письма и др.

В группу частных деловых писем И. Н. Кузнецов включает:

- письма-поздравления;
- письма-приглашения;
- письма для выражения сожаления и соболезнования;
- благодарственные письма;
- рекомендательные письма;
- письма для выражения отказа от какого-либо предложения;
- письма для обращения в различные инстанции в частном порядке и др. [7, с. 7].

На наш взгляд, данная классификация является наиболее полной, поэтому именно она взята за основу при анализе текстов деловых писем.

Следует отметить, что деловое письмо, независимо от вида, имеет четкую структуру и включает в себя такие элементы, как обращение к адресату, вводную часть, основную часть текста, заключение, подпись.

Одним из обязательных элементов делового письма является этикетная рамка – начальные и заключительные фразы этикетного характера. Она обрамляет текст, устанавливая непосредственный контакт с адресатом и регулируя отношения корреспондентов [12, с. 77].

Эмотивность в этикетной рамке может выражаться при помощи лексических средств и пунктуационных приемов. Лексическими средствами выражения отношения к адресату в обращении служит вариативность прилагательного, расположенного перед существительным, обозначающим имя, отчество или должность адресата, например: «Уважаемый», «Многоуважаемый», «Дорогой». Как правило, обращение по должности и фамилии, например: «Уважаемый директор», «Уважаемый господин Петров!», уместно использовать в письмах негативного содержания, таких, как письма-рекламации. Определение «Дорогой» допускается в письмах-поздравлениях, направленных партнеру, с которым связывает длительное сотрудничество.

В качестве пунктуационного приема выражения эмотивности в обращении используется восклицательный знак, призванный привлечь внимание адресата и побудить его не только прочитать письмо, но выполнить содержащуюся в нем просьбу, например: «Уважаемый Иван Петрович!» Вместо восклицательного знака допускается постановка точки, однако в проанализированных нами письмах таких примеров обнаружено не было.

Реквизит «подпись» предваряет заключительная фраза вежливости, например: «с уважением», «с искренним уважением», «с наилучшими пожеланиями», «с надеждой на дальнейшее сотрудничество», после которой ставится запятая, обозначающая интонационную паузу, которая призвана подчеркнуть степень уважения к адресату. Кроме того, выражением высокой степени уважения служит заключительная фраза вежливости, написанная от руки.

Ниже представлен анализ основной части текстов нескольких видов деловых писем из двух групп, выделенных И. Н. Кузнецовым.

Официальные деловые письма

Сопроводительное письмо – деловое письмо, используемое для отправки документов, не имеющих адресной части – договоров, протоколов, актов и др. В нем, как правило, содержится ссылка на документ, в ответ на который оно направляется. Например:

«Во исполнение Вашего запроса направляем документы, подтверждающие трудовой стаж Иванова С. С.»;

«В соответствии с предварительной договоренностью направляем Вам оригинал акта об оказании услуг, подписанный исполнителем.»

В тексте сопроводительного письма элементы эмотивности отсутствуют, но в содержащихся в нем просьбах и пояснениях, связанных с теми материалами, которые составляют приложение к нему, могут присутствовать формулы вежливости, указывающие на испытываемые адресантом эмоциями. Однако отсутствие элементов

эмотивности не искажает смысл письма и не влияет на исполняемую им функцию. Например:

«Будем глубоко признательны за направление подписанного Вами экземпляра заказчика по адресу:...»;

«Просим Вас направить подписанный экземпляр университета по адресу:...».

Письмо-запрос предназначено для получения информации и документации, необходимых в деловых ситуациях и адресуется деловым партнерам, контрагентам, дочерним и подведомственным организациям. Например:

«В целях подготовки к заседанию совместной Коллегии Министерства транспорта Российской Федерации и Министерства образования Российской Федерации просим до 01.02.2022 г. представить информацию согласно приложению»;

«Во исполнение поручения Министерства транспорта Российской Федерации от 18.02.2022 г. № Д10/36 прошу в срок до 24.02.2022 г. направить информацию о численности женщин, занятых в Вашей структуре, с указанием профессиональной принадлежности, на адрес электронной почты:...».

Текст данного вида письма лаконичен, содержит четкую инструкцию, элементы эмотивности в нем не предусмотрены.

Письмо-подтверждение служит для подтверждения какого-либо факта: получения письма, документов, участия в мероприятии (в ответ на приглашение). Например:

«Во исполнение Вашего письма от 18.02.2022г. № АИ-32/1466-ис сообщая, что приму личное участие в итоговом заседании коллегии Министерства транспорта Российской Федерации, которое состоится...».

В ряде случаев подтверждение сопровождается словами благодарности за приглашение, например:

«Благодарю Вас за приглашение и подтверждаю свое участие в мероприятиях, посвященных празднованию 100-летнего юбилея Вашего университета».

Таким образом, указание на эмоции, в данном примере – благодарность – в письме-подтверждении является факультативным и не влияет на информативную функцию письма.

Информационное письмо – это вид делового письма, в котором адресату сообщаются сведения официального характера. Примерами информационного письма могут служить письма о смене реквизитов организации:

«Настоящим уведомляем Вас о том, что с 01.12.2021 г. изменились банковские реквизиты ФГБОУ ВО «СамГУПС»...»;

письма о вступлении в должность:

«В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.01.2022 г. № 105-р приступил к исполнению обязанностей руководителя Федерального агентства железнодорожного транспорта»;

ответ на запрос:

«Во исполнение поручения, данного Вами в письме от 16.03.2022г. № АБ-32/2501-ис, сообщаем, что университет рассмотрел проект методических рекомендаций по разработке программ развития образовательных организаций высшего образования РФ и не имеет к нему предложений и замечаний».

К информационным письмам, на наш взгляд, можно отнести не выделенные в классификации И. Н. Кузнецова в отдельный вид ответ на обращение граждан, так как он содержит официальные сведения, касающиеся затронутой в обращении проблемы.

В обращениях, как правило, поднимаются глубоко волнующие заявителя вопросы, поэтому письма написаны в высшей степени эмоционально, без соблюдения требований к деловому стилю. Кроме того, автор обращения не всегда владеет полным объемом информации о поднимаемой проблеме, субъективен в своих суждениях, зачастую приведенные им доводы не соответствуют действительности и могут вызвать у должностного лица, готовящего ответ, негативные эмоции. Несмотря на это, ответ на обращение должен соответствовать требованиям официально-делового стиля, быть максимально информативным эмоционально нейтральным. Например:

«В ответ на Ваше обращение от 28.02.2022г. сообщаем следующее.

В соответствии с Вашим личным заявлением о предоставлении справки о периоде обучения в связи с переводом в другой вуз от 09.03.2022, поданным в Институт заочного и электронного обучения (копия прилагается), Вам была оформлена справка о периоде обучения от 09.03.2022 № 23/04-50/з.

В своем заявлении Вы выразили желание получить указанную справку лично, однако до настоящего времени не явились для получения документа.

Получить справку о периоде обучения Вы можете в Институте заочного и электронного обучения по адресу: ...»

Как видно из примеров, информационные письма также не содержат в себе упоминаний и указаний на эмоции.

Таким образом, проанализировав деловые письма, объединенные И. Н. Кузнецовым в группу «официальные деловые письма», можно сделать вывод о том, что отсутствие в них элементов эмотивности не влияет на функции рассмотренных писем.

Частные деловые письма

Функцией письма-поздравления является поздравление адресата со знаменательным событием: днем рождения, юбилеем, государственными и профессиональными праздниками, назначением на должность, получением награды, присвоением звания и др., и пожелание различных благ, что подразумевает выражение эмоций, описание душевного состояния адресанта. Например:

«Коллектив университета искренне поздравляет Вас днем рождения и желает Вам крепкого здоровья, высоких результатов в профессиональной деятельности, успешной реализации всего задуманного, новых побед и возможностей!»;

«От имени профессорско-преподавательского состава и от себя лично поздравляю Вас и возглавляемый Вами коллектив Российского университета транспорта со 120-летием со дня образования!.. Желаю каждому из вас новых профессиональных успехов, а университету – дальнейшего развития и процветания на благо транспортной отрасли нашей страны!»

В письмах-поздравлениях преобладает такой знак препинания, как восклицательный знак, выполняющий интонационно-экспрессивную функцию.

Следует отметить, что поздравительные письма могут направляться адресату не только на официальном бланке организации, но и на поздравительных открытках, на бланке телеграммы, а также вручаться лично представителем организации в виде поздравительного адреса.

Очевидно, что письмо-поздравление без наличия в нем элементов эмотивности не выполнит своей функции.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ...

Письмо-соболезнование направляется с целью проявления автором сочувствия в связи с печальными событиями, произошедшими у получателя. Для этого используются такие выражения, как: «с прискорбием восприняли весть о кончине», «выражаем глубокие соболезнования», «выражаем искренние соболезнования», «глубоко скорбим». Крайне важно, чтобы общий тон такого письма был подчеркнута теплым, искренним. Например:

«От имени профессорско-преподавательского состава, работников, администрации университета и от себя лично выражаю Вам, вашим родным и близким глубокие соболезнования в связи с кончиной Анатолия Степановича... В сердцах всех, кто имел честь знать, работать, учиться у Анатолия Степановича, он останется удивительным, глубоким, многогранным, чутким человеком, примером отношения к выбранному трудовому пути, семье, людям. Вечная память!»

В данном виде письма информационная функция не осуществляется, ключевой является именно эмотивная составляющая.

Письма-приглашения имеют целью привлечь адресата к участию в том или ином деловом (служебном) или торжественном (памятном) мероприятии. Автором были рассмотрены приглашения на конференцию, торжественные мероприятия по случаю празднования дня образования университета и приглашение на заседание попечительского совета университета. Предполагалось, что приглашение на юбилей вуза будет содержать элементы экспрессивности, а приглашение на конференцию и заседание попечительского совета – нет.

Одно из рассматриваемых писем-приглашений на празднование юбилейной даты написано в форме информационного письма и не имеет эмотивных составляющих:

«Академическое руководство Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра приглашает Вас принять участие в праздновании 30-летия университета, которое состоится 3 и 4 октября 2021 года в Варне. ... Просим Вас подтвердить Ваше присутствие на мероприятии по адресу электронной почты...».

Как правило, приглашения такого рода имеют элементы эмотивности, они добавляют письму душевности, например:

«20 декабря 2019 г. в 16.00 состоится торжественное мероприятие, посвященное 100-летию юбилею Самарского государственного аграрного университета. Будем рады видеть Вас в числе почетных гостей!»

Нехарактерным для рассматриваемого вида письма является следующий текст приглашения на научную конференцию. После информации о тематике, дате и времени начала мероприятия адресант пишет:

«...буду очень рад и признателен, если Вы сочтете уместным и полезным выступить на конференции...».

Присутствие в данном примере указания на эмоции является исключением из правил, проявлением индивидуальности автора письма.

Текст письма-приглашения на заседание попечительского совета в полной мере соответствует требованиям официально-делового стиля и осуществляет исключительно информативную функцию, однако и в нем могут содержаться элементы эмотивности, выражающие уважение к приглашаемому через предоставление выбора. Например:

«Приглашаем Вас принять участие в заседании Попечительского совета университета, которое состоится 09.11.2021 г. в 12:00 (мск).»

Учитывая Вашу занятость и сложную эпидемиологическую обстановку, предлагаем Вам рассмотреть возможность участия в заседании в одном из удобных для Вас форматов: очном (по адресу...) или в режиме ВКС.

Ваше участие окажет честь университету и поможет в принятии стратегически важных для него и транспортной отрасли в целом решений.»

Таким образом, в письмах-приглашениях могут присутствовать указания на эмоции, служащие для выражения душевности, оказания знака внимания, однако их отсутствие не влияет на выполняемую функцию.

Целью благодарственного письма является выражение адресату признательности за успешно завершённый совместный проект, оказанную помощь, участие в мероприятии, за поступившее ранее в адрес автора поздравление, приглашение и др.

Такие письма начинаются именно с выражения благодарности адресату, например:

«Выражаю свою искреннюю благодарность...»;

«Сердечно благодарю за...».

Например:

«Благодарю Вас за то, что, несмотря на плотный рабочий график, Вы нашли время принять участие в заседании Попечительского совета. Благодаря Вашей активной позиции открываются новые возможности в определении стратегических целей развития университета и ресурсов для их достижения.»

Элементы благодарственного письма могут присутствовать и в других видах деловых писем, например, в письмах-подтверждениях перед согласием или отказом: *«Благодарю Вас за приглашение и сообщаю...»*, выполняя в этом случае функцию этикетной формулы.

ВЫВОДЫ

Таким образом, рассмотрев тексты деловой корреспонденции, можем констатировать, что одним из критериев отнесения И. Н. Кузнецовым деловых писем к официальной деловой или частной деловой группе является наличие в них элементов эмотивности.

В рассмотренных примерах деловых писем эмотивность выражается лексически посредством эмотивов-номинативов, непосредственно называющих эмоции, которые представлены именем существительным (*прискорбие, соболевание, благодарность, признательность, честь* и др.), именем прилагательным (*уважаемый, многоуважаемый, дорогой, рад, признателен* и др.), глаголом (*поздравлять, скорбеть, выразить (надежду), благодарить, просить* и др.), наречием (*искренне, сердечно* и др.), а также знаками препинания – восклицательным знаком в обращении и основной части текста и запятой в заключительной этикетной формуле.

Ключевую роль с точки зрения выполняемой функции элементы эмотивности играют в письмах группы «частное деловое письмо», исключение составляют письма-приглашения, основная цель которых – информирование о предстоящем событии. В группе «официальные деловые письма» элементы эмотивности могут использоваться либо факультативно, как в сопровождающем письме, либо их использование не предусмотрено, так как не соответствует выполняемой письмом функции.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. – Л., 1975. – С. 11–20.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1959. – 351 с.
3. Бойчиук Г. В. К проблеме классификации жанров деловых писем в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4–2 (82). – С. 309–314. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-klassifikatsii-zhanrov-delovyh-pisem-v-russkom-yazyke>. – (Дата обращения: 13.02.2022).
4. Веселов П. В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 1993. – 74 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – Москва: «Комкнига», 2006. – 280 с.
6. Герасименко И. Е. Эмотивность как лингвистическая категория // Молодой ученый. – 2016. – № 13.2 (117.2). – С. 23–25. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/117/32368/>. – (Дата обращения: 23.02.2022).
7. Деловое письмо: учебно-справочное пособие для бакалавров / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. – Москва: Дашков и К, 2020. – 161 с.
8. Кузнецов И. Н. Делопроизводство: Учебно-справочное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. – 520 с.
9. Культура русской речи: учебник для вузов / отв. ред. Л. К Граудина, Е. Н. Ширяева. – М: Норма, 2005. – 560 с.
10. Литвякова Т. А. Деловое письмо: назначение, особенности, типичные ошибки // Модернизация образования: проблемы общего, среднего профессионального и высшего образования: Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием XXVIII Рязанские педагогические чтения (Рязань, 25–26 марта 2021 г.). – Рязань: ИП Коняхин Александр Викторович, 2021. – С. 67–70.
11. Науменко Е. А. Деловые коммуникации. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2013. – 352 с.
12. Романова Н. Н. Русский язык делового общения: учебное пособие. – Москва: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2015. – 146 с.
13. Чжу Ю. Эмотивность в современной письменной официально-деловой коммуникации на русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – № 12. – С. 57–60. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-v-sovremennoy-pismennoy-ofitsialno-delovoy-kommunikatsii-na-russkom-yazyke>. – (Дата обращения: 01.02.2022).
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М: Гнозис, 2008. – 416 с.

References

1. Arnol'd I. V. *Interpretacija hudozhestvennogo teksta: tipy vydvizhenija i problemy jekspressivnosti* [Interpretation of a literary text: types of nomination and problems of expressiveness]. *Jekspressivnye sredstva anglijskogo jazyka*. Leningrad, 1975, pp. 11–20.
2. Arnol'd I. V. *Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka* [Lexicology of modern English]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1959. 351 p.
3. Bojchiuk G. V. *K probleme klassifikacii zhanrov delovyh pisem v russkom yazyke* [On the problem of classification of genres of business letters in the Russian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018. no. 4–2 (82), pp. 309–314. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-klassifikatsii-zhanrov-delovyh-pisem-v-russkom-yazyke> (accessed: 13 February 2022).
4. Veselov P. V. *Aksiomy delovogo pisma: kul'tura delovogo obshcheniya i ofitsialnoj perepiski* [Axioms of business writing: culture of business communication and official correspondence]. Moscow, IVC Marketing Publ., 1993. 74 p.
5. Vol'f E. M. *Funktional'naja semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Komkniga Publ., 2006. 280 p.
6. Gerasimenko I. E. *Jemotivnost kak lingvisticheskaya kategoriya* [Emotivity as a linguistic category]. *Molodoj uchenyj*, 2016. no 13.2 (117.2), pp. 23–25. Available from: <https://moluch.ru/archive/117/32368/> (accessed: 23 February 2022).

7. *Delovoe pismo: uchebno-spravochnoe posobie dlya bakalavrov* [Business letter: educational reference manual for bachelors]. Ed. by I. N. Kuznecov. Moscow, Dashkov i K Publ., 2020. 161 p.
8. Kuznecov I. N. *Deloproizvodstvo: uchebno-spravochnoe posobie*. [Office work: Educational and reference manual]. M.: Dashkov i K Publ., 2006. 520 p.
9. *Kul'tura russkoi rechi: uchebnik dlya vuzov* [Culture of Russian speech: textbook for universities]. Ed. by L. K. Graudina, E. N. Shirjaeva. Moscow: Norma Publ., 2005. 560 p.
10. Litvjakova T. A. *Delovoe pismo: naznachenie, osobennosti, tipichnye oshibki* [Business letter: purpose, features, typical mistakes]. *Modernizaciya obrazovaniya: problemy obshchego, srednego professional'nogo i vysshego obrazovaniya: materialy vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem XXVIII Ryazanskie pedagogicheskie chteniya (Ryazan, 25–26 marta 2021 goda)*. Ryazan: IP Konyahin Aleksandr Viktorovich Publ., 2021, pp. 67–70.
11. Naumenko E. A. *Delovye kommunikatsii* [Business communications]. Tyumen: Tyumenskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2013. 352 p.
12. Romanova N. N. *Russkii yazyk delovogo obshcheniya: uchebnoe posobie* [Russian language of business communication: a textbook]. Moscow: MGTU im. N. E. Baumana Publ., 2015. 146 p.
13. Chzhu Ju. *Jemotivnost' v sovremennoi pis'mennoi ofitsial'no-delovoi kommunikatsii na russkom yazyke* [Emotivity in modern written official business communication in Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, no. 12, pp. 57–60. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-v-sovremennoy-pismennoy-ofitsialno-delovoy-kommunikatsii-na-russkom-yazyke> (accessed: 01 February 2022).
14. Shahovskij V. I. *Lingvisticheskaja teorija jemocij* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p.

EMOTIONAL SATURATION AS AN IMPORTANT ELEMENT OF WRITTEN COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF A BUSINESS WRITING)

Litvyakova T. A.

The author proposes to consider a hypothesis about the justification of using elements expressing emotions in business written communication, despite the requirements for emotional dryness and lack of emotional coloring imposed on business writing as one of the genres of the official business style. The concepts of "emotionality" and "emotivity" are considered. The main functions of a business letter are the transfer of information and the creation of a positive impression of the addressee and the organization represented by him. Based on the classification proposed by Kuznetsov I. N. the texts of the selected types of letters are analyzed for the presence of elements of emotivity in them. It is noted that according to I. N. Kuznetsov one of the criteria for dividing business letters into official business letters and private business letters is the presence of emotive elements in them. Lexical means and punctuation techniques are considered as means of implementing this category. The conclusion is made about the heterogeneity of the use of emotional means in different types of business writing. The assumption is confirmed that the degree of intensity of expression of the emotivity category in a business letter directly depends on its type and function.

Keywords. Business writing, written business communication, classification of business letters, emotional coloring, emotivity, functions of business writing.

УДК: 81.37:32

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чепурина И. В., Адылова Л. Э.

ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»;
Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: simgt@inbox.ru; lenara.adylova@inbox.ru

Статья посвящена относительно новому семантическому классу адвербиальной системы русского языка – наречиям с ограничительным значением, сохраняющим первичные предметные семы мотивирующих прилагательных. Рассмотрены два высокопродуктивных словообразовательных типа, относящихся к области синтаксической деривации, в рамках которых образуются ограничительные адвербативы. Установлено, что создание данных лексем может сопровождаться такими деривационными явлениями, как множественность словообразовательной структуры, расхождение формальной и смысловой производности, метафорическая мотивация. Выявлено существенное расширение мотивационной базы исследуемых наречных лексем в современном медиапространстве за счет относительных прилагательных, которые, в свою очередь, мотивируются различными классами имен существительных. Это позволяет субъекту речи значительно расширить круг выражаемых наречиями значений. Установлены две полярные тенденции в области свободных словосочетаний с ограничительными наречиями: стремление к фразеологизации – как следствие адаптации языкового сознания к социокультурной динамике общества – иokkaзиональности, обусловленной способностью дериватов конденсированно выражать смыслы, актуализировать и фокусировать коммуникативно значимую информацию на фоне общих тенденций к лингвистическим инновациям, интеллектуализации языка и лаконизму речи.

Ключевые слова: ограничительные наречия, адвербатив, относительное прилагательное, ограничительная семантика, словообразовательная структура, мотивация, расхождение формальной и смысловой производности, компрессия, коммуникация, медиатекст.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальной тенденцией в развитии адвербиальной системы русского языка является образование наречий – синтаксических дериватов отсубстантивных прилагательных в их первичном значении. Такие адвербативы сохраняют первичные предметные семы относительных прилагательных и «называют исходную позицию восприятия, суждения, оценки» [5, с. 314–315]. Для их семантизации в лингвистической литературе приняты следующие обобщенные формулировки: ‘с позиции кого-то или чего-то’, ‘с точки зрения кого-либо / чего-либо’, ‘в соответствии с чем-то’, ‘в отношении чего-либо’, ‘в сфере чего-либо’ и др. [5, с. 315; 12, с. 150; 3, с. 55]. Например: *философски осмысленный* (‘осмысленный с позиции философской теории’), *антропологически отличаться* (‘отличаться с точки зрения физического строения’), *законодательно внедрять* (‘внедрять в соответствии с законодательством’), *технологически готов* (‘готов в технологическом отношении’), *грамматически значимые* (‘грамотный в сфере грамматики’) и т. д.

Выбор темы исследования объясняется возрастающей употребительностью изучаемых дериватов в книжной литературной речи, в частности в современных медиатекстах. Это обусловлено активной тенденцией к конденсации средств выражения

информации, установкой на лингвистическую компрессию в современной коммуникации.

Относительно недавно выделенные в самостоятельный семантический разряд данные лексические единицы получили несколько синонимичных терминов для обозначения: аспектные наречия (Л. А. Савёлова), относительные (Г. И. Кустова), ограничительные (О. П. Ермакова, Г. И. Панова, М. В. Сандакова). А. В. Дегальцева квалифицирует их как наречия образа действия с реляционно-аспектным значением [5, с. 311]. В качестве рабочего мы используем термин ограничительные наречия – наиболее устоявшийся в грамматической литературе. Г. А. Битехтина [2], а позднее О. П. Ермакова [7] и М. В. Сандакова [12] определяют их значение как ограничительное, исходя из того, что данные адвербиальные единицы называют «сферу проявления признака, за пределами которой признак не обнаруживается» [7, с. 71]. Г. И. Панова делает вывод о том, что в современном русском языке развивается класс ограничительных наречий для выполнения вторичной функции наречия [10, с. 178].

Несмотря на то что анализируемые лексемы попали в фокус внимания лингвистов еще в середине прошлого века, на сегодняшний день наречия с ограничительной семантикой не имеют четкого самостоятельного представления в грамматической типологии адвербиальной лексики. Г. И. Кустова (лингвист использует термин ‘относительные наречия’) констатирует: «Относительные наречия являются гибридной группой слов и включают в себе некоторое противоречие – в них соединяются субстантивная семантика и адвербиальные синтаксические свойства. В силу своей гибридной природы они остаются за пределами классификаций» [8, с. 127].

В современной языковедческой литературе представление данного класса слов ограничивается отдельными статьями таких лингвистов, как М. В. Сандакова, Г. И. Кустова, В. К. Голубева, С. А. Алексанова, О. А. Глущенко, Т. Н. Голицына, Г. И. Панова, а также упоминаниями в некоторых диссертационных изысканиях, в частности А. В. Дегальцевой, Л. А. Савёловой, Е. Н. Гулидовой. Тем не менее содержание и результаты этих трудов свидетельствуют об актуальности в современной коммуникации адвербативов, указывающих на ограниченность проявления признака в определённом аспекте. Возрастающая распространенность и активность употребления данных лексических единиц в коммуникативном пространстве вызывает закономерный интерес к их многостороннему изучению и описанию.

Цель исследования – выявить особенности структурно-семантического устройства наречной лексики с ограничительным значением на материале медиатекстов публицистической направленности.

Материалом исследования послужили адвербиальные лексемы (500 единиц), выделенные из газет («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Известия», «РБК daily», «Труд–7», «Советский спорт», «Парламентская газета», «Коммерсант», «Новая газета», «Новый регион 2») и новостных интернет-изданий (<https://ria.ru/>; <https://lenta.ru/>; <https://gazeta.ru/>, <https://rusargument.ru/>, <https://vesti.ru/>, <https://www.NEWSru.com>, <https://primeru.net/> и др.). Общее количество контекстов с ограничительными наречиями – 1500.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ источников за последние два десятилетия показал, что количество ограничительных наречий, позволяющих кратко, с помощью одного слова назвать область ограничения, продолжает увеличиваться. Это происходит на фоне стремления

языка к максимальной ёмкости и краткости высказывания. Исследуемые адвербативы, по наблюдениям А. В. Дегальцевой, «обладают высокой коммуникативной значимостью и приспособлены для лексически компактного выражения непредметного содержания в составе высказывания в разных сферах функционирования языка» [6, с. 28]. Л. А. Савёлова отмечает, что такие наречия «изофункциональны предложно-именным группам и служат средством свёртывания вербального уровня высказывания» [11, с. 306].

Так, обратившись к газетному подкорпусу НКРЯ, мы установили, что синонимичные ограничительным наречиям словосочетания употребляются значительно реже самих наречий. Например: *биологически* (630 документов) – *с биологической точки зрения* (15 документов), *экологически* (2217 документов) – *с экологической точки зрения* (23 документа), *культурологически* (4 документа) – *с культурологической точки зрения* (1 документ); *стилистически* (187 документов) – *в стилистическом отношении* (2 документа), *климатически* (26 документов) – *в климатическом отношении* (6 документов), *туристически* (8 документов) – *в туристическом отношении* (по этому запросу ничего не найдено); *экономически* (4788 документов) – *в экономическом аспекте* (8 документов), *географически* (420 документов) – *в географическом аспекте* (2 документа), *этически* (66 документов) – *в этическом аспекте* (1 документ).

Данное явление обусловлено активным проявлением тенденции к компрессии средств выражения информации. В рамках исследований, посвященных проблемам синтаксической деривации, Л. Н. Мурзин определяет компрессию как деривационные процессы, упрощающие поверхностную структуру предложения, как процесс конденсации составных наименований и порождения экономных синтаксических конструкций, в результате которого достигается возможность выражения определенного объема информации минимальными языковыми средствами [9]. По утверждению А. Б. Шокиной, объем является одним из важных вопросов в создании медиатекста, «что обусловлено, с одной стороны, стремительным ростом информационных потоков, с другой – общеязыковой тенденцией к экономии речевых усилий» [13, с. 8]. Ограничительные наречия же, будучи «лексическими субститутами неоднословных конструкций, обеспечивают смысловую компрессию высказывания» [4, с. 55], которая проявляется в сжатии словосочетания способом контаминации. Приведённые нами конструкции представляют собой субстантивные двухкомпонентные словосочетания с атрибутивными отношениями (*в умственном отношении, в лексикографическом аспекте, с географической точки зрения*). Главный компонент словосочетаний выпадает, а зависимый, морфологически видоизменившись, преобразуется в наречие (*в умственном отношении – умственно, в лексикографическом аспекте – лексикографически, с географической точки зрения – географически*). Результатом такой контаминации является видоизменение грамматической функции и синтаксической связи «при сохранении смысла и речевой экономии» [13, с. 13].

Ограничительные адвербативы выделяются в общем наречном фонде благодаря тематико-семантическому многообразию, покрывающему различные сферы деятельности и многие предметные области знания. Анализ показал, что аспекты и критерии, с позиций которых характеризуются предикаты, могут быть самыми разнообразными и относиться: к научным направлениям (*фонетически регулироваться, астрологически благоприятно*); социальным процессам (*выиграть электорально, финансово грамотный*); законодательной сфере (*протокольно зафиксированный, конституционно оправданный*); видам искусства (*модернистски стилизованный,*

скульптурно проработанный); личностным характеристикам (*иждивенчески настроенный, меркантильно заинтересованный*); качественным или количественным параметрам (*картографически ясно, материально невыгодно*); структуре и композиции (*геометрически расчерченный, фабульно ключевые позиции*) и т. д. Эти особенности показательны как в социолингвистическом, так и лингвокультурологическом плане, с точки зрения выявления и интерпретации средств и способов актуализации информации, значимой для определенного лингвокультурного сообщества.

На выбор журналистом того или иного ограничительного адвербатива оказывают влияние коммуникативно-прагматические и когнитивные факторы [6, с. 333]. Жанр, его тематика, коммуникативные установки на стандарт, креативность передачи информации, индивидуальные предпочтения пишущего составляют коммуникативно-прагматические факторы. Тип и характер его мышления, особенности языковой картины мира входят в когнитивные факторы [Там же, с. 334]. Поскольку одной из основных функций публицистики является воздействие на читателя, журналисту следует использовать такие лексемы, в том числе наречные, которые максимально точно и экспрессивно отражают содержание его материала.

Общей деривационной особенностью ограничительных наречий является их мотивированность относительными прилагательными с помощью словообразовательных формантов – суффиксов *-о* и *-и*. Квалифицируя вслед за В. Н. Немченко и Г. И. Пановой форманты *-о* и *-и* как самостоятельные суффиксы, наречные единицы можно распределить по двум словообразовательным типам:

Относительное прилагательное → ограничительное наречие с суффиксом <i>-о</i>	Относительное прилагательное → ограничительное наречие с суффиксом <i>-и</i>
	<u>Антропологическ^й</u> → <u>антропологическ^ь-и</u>
<u>Нотариальный</u> → <u>нотариальн-о</u>	<u>Эпидемиологическ^й</u> → <u>эпидемиологическ^ь-и</u>
<u>Фрагментарный</u> → <u>фрагментарн-о</u>	<u>Семиотическ^й</u> → <u>семиотическ^ь-и</u>
<u>Законодательный</u> → <u>законодательн-о</u>	<u>Картографическ^й</u> → <u>картографическ^ь-и</u>
<u>Пунктуационный</u> → <u>пунктуационн-о</u> и др.	<u>Литературоведческ^й</u> → <u>литературоведческ^ь-и</u> и др.

По характеру деривационного значения выделенные словообразовательные типы относятся к области синтаксической деривации. Семантически близкие к относительным прилагательным, исследуемые наречия, отмечает В. К. Голубева, не образуют вторичных качественно-характеризующих сем и «сохраняют свойства отсылочных лексем» [3, с. 55].

В рамках первого словообразовательного типа наречия образуются от прилагательных с суффиксами *-альн-* (*документальный* → *документальн-о*, *нотариальный* → *нотариальн-о*), *-тельн-* (*законодательный* → *законодательн-о*), *-н-* (*литературный* → *литературн-о*, *вокальный* → *вокальн-о*), *-енн-* (*-ственный*) / *-онн-* (*умственный* → *умственн-о*, *дистанционный* → *дистанционн-о*, *лекарственный* → *лекарственн-о*), *-ов-* (*плановый* → *планов-о*, *финансовый* → *финансов-о*). В пределах второго словообразовательного типа адвербативы мотивируются прилагательными с

суффиксами **-ск-** / **-еск-** (после шипящих) (*режиссерск'ий* → *режиссёрск'-и*, *коммерческ'ий* → *коммерческ'-и*, *тактическ'ий* → *тактическ'-и*), **-ическ-** (*этнограф'ический* → *этнографическ'-и*, *психологическ'ий* → *психологическ'-и*), **-ческ-** (*литературоведческ'ий* → *литературоведческ'-и*, *искусствоведческ'ий* → *искусствоведческ'-и*).

По характеру ударения представленные словообразовательные типы не различаются. У наречий, образованных в рамках как первого, так и второго словообразовательного типа, ударение на том же слоге, что и у мотивирующего прилагательного (*электорАльный* → *электорАльно*, *промЫшленный* → *промЫшленно*; *импрессионИстский* → *импрессионИстски*, *стереометрИческий* → *стереометрИчески*).

Согласно данным «Словообразовательного словаря...» А. Н. Тихонова, в рамках первого словообразовательного типа цепочка «существительное → относительное прилагательное → ограничительное наречие», как правило, замыкается наречием, то есть прилагательные с суффиксами *-альн-*, *-тельн-*, *-н-*, *-енн-* (*-ственн-/-онн-*), *-ов-* в словообразовательном гнезде содержат при себе производные наречия, образуя с ними словообразовательную пару. Например: *конституци(я)* → *конституци-онн-ый* → *конституционн-о*, *студи(я)* → *студий-н-ый* → *студийн-о*.

Прилагательные с основой на *-ск* образуют наречие на *-и* значительно реже. Так, многие выделенные из медиатекстов лексемы в словообразовательном словаре отсутствуют. Например: *антропологи(я)* → *антрополог'-ическ'-ий* → ? ; *клиник(а)* → *клинич-еск'-ий* → ? ; *палеонтологи(я)* → *палеонтолог'-ическ'-ий* → ? ; *геологи(я)* → *геолог'-ическ'-ий* → ? и др. Адвербативы *антропологически*, *клинически*, *палеонтологически*, *геологически*, а также *семиотически*, *онтологически*, *географически*, *литературоведчески*, *метеорологически*, *эпиграфически*, *эпидемиологически*, *топографически*, *топонимически*, *статически*, *тавтологически*, *апокалиптически* и другие наречия, не включённые в словообразовательный словарь, широко употребляются в современных газетных текстах, являющихся средоточием языковых новаций.

Подобные наречия могут толковаться с опорой непосредственно на существительное или на мотивирующее прилагательное, ср.: *этнографически ценный* 'ценный в отношении этнографии / в этнографическом отношении', *орфографически грамотный* 'грамотный с точки зрения орфографии / с точки зрения орфографических норм'. Чаще в семантизации задействуется исходный субстантив – прилагательное не используется в силу присущего ему значения отношения. В структурном же плане мотивирующими для наречий выступают именно основы прилагательных. Так, семантическая «неполнозначность» адъективов, служащих лишь «сигналом предмета», обуславливает расхождение формальной и смысловой производности у образованных от них наречий [3, с. 52].

Актуализация указанных мотивационных связей может носить текстовый характер. Текстовая актуализация осуществляется посредством экспликации лексической соотнесенности с мотиваторами. Ср.: *Не больше, но и не меньше. **Стилистически** из-за "guy"», — поправил коллегу телеведущий. В ответ Скабеева призвала не вдаваться в **стилистические** аспекты [lenta.ru, 2019.06] и Старую прозу (середины XX века) полезно читать в том числе и за ее провидческое качество. Идеино и **стилистически**. Авторы, с которыми мы работаем, — законодатели мод в литературных смыслах и **стилях** [lenta.ru, 2016.09].*

Согласно нашим наблюдениям, наречия с ограничительным значением могут опосредованно мотивироваться существительными разной лексико-грамматической принадлежности. Преобладают деривационные связи наречия с абстрактными именами, ср.: *семиотика* → *семиотический* → *семиотически*, *сюжет* → *сюжетный* → *сюжетно*, *коммуникация* → *коммуникативный* → *коммуникативно* и т. д.

В качестве исходного звена может выступать конкретное существительное. Например: *Лесных ресурсов, на которые ориентирована промышленность, почти не осталось, по крайней мере, в транспортно доступных районах* [РБК Daily, 02.12.2004] ('доступные в транспортном отношении – для перевозки, доставки чего-л. '); *С 5-го по 7-й столбец через А, В и С приводятся упрощенные обозначения возможных соотношений урожайности за три календарно последовательных года...* [Вопросы статистики, 29.07.2004] ('последовательные согласно календарю').

Однако если субстантивный корень выражает конкретную семантику места или субъекта, то лексическое значение наречий, абстрагируясь и обобщаясь, расширяется. Например: *Иногда пытаемся их исполнять, но ничего фактически не записано студийно* [lenta.ru, 03.03.2017]. Наречие *студийно* словообразовательно и семантически связано с конкретным существительным *студия*, однако в данном высказывании речь идет не о конкретной студии, а о способе записи песен. Наречие содержит отсылку не к самому предмету (в данном случае к месту), а к связанной с ним сфере. *Страстный и сценически искренний монолог Раневской произвёл на Коршунова неизгладимое впечатление* [МК, 08.10.2016] – деривационно связанное с конкретным существительным *цена*, наречие здесь соотносится не с собственно обозначаемым им предметом, а связанной с ним сферой – театром; *Производитель гарантирует качество и соблюдение условий хранения для фабрично упакованного корма* [КП, 27.08.2007] (т. е. 'фабричным способом').

В словосочетаниях *не записано студийно*, *сценически искренний*, *фабрично упакованный* конкретная семантика места, заложенная субстантивным корнем в адвербатив (*студия*, *цена*, *фабрика*), обобщена до функционального пространства и имплицитно типичную деятельность или признак (в данном месте).

Если исходным звеном словообразовательной цепи с ограничительным наречием выступает конкретное существительное с агентивным значением, то наречия не употребляются для обозначения субъекта, а содержат отсылку к сфере, связанной с субъектом. Степень семантической конкретности адвербиальной лексики значительно ослабляется. Ср.: *Спектакль Сергея Вихарева, режиссёрски неоправданно перегруженный, утомляющий замедленными темпами, потерял и в царственности, и в праздничности* [Труд–7, 06.11.2001] ('перегруженный не с точки зрения режиссера, а с точки зрения режиссуры, работы режиссера, в плане оформления спектакля'); *Каждый хорош по-своему, но общий знаменатель в том, что рестораны получают концептуально целостные, дизайнерски выверенные, и что самое главное – еда вкусная* [lenta.ru, 17.12.2016] ('выверенные не с точки зрения дизайнера, а в отношении дизайна'); *Я знавала людей писательски очень талантливых, которые прекрасно чувствовали слово и фразу, но при этом были безграмотными* [КП, 06.04.2013] ('талантливых с точки зрения сочинительства, в творческом плане').

Так, предметная семантика места и субъекта, заложенная в наречие субстантивным корнем, при функционировании адвербатива существенно ослабляется, трансформируясь в семантику сферы, связанной с местом или субъектом, названными исходным существительным. Это связано с тем, что «наречие, даже с субстантивной основой, играет

при глаголе и прилагательном иную роль: оно представляет унаследованную от мотивирующего слова предметную семантику в виде признака и выступает в роли признакового (а не субъектного или объектного, как субстантив) актанта или сирконстанта [3, с. 53].

Зафиксировано значительное количество наречных дериватов, словообразовательно связанных с собирательными существительными. Ср.: *До сих пор с прошлым боролись в основном **топонимически**: переименовывая города и улицы или возвращая им старые дореволюционные названия* [lenta.ru, 31.01.2016] ('боролись с помощью топонимики – совокупности географических названий какой-либо местности'); *Звучали призывы к тому, чтобы модератор дебатов разоблачал **фактологически неверные** утверждения оратор* [МК, 27.09.2016] ('неверные с точки зрения фактологии – совокупности фактов, используемых оратором'); *На выборах 11 октября «Единая Россия» **электорально** выиграла Россию, зато **пропагандистски** проиграла Москву* [Известия, 27.10.2009] ('выиграла с точки зрения демонстрации поведения электората – совокупности избирателей, голосующих за политическую партию').

Единичны случаи опосредованной мотивации ограничительных наречий вещественными субстантивами. Ср.: *Из проблемы **лекарственно** устойчивого туберкулёза сделаем всемирно известную страшилку* [Известия, 08.09.2006].

Значительная часть относительных прилагательных, мотивирующих ограничительные наречия, обладает множественностью словообразовательной структуры. Например, *терапевт'-ическ'-ий* ← *терапевт* и *терап'-евт/ическ'-ий* ← *терап'иј* - а; *дуалист'-ическ'-ий* ← *дуалист* и *дуал'-ист/ическ'-ий* ← *дуал'изм*; *стилист'-ическ'-ий* ← *стилистика* и *стил'-ист/ическ'-ий* ← *стиль*; *топонимич-еск'-ий* ← *топонимика*, *топоним'-ическ'-ий* ← *топоним(-иј-а)* и *топоним'-ическ'-ий* ← *топоним* и др. Поскольку далеко не все ограничительные адвербативы отражены в словообразовательных гнёздах, справедливо возникает вопрос, какими существительными – абстрактными или конкретными, абстрактным или собирательным – мотивируются прилагательные, образующие наречия. Деривационные связи тогда помогает определить контекст. Например: *...Я всегда хочу «оправдать» читательское удовольствие, сделать из него что-нибудь **литературоведчески** полезное* [Знание – сила, 2013]. Словесное окружение подсказывает, что наречие *литературоведчески* деривационно связано с существительным абстрактной семантики ('полезное в области литературоведения', то есть *литературоведениј-э* → *литературовед-чesk'-ий* → *литературоведчesk'-и*). Контекст может эксплицитировать семантическую связь, ср.: *Старую прозу (середины XX века) полезно читать в том числе и за ее провидческое качество. Идеино и **стилистически**. Авторы, с которыми мы работаем, — законодатели мод в литературных смыслах и **стилях*** [lenta.ru, 2016.09].

Зафиксированы случаи метафорической мотивации (В. В. Лопатин), когда в словообразовательной структуре исследуемых наречий возникает переносный смысл и производящее входит в структуру производного наречия в метафорически переосмысленном виде. При этом качественно-характеризующее преобразование семантической основы наречий осуществляется при реализации ими компаративных отношений, ср.: *...Кустарно сделанные видеоролики с подобными текстами, перепетыми на арабский мотив, **вирусно** распространяются в интернете и набирают огромное количество просмотров* [Новая газета, 2018.08] (распространяться вирусно – 'массово, стремительно, подобно вирусу'); *Иначе очень некрасиво, **мусорно** будет*

смотреться цветник [КП, 2007.10] (выглядеть мусорно – ‘как будто в мусоре’, ‘как мусор’); *Мне выпала честь принять посильное участие в подготовке этого вечера, изначально задуманного как яркий праздник, поскольку образы, созданные Орловой в кино, ассоциируются с маршево бодрыми мелодиями, весёлыми песнями, фейерверками* [Труд–7, 02.2002] (маршево бодрые – ‘такие, как марш, похожие на марш, т. е. ритмичные, с мужественными и энергичными интонациями’).

Отрицательная оценочная семантика наречий *вирусно*, *мусорно* и положительная оценка деривата *маршево* обоснована тем, что с их помощью вводится объект сравнения (вирус, мусор, марш) – «носитель устойчивых, типичных, узнаваемых черт, пресуппозитивное знание которых служит для характеристики... субъекта сравнения (того, что сравнивается)» [3, с. 53]. Это обуславливает расхождение формальной и смысловой производности: несмотря на то что в структурном плане мотивирующими для таких наречий выступают основы прилагательных, адъективы не задействуются в их семантизации.

Таким образом, анализируемые ограничительные наречия образуются главным образом от прилагательных, мотивированных существительными отвлечённой семантики. Активно в публицистической медиасфере в процесс адвербиального словотворчества вовлекаются собирательные существительные. Реже встречаются адвербативы, деривационно связанные с конкретными и вещественными именами. Вовлечение в процесс наречного словообразования грамматически различных основ относительных прилагательных позволяет субъекту речи существенно расширить круг выражаемых наречиями значений.

По представленным моделям ограничительное наречие можно образовать от любого относительного прилагательного. Например: *протекторальный* → **протекторально*, *пространственный* → **пространственно*, *просторечный* → **просторечно*, *аспектологический* → **аспектологически*, *орфоэпический* → **орфоэпически*, *имажинистский* → **имажинистски*, и т. д. С большой вероятностью, потенциальные адвербативы активно начнут употребляться в будущем, в котором тенденция к интеллектуализации языка, усложнению дискурса, росту количества специальных языковых единиц, отражающих текущую историю социума и обращенных к его злободневным проблемам, неизбежна.

В результате анализа выявлена тенденция к фразеологизации словосочетаний с ограничительными наречиями, например: *стратегически важный* (1389), *политически мотивированный* (504), *биологически активный* (446), *профессионально заниматься* (396), *экологически чистый* (383), *экономически развитый* (263), *генетически модифицированный* (78), *интуитивно понятный* (60), *психологически устойчивый* (44), *физически развитый* (47), *духовно богатый* (41) и др. (число в скобках указывает на количество документов, в которых встречалось данное словосочетание во всех возможных грамматических формах; источник информации – газетный подкорпус Национального корпуса русского языка). Лингвисты отмечают, что фразеологизация свободных сочетаний в настоящее время происходит довольно быстро. Как утверждает Н. Ф. Алефиренко, это результат лингвокреативной деятельности синергетически перестраивающегося языкового сознания, «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономазиологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства» [1, с. 208].

Отмечены и обратные факты: нестандартная лексическая база, грамматическая и нетривиальная лексическая сочетаемость по-разному конкретизируют семантику ограничительных наречий, нередко создавая окказиональный эффект. Ср. следующие окказиональные сочетания: *геометрически* зарифмованные сферы; *этнически* окрашенные жалобы; *писательски* талантливые люди; *стилистически* растрепанная программа; документалист, *тематически* и *стилистически* всеядный; актер *онтологически* пуст; *топонимически* бороться с прошлым; *выглядеть* смешно *терминологически*; *синонимически* мыслить; стал *модернистски* синим; *фабульно* он приговорен...; много общего *поколенчески* и др.

Так, сугубо отсылочные по своей природе лексемы демонстрируют способ лингвокреативного самовыражения личности. С одной стороны, ограничительные наречия активно участвуют в неологизации фразеологического корпуса, адаптируя языковое сознание к социокультурной динамике общества, с другой – пополняют современный словотворческий инструментарий, актуализируя особенности мировидения человека, удовлетворяя потребность говорящего в смысловой точности высказывания, в передаче мысли более тонко, мобильно и выразительно.

ВЫВОДЫ

Представленный материал опровергает распространенную точку зрения, согласно которой русский язык сегодня, «погребенный» под массивом многочисленных неоправданных заимствований, превратился в мертвый язык, более не порождающий новых слов. Проведенное исследование убедительно свидетельствует об активном пополнении современного лексикона за счет внутренних языковых механизмов.

Собранные и проанализированные языковые факты выявляют тенденцию вовлечения в сферу адвербиального словотворчества отадъективных наречий с субстантивными корнями. Результаты исследования наречных дериватов в современном медиапространстве иллюстрируют существенное расширение мотивационной базы адвербативов за счет относительных прилагательных, которые мотивируются лексически и лексико-грамматически разнообразными классами имен существительных, вследствие чего круг выражаемых наречиями значений расширяется.

Ограничительные наречия в современной медиакommunikации – это способ речетворчества, который выявляет креативный потенциал наречия как части речи и отражает морфолого-словообразовательный аспект русской грамматики. Высокая производительность деривационных моделей, в рамках которых создаются ограничительные наречия, их способность конденсированно выражать смыслы, актуализировать и фокусировать коммуникативно значимую информацию, передавать мысль более тонко и мобильно – на фоне общей тенденции к массовым инновациям, интеллектуализации языка и лаконизму речи – позволяет прогнозировать активность исследуемых единиц в медиапространстве последующих десятилетий, прежде всего в публицистике.

Перспективы исследования видим в разработке модели лексикографической интерпретации наречий с ограничительной семантикой в словообразовательных и толковых словарях. Словарная фиксация наречных новообразований может стать самостоятельной составляющей словарного корпуса новой лексики, описание которой позволяет выделить главные тенденции в развитии языка первой половины XXI века.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 271 с.
2. *Битехтина Г. А.* О некоторых случаях прилагательного употребления качественных наречий // Русский язык для студентов-иностранцев. – М.: Русский язык, 1979. – Вып. 18. – С. 111–123.
3. *Голубева В. К.* К вопросу о роли относительных прилагательных в словообразовании наречий // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Института иностранных языков, Москва, 22–24 ноября 2018 года. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2018. – С. 50–57.
4. *Горобец Л. Н., Крамская Т. Н.* Изучение темы «Наречие» на основе системно-функционального подхода // Научный диалог. – 2016. – № 10 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-temy-narechie-na-osnove-sistemno-funktsionalnogo-podhoda> (дата обращения: 06.07.2022).
5. *Дегальцева А. В.* Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. – Саратов, 2021. – 638 с.
6. *Дегальцева А. В.* Некоторые трудности, связанные с употреблением наречий в современной прессе // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-trudnosti-svyazannye-s-upotrebleniem-narechij-v-sovremennoy-pressе> (дата обращения: 09.07.2022).
7. *Ермакова О. П.* Семантические категории в лексике и грамматике русского языка : учеб. пособ. для студентов и магистрантов. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 92 с.
8. *Кустова Г. И.* Относительные наречия в контексте глаголов и прилагательных (по данным национального корпуса русского языка) // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2019. – № 21. – С. 126–142.
9. *Мурзин Л. Н.* О законах синтаксической деривации и порождении связного текста // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 68–86.
10. *Панова Г. И.* Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 448 с.
11. *Савёлова Л. А.* Семантика и прагматика русского наречия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Северодвинск, 2009. – 386 с.
12. *Сандакова М. В.* К проблеме описания разрядов наречий // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 149–154.
13. *Шокина А. Б.* Языковая компрессия в рекламном тексте // Медиаскоп. – 2008. – № 2. – URL: <http://www.mediascope.ru/> (дата обращения: 29.08.2022).

References

1. Alefirenko N. F. *Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradigim* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow, JeLPIS Publ., 2008. 271 p.
2. Bitekhtina G. A. *O nekotoryh sluchayah priglago'l'nogo upotrebleniya kachestvennyh narechij* [On some cases of verbal use of qualitative adverbs]. Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1979, iss. 18, pp. 111–123.
3. Golubeva V. K. *K voprosu o roli otositel'nyh prilagatel'nyh v slovoobrazovanii narechij* [On the question of the role of relative adjectives in the word formation of adverbs]. *Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki: tradicii i innovacii: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu Instituta inostrannyh yazykov, Moskva, 22–24 noyabrya 2018 goda*. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2018, pp. 50–57.
4. Gorobec L. N., Kramskaya T. N. *Izuchenie temy «Narechie» na osnove sistemno-funkcional'nogo podhoda* [Studying the topic "Adverb" on the basis of a system-functional approach]. *Nauchnyj dialog*, 2016, no. 10 (58). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-temy-narechie-na-osnove-sistemno-funktsionalnogo-podhoda> (accessed: 06.07.2022).

5. Degal'ceva A. V. *Narechiya obraza dejstviya v raznyh sferah sovremennogo russkogo obshcheniya: strukturno-semanticheskaya tipologiya i rol' v organizacii smysla*. Diss. dokt. filol. nauk [Adverbs of mode of action in different spheres of modern Russian communication: structural-semantic typology and role in the organization of meaning. Dr. philol. sci. thesis.]. Saratov, 2021. 638 p.
6. Degal'ceva A. V. *Nekotorye trudnosti, svyazannye s upotrebleniem narechij v sovremennoj presse* [Some difficulties associated with the use of adverbs in the modern press]. *Izv. Sarat. un-ta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2018, no. 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-trudnosti-svyazannye-s-upotrebleniem-narechij-v-sovremennoj-presse> (accessed: 09.07.2022).
7. Ermakova O. P. *Semanticheskie kategorii v leksike i grammatike russkogo yazyka: ucheb. posob. dlya studentov i magistrantov* [Semantic categories in the vocabulary and grammar of the Russian language: textbook for students and undergraduates]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2015. 92 p.
8. Kustova G. I. *Otmotel'nye narechiya v kontekste glagolov i prilagatel'nyh (po dannym nacional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Relative adverbs in the context of verbs and adjectives (according to the national corpus of the Russian language)]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, 2019, no. 21, pp. 126–142.
9. Murzin L. N. *O zakonah sintaksicheskoy derivacii i porozhdenii svyaznogo teksta* [On the laws of syntactic derivation and the generation of a coherent text]. *Problemy struktury slova i predlozheniya*. Perm', 1974, pp. 68–86.
10. Panova G. I. *Morfologiya russkogo jazyka: Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Morphology of the Russian language: Encyclopedic dictionary-reference book]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 448 p.
11. Savyolova L. A. *Semantika i pragmatika russkogo narechiya*. Diss. dokt. filol. nauk [Semantics and pragmatics of the Russian dialect. Dr. philol. sci. diss.thesis]. Severodvinsk, 2009. 386 p.
12. Sandakova M. V. *K probleme opisaniya razryadov narechij* [On the problem of describing the categories of adverbs]. *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual'nyh problem sovremennogo yazykoznanija (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Golovina): sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. N. Novgorod, DEKOM Publ., 2016, pp. 149–154.
13. Shokina A. B. *Yazykovaya kompressiya v reklamnom tekste* [Language compression in advertising text]. *Mediascope*, 2008, no. 2. Available from: <http://www.mediascope.ru/> (accessed: 29.08.2022).

RESTRAINTIVE ADVERBS IN MODERN MEDIA TEXTS: STRUCTURAL-SEMANTIC ASPECT

Chepurina I. V., Adylova L. E.

The article is devoted to a relatively new semantic class of the adverbial system of the Russian language - adverbs with a restrictive meaning that preserves the primary subject semes of motivating adjectives. Two highly productive word-formation types related to the field of syntactic derivation are considered, within which restrictive adverbatives are formed. It has been established that the creation of these lexemes can be accompanied by such derivational phenomena as the plurality of the word-formation structure, the divergence of formal and semantic derivation, and metaphorical motivation. A significant expansion of the motivational base of the studied adverbial lexemes in the modern media space is revealed due to relative adjectives, which in turn are motivated by various classes of nouns. This allows the subject of speech to significantly expand the range of meanings expressed by adverbs. Two polar trends are established in the field of free phrases with restrictive adverbs: the tendency of phraseologization - as a result of the adaptation of linguistic consciousness to the socio-cultural dynamics of society - and of occasionalness, due to the ability of derivatives to express meanings condensedly, to update and focus communicatively significant information against the background of general trends towards linguistic innovations, intellectualization of language and laconism of speech.

Key words: restrictive adverbs, adverbative, relative adjective, restrictive semantics, word-formation structure, motivation, compression, discrepancy between formal and semantic derivativeness, compression, communication, mediatext.

УДК 811.161.1

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Чернявская Я. Л.

*ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет»,
Тюмень, Россия
E-mail: yaninak@yandex.ru*

Изучение словообразовательных моделей в курсе русского языка как иностранного (РКИ) играет важную роль для формирования навыка чтения. Умение вычленять словообразовательные форманты и правильно переводить их позволяет понимать и легко запоминать новые слова, актуализировать пассивную лексику, повысить грамотность письма. Работа со словообразовательными моделями должна носить системный характер, использовать принцип «от простого к сложному» и соотноситься с лексико-грамматическим материалом изучаемого уровня. В большинстве учебных пособий по РКИ задания на словообразование представлены ограниченным набором моделей. Специальные пособия по словообразованию не дают представление о способах интеграции их в общий курс. Настоящее исследование предлагает обозначить место словообразовательных моделей в курсе РКИ и предлагает варианты работы с ними в течение всего курса Базового уровня. Применяемый традиционный подход к изучению словообразовательных моделей дополнен прямыми методами, в частности коммуникативным методом, который позволяет автоматизировать полученные умения. Результатом работы является система методических разработок по изучению русского словообразования, которая может быть интегрирована с учебными пособиями для иностранцев, изучающих русский язык на уровне А2.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, словообразование, словообразовательные модели, аффиксы, программа РКИ, подготовительный курс для иностранцев.

ВВЕДЕНИЕ

Довузовский этап обучения русскому языку как иностранному (РКИ) предполагает прохождение подготовительного курса, который охватывает несколько уровней владения. Так как иностранцы, приезжающие в Россию за высшим образованием, как правило, не изучали русский язык на родине, их обучение начинается с нуля. Цель курса – подготовить иностранного слушателя к обучению в вузе на русском языке – диктует необходимость осваивать язык до Первого сертификационного уровня (В1) [14, с. 5]. Стандарт, разработанный авторскими коллективами нескольких ведущих российских вузов, содержит требования к уровню владения русским языком в сфере лексики, грамматики, сформированных навыков чтения, аудирования, письма, говорения, а также предполагает определенный набор словообразовательных моделей, которые должен распознавать иностранец, освоивший русский язык на уровнях А2 и В1 [14, с. 10; 5, с. 11]. Эти модели изучаются в течение всего подготовительного курса, однако большинство учебников и учебных пособий не акцентируют внимание на системный характер словообразования в русском языке из-за большого динамизма «словообразовательных отношений и процессов, ... который проявляется в многочисленных случаях изменения семантических связей производного слова и формально-структурных его характеристик» [8, с. 120]. Отдельные словообразовательные модели фигурируют в контексте лексико-грамматических тем. Часто аффиксы выступают в роли формальных грамматических маркеров (например, для определения рода существительного или вида глагола), или как часть слова, несущая дополнительное к основному значение (например, глагольные

префиксы или эмоционально-оценочные суффиксы). При этом практическое применение словообразовательной системы значительно шире.

Данная статья является попыткой определения места словообразовательных моделей в довузовском курсе русского языка как иностранного с позиций их утилитарной значимости при освоении иностранного языка и для дальнейшего процесса обучения в российском вузе. Таким образом, **предметом** исследования являются словообразовательные модели русского языка; **цель** исследования – определить их место в системе подготовительного курса для иностранцев.

Теоретической основой работы являются исследования по методике преподавания иностранных языков и РКИ, в которых также затрагиваются вопросы изучения словообразования в рамках обучения иностранным языкам. Так, Е. Н. Соловова отмечает, что семантизация с использованием известных способов словообразования «позволяет ввести слово в определенную парадигму, что способствует установлению более прочных парадигматических связей данного слова, а также повторению уже изученных слов, которые входят в эту категорию» [13, с. 91], А. Н. Щукин указывает на принцип системности в обучении иностранным языкам, который помогает «выявить лексико-семантические особенности языковых единиц в процессе их функционирования» [18, с. 161]. Е. И. Пассов связывает умение читать на иностранном языке со способностью обучающегося мгновенно соотносить лексические единицы с их значением, что зависит от языковой догадки: от умения «понять неизвестное слово по известным компонентам» [10, с. 112]. Применительно к русскому языку, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают национально-культурную семантику суффиксов, изучение которых необходимо для понимания эмоциональных коннотаций [3, с. 152]. То есть изучение словообразования в курсе РКИ помогает:

- определению нового слова в лексической системе языка,
- выделению формантов слова, что, в свою очередь, способствует пониманию значений новых слов, эмоциональных коннотаций; помогает улучшить умение читать на русском языке и быстро опознавать слово по его компонентам.

Говоря об изучении принципов словообразования, исследователи не предполагают его изолированного преподавания. Напротив, общепризнан принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности, который предусматривает при обучении языку освоение четырех видов речевой деятельности: аудирования, говорения, чтения, письма [15, с. 44]. Изучение грамматики и лексики в изолированном положении также само по себе не может обеспечить владение иноязычной речью, поэтому «успешная работа над лексикой может осуществляться только в тесной взаимосвязи с другими аспектами языка» [17, с. 69].

Обращение к словообразовательным моделям в курсе русского языка как иностранного происходит постоянно. В настоящем исследовании мы предлагаем системный, непрерывный и последовательный принцип изучения русского словообразования на Базовом уровне (А2), результаты которого должны стать основой для успешного овладения Первым сертификационным уровнем. Словообразовательные модели также играют важную роль при освоении профессионально-научной сферы общения (на Первом сертификационном уровне) и являются необходимым компонентом подготовки к успешному обучению на специалитете.

Практическая работа со словообразовательными моделями представлена во многих учебных пособиях, однако, в большинстве – фрагментарно. Исключением является

современная работа Л. В. Алпеевой [1] «Как строятся русские слова?», в которой приведен комплекс заданий на расширение и систематизацию лексики. Задания в пособии структурированы по уровням, а внутри них – по частям речи и (в разделах I и II сертификационных уровней) – по профилю подготовки.

Результатом настоящего исследования является система методических разработок по изучению русского словообразования, интегрированная в курс РКИ Базового уровня.

В качестве основного учебного пособия может быть принят любой учебник, подходящий под цели обучения на довузовском подготовительном курсе и соответствующий утвержденному на федеральном уровне государственному стандарту по русскому языку как иностранному Базового уровня [5]. Большинство учебников для подготовительных факультетов и отделений незначительно различаются порядком предоставления лексико-грамматических тем и степенью проработанности отдельных элементов. Таким образом, представленные методические разработки и рекомендации могут быть интегрированы с разными учебными пособиями, составленными для иностранцев, обучающихся на подготовительных курсах российских вузов.

МЕТОДЫ

В настоящее время широкую популярность получили неопрямые методы обучения иностранным языкам. Они направлены, в основном, на эффективное практическое применение языка в социально-бытовой сфере, что особенно значимо для начинающих изучать иностранный язык. Поэтому в данном исследовании предполагается применение аудио-лингвального, аудиовизуального и коммуникативного методов. Тем не менее у указанных методов есть очевидные минусы: они не экономичны, с точки зрения временных затрат, и малополезны для подготовки к восприятию профессиональных текстов, с которыми иностранец будет вынужден регулярно сталкиваться в процессе обучения на специалитете. Для подобной подготовки крайне необходим сознательный подход, который «предполагает осознание, понимание учащимися единиц языка ... и формирование способности объяснять выбор и употребление таких единиц в процессе общения» [18, с. 102]. Поэтому при обучении также предлагаем использовать сознательно-практический метод, который служит речевой практике, «делая процесс овладения иностранным языком более легким, более быстрым, более правильным и более прочным» [2, с. 7]. Но так как мы не отрицаем и сильных сторон прямых методов (особенно их эффективности в создании коммуникативных навыков), то можно говорить о выборе нами смешанного метода, в котором значительное внимание уделяется вопросам грамматики, а чтение выступает и как цель, и как средство обучения, которое дает языковой материал [12, с. 109]. Коммуникативный метод позволяет добиться хороших результатов при обучении иностранца говорению. Однако сформированный речевой навык может разрушаться без регулярного практического применения, и возрастает риск утери части пассивного запаса слов и грамматических конструкций, которые совершенно необходимы для понимания научного стиля. Противодействовать этому возможно при помощи наличия у студентов языковых знаний, предполагающих понимание студентами языковых правил и принципов их применения [9, с. 284–285].

При составлении методических рекомендаций применялись методы анализа и обобщения материала, методы систематизации и классификации, метод наблюдения и метод педагогического эксперимента.

Контрольные занятия, проведенные в конце годового подготовительного курса Тюменского ГМУ в июне 2021 и 2022 годов, свидетельствуют, что группа, регулярно и системно занимающаяся словообразованием, получавшая от преподавателя в основном курсе обучения пояснения о словообразовательных моделях и аффиксах, показала значительно лучший результат в чтении и понимании текста, чем группа, в которой словообразованию уделялось намного меньше внимания, где изучение словообразовательных моделей носило эпизодический характер.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе изучения РКИ обучающемуся важно получить представление о русских словах как о составных конструкциях. Это можно сделать на примере словообразовательной модели с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к-*: предложить сделать производные слова от знакомых (*неделя – неделька, голова – головка, стена – стенка* и т.п.) или понять слова с данным суффиксом (*тетрадка, книжка, ножка* и т.д.). При этом происходит знакомство с популярными чередованиями (*к//ш, г//ж, х//ш*), которые меняют фонетический облик слова, что значительно затрудняет его понимание.

При изучении числительных преподаватель показывает, из каких частей состоит слово, обозначающие числа второго десятка, объясняя каждую часть в диахроническом аспекте. Подобный анализ не только позволяет показать структуру русского языка, но и помогает иностранцам быстрее запоминать и различать числительные «двенадцать», «девятнадцать» и «двадцать», которые они часто путают, особенно при аудиальном восприятии. Морфема *-дцать-* соотносится с числительным «десять», и, таким образом, можно установить связь между числительными «двадцать», «тридцать» и «пятьдесят», «шестьдесят», «семьдесят», «восемьдесят». При подобном подходе, несмотря на фонетические различия морфем *-дцать-* и *-десять-*, слова, обозначающие десятки (кроме «сорок» и «девятьсто»), воспринимаются как элементы системы и легко запоминаются.

Одной из первых грамматических категорий, с которыми знакомится изучающий русский язык иностранец, является категория рода существительных. Существительные с мягким знаком на конце слова могут быть как мужского, так и женского рода. Суффиксы помогают студенту определить род, но также полезно говорить и о значении самого суффикса. Так, например, суффикс *-тель-* не только указывает на мужской род, но и может обозначать лицо, производящее действие, названное мотивирующим глаголом. Обычно на этом же этапе студенты изучают глаголы и, таким образом, они легко устанавливают связь между «читать» и «читатель», «писать» и «писатель», «слушать» и «слушатель». В дальнейшем знание этой словообразовательной модели позволит самостоятельно называть глаголы и определять их значение, исходя из значения существительного: «преподаватель» – (что делать?) «преподавать», «учитель» – (что делать?) «учить». Похожий суффикс *-арь-* также указывает на мужской род и обозначает лицо или предмет, характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом: «лечить» – «лекарь», «слово» – «словарь».

По мере изучения глагола (причем уже на первых занятиях) иностранные обучающиеся сталкиваются с чередованием звуков в корне: «писать – пишу», «любить – люблю». Результаты палатализаций, проходивших в общеславянском языке еще в дописьменный период, чрезвычайно распространены в современном русском языке. Поэтому важно не просто давать формы глаголов «писать» и «любить» для запоминания, но и акцентировать внимание на чередованиях *с//ш* (которое также часто встречается в

форме 1 лица единственного числа (1sg) у глаголов 2 группы: *просить – прошу, красить – крашу*) и б//бл. Эпентетический «л» в форме 1sg характерен для глаголов 2 группы, у которых основа оканчивается на губно-губной или губно-зубной звук: «терпеть – терплю», «ловить – ловлю». Также у глаголов 2 группы в форме 1sg естественны чередования т//ч, д//ж и з//ж, ст//щ (*платить – плачу, видеть – вижу, морозить – морозу, расти – расту*). Кроме традиционных заданий на выбор правильной формы и дополнение предложений верным вариантом глагола, обучающимся предлагается отметить в облаке слова, имеющие чередование в форме «я» (*слушать, готовить, видеть, копить, простить, смотреть, висеть, говорить, помнить, терпеть, бросить, светить, ненавидеть, топить, изучать, учить*), или найти подписи к иллюстрациям (*они любят селфи, он спит утром, она хорошо видит, он просит ответить* и т.п.) и сказать эти фразы от первого лица. Можно выстроить коммуникацию с использованием данных глаголов, акцентируя внимание на чередование в форме «я» (*Вы пишете истории? Вы много спите? Вы хорошо готовите? Вы любите молоко? Вы часто грустите? Что вы сейчас видите?*).

На последующих занятиях, при изучении винительного падежа, преподаватель задает вопросы: «Что ты видишь?», «Что ты готовишь?» и подобные, при ответе на которые студент неизбежно должен использовать форму с чередованием: «Я вижу тетрадь», «Я готовлю суп». Задействуя лексику «овощи и фрукты», можно задавать вопросы: «Что у вас растёт?» и «Что вы выращиваете?», отмечая чередование *ст/щ* и показывая словообразовательную связь между словами «расти», «растение», «выращивать». Навык соотнесения глаголов с чередованием в корнях поможет в дальнейшем при изучении других частей речи и их форм. Так, например, многие прилагательные производятся от существительных с помощью суффикса -н-, перед которым нередки чередования х//ш (*ухо – ушной*), г//ж (*дорога – дорожный*), к//ч (*молоко – молочный*) и др.

Понимание определенных словообразовательных моделей очень важно при изучении прилагательных. Кроме уже упомянутого суффикса -н-, наиболее продуктивным аффиксом для образования прилагательных является -ов-(-ев-). При помощи этих суффиксов создаются многие популярные прилагательные. Распознавая аффиксы, обучающийся видит производящую основу и легко понимает производное слово: *апельсиновый сок – сок из апельсина, яблочный сок – сок из яблока* и т.п. Данная словообразовательная модель также активно используется в терминообразовании. Например, для будущего студента-медика важно в слове «коленный» видеть производящее слово «колени», а в слове «плечевой» – «плечо». В этом случае нет необходимости заучивания большого количества слов.

Менее распространенные словообразовательные модели (с суффиксами -ск-, -еск-, -ив-, -лив-, -ическ-) обучающиеся тренируют, производя новые слова из заданных (*утро + -енн- = утренний, город + -ск- = городской, физика + -еск- = физический, анатомия + -ическ- = анатомический* и т.п.), меняя сочетание «существительное + существительное» на словосочетание «прилагательное + существительное» (*это флаг России – это российский флаг, это история Китая – это китайская история* и т.п.). Суффикс -ск- используется в прилагательных, образованных от названий стран. Обучающимся интересны тесты с иллюстрациями, по которым надо определить принадлежность к той или иной стране. Например, изображение человека в традиционной одежде сопровождается вопросом:

Это национальная одежда.

- А) турецкая
- Б) французская
- В) китайская
- Г) индийская

Также обучающимся предлагается прочитать тексты, найти в них прилагательные и сказать, от каких слов они образованы.

В ноябре у нас холодная осень. Погода уже зимняя. И мы часто видим не дождь, а снег. После снега всё снежное: деревья, дороги, дома. Но ноябрьская погода может меняться. И вот у нас уже дождливая осень.

.....холодная..... ←холод.....

..... ←

Выделяя эти в слове, иностранный студент учится анализировать русские слова и развивает умение читать по-русски. Знание суффиксов прилагательных позволяет без словаря понимать и интернациональную лексику: *комплексный эксперимент, клиническая лаборатория, кинетическая энергия, медицинская техника, органическая химия, анатомический атлас, нервный импульс*. Раскладывая слова на корни и аффиксы и соотнося корни слов с подобными в английском, испанском или другом индоевропейском языке, носители этих языков (или хорошо ими владеющие) могут легко переводить подобную лексику уже на Элементарном и Базовом уровнях.

От прилагательных образуются наречия с суффиксом -о- (*хороший – хорошо*) и префиксально-суффиксальным способом: по- + -ски- (*русский – по-русски*). На начальном этапе при изучении наречий целесообразно обратить внимание обучающихся на данные модели и отработать их, предложив называть производные от прилагательных наречия и, наоборот, прочитав наречие, указать однокоренное прилагательное. Данную работу логично проводить при изучении лексики (прилагательных и наречий).

Отдельную большую группу представляют словообразовательные модели для обозначения лиц мужского или женского пола (по профессии, занятиям, национальности и др.) при помощи суффиксов -тель-/ -ниц-(а), -ник-/ -ниц-(а), -чик-/ -чиц-(а), -ец-/ -к-(а), -анин-/ -анк-(а), -ин-/ -к-(а), -к-(а), -ик- [14, с. 10]. Изучение данных моделей предусмотрено во многих учебных пособиях. Место этих суффиксов в курсе – в рамках начального уровня [7, с. 8], [4, с. 65], в теме «Род имен существительных» [11, с. 83–84], на втором уроке в теме знакомства при изучении национальностей и родительного падежа [6, с. 12–14].

Дополнительно к данным суффиксам предлагается изучить суффикс -ист-, с помощью которого образуется слово, называющее лицо по отношению к объекту занятий или по сфере деятельности (*журнал – журналист, теннис – теннисист*). Суффикс всегда ударный, знание этого помогает студенту правильно прочитать даже новые и незнакомые слова с -ист-. На закрепление суффикса -ист- можно предложить как стандартные задания (образовать от заданных слов слова по модели: *футбол – футболист*, найти производящее слово от данного: *энциклопедист – энциклопедия* и т.д.), так и работу с аудиоматериалом. Для прослушивания предлагается аутентичное произведение: песня «Старый клен». При подготовке к прослушиванию преподаватель обращает внимание на незнакомые слова *гармонь* и *гармонист* и иллюстрации к ним. С опорой на изображение студенты легко находят значение слов и объясняют, что *гармонист – человек, который играет на гармонии*. По этой же модели им предлагается образовать новые слова, которые

обозначают лиц, играющих на музыкальных инструментах. Также студенты могут предположить, чем занимаются *велосипедист, пейзажист, испанист, тракторист* и др. или, наоборот, читая описание, называть людей (*этот человек участвует в финале конкурса – финалист*).

При изучении глаголов движения важное место занимают приставки *в-, вы-, у-, по-, при-, пере-, про-, о-, за-, подо-, до-, от-*. Первые пять относятся к Базовому уровню, остальные – к Первому сертификационному, однако все приставки глаголов движения возможно давать комплексно. Их закрепление происходит как традиционными способами, с помощью упражнений и схем (подробно описанных в учебной литературе), так и с использованием заданий, задействующих пространственное восприятие, побуждающих к движению и обозначению этого движения. Итоговое задание предполагает прохождение маршрута (по карте или на реальной местности), описанного с помощью глаголов движения с различными приставками: *Вы стоите около входа в Университет (он сзади вас). Вы идёте прямо по улице, доходите до большой дороги. Поворачиваете налево и доходите до первого перекрёстка. Переходите через дорогу, поворачиваете направо и снова переходите через дорогу. Поворачиваете налево и идёте. Проходите мимо Технопарка, идёте дальше. Обходите высокий памятник. Проходите через площадь. Вы видите вход в парк. Как называется парк?*

Так как приставки с глаголами движения используются очень часто и являются важной частью программы, их изучению отведена значительная часть курса. Для закрепления понимания приставочных глаголов движения обучающимся предлагается самим нарисовать схему движения, выраженного тем или иным глаголом; выбрать соответствующие схемы из имеющихся; назвать антонимичные приставки; работая с текстом, подобрать подходящие по смыслу приставочные глаголы движения и т.п.

Не менее важной темой в базовом курсе является категория вида глагола. Умение определять вид глагола обязательно для изучающего русский язык, т.к. глаголы несовершенного вида не только говорят о процессе или повторяемости действия, а глаголы совершенного вида – о его результате или однократности. Категория вида тесно связана с категорией времени, т.к. форму настоящего времени имеют только глаголы несовершенного вида. При визуальном сходстве форм совершенного и несовершенного вида их грамматическое значение различается: *решаю – решу, пишу – напишу, проверяешь – проверишь* и т.д. (настоящее и будущее время).

Для различения совершенного и несовершенного вида иностранным обучающимся необходимы формальные признаки, по которым можно определить вид глагола. Для этого сравниваются пары глаголов и выявляются их различия на морфемном уровне. Обучающимся предлагаются сравнительные таблицы аффиксов, по которым можно определить вид глагола.

Более легко определяется вид в паре, где один глагол префиксального образования (*лететь – улететь, читать – перечитать* и т.п.). Обучающиеся быстро усваивают, что обычно глагол с приставкой – совершенного вида, и легко определяют вид глагола, пару которому они знают: *написать – писать, полюбить – любить, услышать – слышать*. Однако преподавателю необходимо обратить внимание на то, что не всегда пара с приставочным глаголом является парой «несовершенный вид – совершенный вид». Так, например, глаголы движения второй группы (*ходить, летать, бегать*) при префиксальном словообразовании не меняют вид (*дойдешь, улетишь, прибегаешь*). Также есть суффиксы, которые однозначно указывают на несовершенный вид, даже если

у глагола есть приставка. В словообразовательной цепочке *красить – раскрасить – раскрашивать* вид меняется по мере добавления аффиксов: первый глагол несовершенного вида, префикс *рас-* изменяет вид глагола на совершенный, а суффикс *-ива-* – на несовершенный, даже при сохраненной приставке. Таким образом, наличие в слове суффикса *-ива-(-ыва-)* свидетельствует о том, что этот глагол несовершенного вида. Так же, как суффикс *-ну-* указывает на совершенный вид глагола.

Работа над видовыми парами начинается с заданий, где производные глаголы образованы приставочным способом (*стучать – постучать, верить – поверить*), далее предлагаются задания с глаголами суффиксального образования (*отдохнуть – отдохнуть, проверять – проверить*). Обучающиеся могут находить пары в общем списке глаголов, сортировать глаголы по виду, составлять словообразовательные цепочки из представленных глаголов. После изолированного изучения глаголов вводятся задания на выбор нужного слова (тесты закрытого типа) и упражнения, где одно из данных слов надо подставить в текст, поставив его в правильную форму: *Я долго ... домашнее задание и наконец ... его (делать-сделать)*. В дальнейшем при изучении простого будущего времени обучающиеся повторяют категорию вида и закрепляют полученные навыки, работая с текстами, в которых глаголы представлены как в настоящем времени, так и в простом будущем. В качестве материала для подобной работы можно использовать и аутентичные тексты. Например, занятие по аудированию интересно проводить на материале песни «Она вернется» группы MBand. Это аудиовизуальное произведение с текстом, насыщенным глаголами как в настоящем, так и в будущем времени.

Изучая категорию вида, нельзя не упомянуть суффиксы *-ова-* и *-ева-*, которые однозначно указывают на несовершенный вид. Однако знакомство с этими суффиксами происходит намного раньше. Первое их упоминание необходимо в контексте изучения глагольных чередований, т.к. *-ова-* или *-ева-* в инфинитиве неизбежно трансформируется в *-у-* в формах настоящего времени (*рисовать – рисую, танцевать – танцую*). Напоминать о данном чередовании обычно приходится в течение всего курса, а особенно при изучении видовременных форм глаголов и – на Первом сертификационном уровне – при изучении причастий и деепричастий.

На Базовом уровне обучающиеся знакомятся с суффиксами *-ани-(е)/-яни-(е), -ени-(е)*, с помощью которых создаются абстрактные существительные со значением процесса от глаголов (*изучить – изучение, рисовать – рисование*). Задания на изучение и закрепление этих аффиксов предусматривают продуцирование существительных по данным словообразовательным моделям, называние мотивирующего глагола абстрактных существительных с данными суффиксами (*получение – получить*), составление словосочетаний с производными словами и мотивирующими глаголами (*повторить правило – повторение правила*). Производные отглагольные существительные важно рассматривать в текстовом окружении, при этом создаются предпосылки для изучения научного стиля речи.

Другие словообразовательные модели, рассматриваемые на Базовом уровне, – образование существительных и прилагательных с уменьшительными суффиксами, конструирование русских отчеств, производные слова со значение «ребенок» и «дети», возвратные глаголы с постфиксом *-ся*, а также действия с нулевым суффиксом. Работа над каждой из заявленных моделей может строиться по составленным нами материалам, состоящим из комплекса заданий, представленных в учебном пособии «Конструктор русских слов» [16]. Материалы группируются по темам, сверстанным в виде рабочих

листов. Благодаря этому каждая тема может быть использована отдельно от других, представленных в пособии, и встроена в любую программу, составленную в соответствии с Государственным стандартом. Кроме тем, посвященных определенным словообразовательным моделям, в пособии представлены комплексные темы, направленные на работу с однокоренными словами и словообразовательными цепочками, основанными на лексике Базового уровня. А также предложены разработки практических занятий по приставочно-суффиксальному словообразованию на аутентичном аудиовизуальном материале.

Предусмотрены интерактивные задания на поиск подходящих морфем, выбор слов, установление соответствий между текстом и визуальным материалом и т.п. Так как главная задача обучения иностранному языку – его практическое применение, каждая тема содержит коммуникативные задания, а полученные теоретические знания находят применение в текстах.

ВЫВОДЫ

Представленная программа предполагает изучение словообразования в курсе русского языка как иностранного на Базовом уровне. В настоящую программу вошли некоторые словообразовательные единицы, изучение которых, в соответствии с государственным стандартом, предполагается на Первом сертификационном уровне. Включение их в программу Базового уровня продиктовано логикой изложения материала. Изучение моделей словообразования с суффиксами -ов-, -еньк- или префиксами глаголов движения пере-, до-, от- и др. (предусмотренное требованиями к Первому сертификационному уровню) помогает систематизировать новую лексику, активно пополнять словарный запас, что особенно важно для начинающих изучать русский язык, т.к. знание грамматики без достаточного словарного запаса не позволяет выстраивать эффективную коммуникацию. Привнесение этих моделей в курс Базового уровня не усложняет обучение и не требует дополнительных временных ресурсов, так как изучение их происходит в комплексе с подобными морфемами в рамках одной и той же лексико-грамматической темы.

На Первом сертификационном уровне обучающиеся имеют возможность вернуться к изученным моделям, закрепить полученный навык. Возможно, повторить некоторые аффиксы. Главная же цель работы над словообразованием на Базовом уровне (кроме расширения лексического запаса) – это дать обучающимся представление о принципах русского словообразования, с помощью которого студенты смогут в дальнейшем самостоятельно анализировать слова и «расшифровывать» новую лексику. Так как слово не существует изолированно, но обычно встроено в контекст, понимание даже части слова может оказаться достаточным для понимания смысла текста. Таким образом, сам навык работы со словом оказывается исключительно полезным для дальнейшего обучения по специальности.

В процессе обучения словообразованию возможно использование учебного пособия, в котором изучение словообразовательных моделей привязано к лексико-грамматическим темам Базового уровня, с заданиями, предполагающими как изолированную работу с лексикой, так и в контексте с привлечением аутентичных текстов (печатных, и звучащих).

Планомерная и непрерывная работа над словообразовательными моделями в течение всего курса помогает обучающимся осваивать новую лексику, повышать грамотность

письма (так как русская орфография базируется на морфемном принципе), совершенствовать понимание текстов, в том числе специализированных. Понимание эмоциональных коннотаций способствует пониманию культурной составляющей, а умение вычленять морфемы позволяет быстро актуализировать пассивный словарный запас и восстанавливать значение слова.

Список литературы

1. Алеева Л. В. Как строятся русские слова? – СПб.: Златоуст, 2020. – 336 с.
2. Беляев Б. В. О применении принципа сознательности в обучении иностранному языку // Психология в обучении иностранному языку. Сборник статей. – М.: Просвещение. 1967. – С. 5–17
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Голоса: A Basic Course in Russian / сост. Р. Робин, К. Эванс-Ромейн, Г. Шаталина, Дж. Робин. Книга 1. Pearson, 2012. 426 с. – Режим доступа: www.gwu.edu/~slavic/golosa. – (Дата обращения: 20.07.2022)
5. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень /сост. Нахабина М. М. и др. – М. – СПб.: Златоуст, 2001. – 32 с.
6. Долматова О., Новочац Е. Точка Ру. – М.: Бюлер О. А., 2017. – 152 с.
7. Коровина И. В., Чубарова Ю. Е., Шикина Т. С. Русский как иностранный для Фулбрайтцев : учебно-методическое пособие для российских стипендиатов программы FLTA. – Саранск, 2013. – 110 с.
8. Косова В. А. О роли словообразования в курсе русского языка как иностранного // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции Российского общества преподавателей русского языка и литературы. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2002. – С. 120–121.
9. Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. – Мн., 2011. – 309 с.
10. Пассов Е. И. Урок иностранного языка в средней школе. – М.: Просвещение, 1988. – 223 с.
11. Русский язык – мой друг. Базовый уровень : учебник русского языка для студентов-иностранцев / под ред. Т. В. Шустиковой и В. А. Кулаковой. – М.: РУДН, 2011. – 851 с.
12. Скрипникова Т. И. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам : учебно-методическое пособие. Электронное издание. Владивосток: Дальневосточный Федеральный университет, 2017. 137 с. – Режим доступа: http://uss.dvfu.ru/e-publications/2017/skripnikovaiti_metodika_obucheniya-inostr_yazykam_leksii_2017.pdf. – (Дата обращения: 20.07.2022)
13. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс. – М.: АСТ : Астрель, 2009. – 238 с.
14. Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль / сост. Н. П. Андрушина и др. – СПб.: Златоуст, 2015. – 64 с.
15. Хассан Ш. Н. А. Методика обучения РКИ (русский как иностранный) // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Междунар. науч. практ. конф. Часть 3. – Мн.: БГУ, 2015. – С.43-56. – Режим доступа: <http://elib.bsui.by/handle/123456789/148118>. – (Дата обращения: 20.07.2022)
16. Чернявская Я. Л. Конструктор русских слов. Учебное пособие. Электронное издание. – Тюмень, 2022. – 96 с.
17. Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: МАДИ, 2015. – 132 с.
18. Щужин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Высшая школа, 2003. – 334 с.

References

1. Alpeeva L. V. *Kak stroyatsya russkie slova?* [How are Russian words constructed?] St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2020. 336 p.
2. Belyaev B. V. *O primeneniі principa soznatel'nosti v obuchenii inostrannomu yazyku* [On the application of the principle of consciousness in teaching a foreign language] *Psikhologiya v obuchenii inostrannomu yazyku. Sbornik statej*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1967, pp. 5–17.
3. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Russian studies in the teaching of the Russian language as a foreign language]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1990. 246 p.
4. *Golosa: A Basic Course in Russian* [Voices: A Basic Course in Russian] Ed. by R. Robin, K. Jevans-Romejn, G. Shatalina, Dzh. Robin. Book 1. Pearson Publ., 2012. 426 p. Available from: www.gwu.edu/~slavic/golosa (accessed 20 July 2022).
5. *Gosudarstvennyi standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyi uroven'* [The state standard for Russian as a foreign language. Basic level] Ed. by Nahabina M. M. and others. Moscow – St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2001. 32 p.
6. Dolmatova O., Novochats E. *Tochka Ru* [Point RU]. Moscow: Byuler O. A. Publ., 2017. 152 p.
7. Korovina I. V., Chubarova Yu. E., Shikina T. S. *Russkii kak inostrannyi dlya Fulbraitovtsev : uchebno-metodicheskoe posobie dlya rossiiskikh stipendiatov programmy FLTA* [Russian as a foreign language for Fulbright students : an educational and methodological guide for Russian FLTA program fellows]. Saransk, 2013. 110 p.
8. Kosova V. A. *O roli slovoobrazovaniya v kurse russkogo yazyka kak inostrannogo* [On the role of word formation in the course of the Russian language as a foreign language] *Prepodavanie i izuchenie russkogo yazyka i literatury v kontekste sovremennoi yazykovoі politiki Rossii: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Rossiiskogo obshchestva prepodavatelei russkogo yazyka i literatury*. Nizhnii Novgorod: Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2002, pp. 120–121.
9. Lebedinskii S. I., Gerbik L. F. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Minsk, 2011. 309 p.
10. Passov E. I. *Urok inostrannogo yazyka v srednei shkole* [A foreign language lesson in secondary school]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1988. 223 p.
11. *Russkii yazyk – moi drug. Bazovyi uroven' : uchebnik russkogo yazyka dlya studentov-inostrantsev* [Russian is my friend. Basic level: textbook for foreign students] Ed. by T. V. Shustikova, V. A. Kulakova. Moscow: RUDN, 2011. 851 p.
12. Skripnikova T. I. *Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam : uchebno-metodicheskoe posobie*. [Theoretical foundations of the methodology of teaching foreign languages : an educational and methodological manual]. Vladivostok: Dal'nevostochnyi Federal'nyi universitet, 2017. 137 p. Available from: http://uss.dvfu.ru/e-publications/2017/skripnikova-ti_metodika_obucheniya-inostr_yazykam_leksii_2017.pdf (accessed 20 July 2022).
13. Solovova E. N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyi kurs* [Methods of teaching foreign languages: basic course]. Moscow: AST : Astrel' Publ., 2009. 238 p.
14. *Trebovaniya k Pervomu sertifikatsionnomu urovnyu vladeniya russkim yazykom kak inostrannym. Obshchee vladenie. Professional'nyi modul'* [Requirements for the First certification level of proficiency in Russian as a foreign language. Common ownership. Professional module] Ed. by N. P. Andryushina and others. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2015. 64 p.
15. Khassan Sh. N. A. *Metodika obucheniya RKI (russkii kak inostrannyi)* [Methodology of teaching RCT (Russian as a foreign language)] *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statei i tezisev IX Mezhdunar. nauch. prakt. konf.* Minsk: BSU, 2015, pp. 43-56. Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/148118> (accessed 20 July 2022).
16. Chernyavskaya Ya. L. *Konstruktor russkikh slov. Uchebnoe posobie* [The constructor of Russian words. Study guide]. Tyumen, 2022. 96 p.
17. Chesnokova M. P. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: MADI, 2015. 132 p.
18. Shchukin A. N. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2003. 334 p.

WORD-FORMATION MODELS IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Chernyavskaya Ya. L.

The study of word-formation models in the course of Russian as a foreign language (RFL) plays an important role for the formation of reading skills. The ability to isolate word-forming formants and correctly translate them allows understand and easily remember new words, update passive vocabulary, improve writing literacy. The work with word-formation models should be of a systematic nature, use the principle "from simple to complex" and relate to the lexical and grammatical material of the studied level. In most textbooks on RFL, word formation tasks are presented with a limited set of models. Special manuals on word formation do not give an idea of how to integrate them into the general course. This study suggests identifying the place of word-formation models in the RFL course and offers options for working with them throughout the Basic level course. The applied traditional approach to the study of word-formation models is supplemented by direct methods, in particular the communicative method, which allows automating the acquired skills. The result of the work is a system of methodological developments for the study of Russian word formation, which can be integrated with textbooks for foreigners studying the Russian language at the A2 level.

Keywords: Russian as a foreign language, word formation, word-formation models, affixes, RFL program, preparatory course for foreigners.

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.19

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОВОДЫ В КРЫМСКИХ СПОРТИВНЫХ СМИ¹

Ачилова Е. Л., Кондратская В. Л.

*Институт филологии;
Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: elena-achilova@yandex.ru; kondratskaya@mail.ru*

В статье представлена типология информационных поводов, т.е. оснований публикации в СМИ журналистского материала, в региональном спортивном медиадискурсе. Информационными поводами становятся многие события, ситуации, явления в мире спорта, имеющие значение для читателей, зрителей или слушателей. Базовыми информационными поводами являются спортивные соревнования, спортивные пресс-конференции и брифинги, спортивные интервью. Анализ крымских медиа позволил в рамках базовых инфоповодов выделить иные самостоятельные основания для публикаций: формирование состава команд / участников соревнований, жеребьевка, расписание поединков / изменения в расписании, анонс будущих матчей, состав команды; результаты соревнований: награждение победителей, индивидуальные достижения или неудачи спортсменов, дисквалификация спортсменов, дисциплинарные решения, спортивная жизнь игроков; интервью-мнение о планах на предстоящее соревнование, интервью-мнение после соревнования, события в личной жизни спортсменов, награждение спортсменов за особые услуги и т. п. Исследованные медиатексты позволяют расширить рамки информационных поводов. Основанием публикаций становятся: приезд представителей спортивных организаций; праздник спортивного клуба; трагические события в спортивном мире; спортивные объекты; массовые спортивные мероприятия; социальные проекты и благотворительные акции; обсуждение проблем спорта на уровне власти; технические вопросы в спортивной жизни команд; кадровые изменения в спортивном руководстве; организационные мероприятия; параспорт.

Ключевые слова: спортивный медиадискурс, массовая информация, региональные СМИ, информационный повод.

ВВЕДЕНИЕ

Спорт в современном мире можно определить как социокультурный феномен, способствующий эстетическому воспитанию человека, удовлетворяющий духовные потребности личности, выступающий формой интернациональных связей, активно участвующий в формировании социальной системы, экономики и культуры страны. Спорт и спортивная пресса вырабатывают определенные социальные ценности, в частности, стремление к духовному и физическому совершенству, красоте, справедливости, поэтому круг проблем, затрагиваемых спортивной журналистикой, широк и актуален.

Спортивная журналистика, занимающая ведущие позиции среди отраслевых сегментов региональных медиа, приобретает все большее значение. Это обусловлено

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

трансформациями образа спорта, достижениями отечественных спортсменов и команд на федеральных и мировых соревнованиях и, как следствие, повышением его престижности. Спортивные медиаформируют имидж государства, информируя общественность о достижениях спортсменов, то есть значимость спортивной журналистики определяется важностью предмета ее отражения в социуме. Сегодня спортивная пресса функционирует не только самостоятельно как специализированные газеты, журналы, интернет-сайты, но и широко интегрирована в полосы многих общественно-политических изданий.

Динамичное развитие традиционных СМИ (прессы, радио, телевидения), появление новых компьютерных технологий, глобализация информационного пространства оказывают влияние на формирование контента в спортивном медиадискурсе, на его языковые средства. Эти сложные и многогранные процессы требуют не только научного осмысления, но и практического исследования спортивного медиадискурса, в частности, типологии информационных поводов в региональных СМИ.

Исследованием спортивной журналистики занимались К. Алексеев и С. Ильченко, Е. Войтик, И. Дубчак, А. Зильберт, Б. Зильберт, Е. Малышева, К. Пантеева, Н. Пром, С. Шарафутдинова и др. Об информационных поводах в спортивных СМИ писали К. Киуру, А. Найденкина, Е. Носова и др.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью спортивного медиадискурса в крымских СМИ, так как рассмотрены лишь некоторые его фрагменты, к примеру, спортивная проблематика в газете «Крымская правда» [10], спортивное вещание на Севастопольском телевидении [6]. Отдельный интерес представляет исследование информационных поводов, являющихся основанием для последующих публикаций.

Цель исследования – выработка оригинальной типологии информационных поводов в крымском спортивном медиадискурсе.

Материалом исследования является спортивный контент на интернет-сайтах и в крымской прессе, опубликованный в период с 1 сентября 2021 г. по 15 апреля 2022 г.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучению особенностей спортивного дискурса посвящены многочисленные работы (И. Дубчак, А. Зильберт, Б. Зильберт, Д. Качанов, Л. Комлева, Е. Малышева, О. Панкратова, К. Пантеева, А. Трубоченинова и др.). В настоящее время основными каналами для дискурсивного спортивного общения, как подчёркивают исследователи, являются СМИ (И. Дубчак, А. Зильберт, С. Кудрин, И. Новикова, К. Снятков). Остается дискуссионным вопрос о границах понятия спортивный дискурс, его структуре и содержании.

Так, К. Снятков считает, что спортивный дискурс – это «речь (в устной или письменной форме), которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность (дискурс как процесс), и совокупность произведённых текстов, в которых репрезентированы эти смыслы (дискурс как результат), то есть совокупность речевых произведений, зафиксированных письмом или памятью» [14, с. 11]. Спортивный дискурс неоднороден и в зависимости от состава участников коммуникации, её условий и целей включает в себя различные образования.

По мнению Р. Белютина, спортивный дискурс – это совокупность субдискурсов тренеров, спортсменов, болельщиков, массмедийного субдискурса и пр. [2, с. 75].

К. Пантеева описывает спортивный дискурс как «некий континуум, имеющий ядро, ближнюю и дальнюю периферии, а спортивный медиадискурс – как субдискурс спортивного дискурса» [12, с. 27]. Ядро спортивного дискурса составляет общение базовых участников спорта как социального института: профессиональных (спортсмены, тренеры, судьи и пр.) и «полупрофессиональных» (спортивные врачи, менеджеры, массажисты и др.) – с целью успешного осуществления спортивной деятельности и достижения спортивных результатов. Ближняя периферия – это спортивно-учебный дискурс преподавателей специализированных дисциплин, спортивно-научный дискурс учёных, разрабатывающих методики достижения наивысших спортивных результатов, а также спортивный медиадискурс журналистов, которые информируют непрофессионалов о событиях в спортивной сфере и популяризируют спорт. Дальняя периферия спортивного дискурса – это лишь косвенно связанная со спортивными событиями коммуникация широкого круга участников: общение болельщиков, их комментарии к видеозаписям соревнований, воспоминания спортсменов [12, с. 27–29].

Как подчёркивает Е. Малышева, особенность спортивного дискурса «во многом определяется именно характеристиками медиадискурса, прежде всего массмедийностью, которая определяется устойчивой связью с аудиторией и зависимостью от технических средств передачи информации» [7, с. 20]. Поэтому для описания коммуникации в сфере спорта часто используют и термин медиаспорт.

Общепринятым считается тот факт, что спортивный дискурс обладает как общими характеристиками медиадискурса, обусловленными каналами передачи информации, так и собственными дискурсивными признаками, в первую очередь тематикой общения.

По мнению А. Зильберта, в масс-медийной сфере дискурс можно считать спортивным тогда, когда в общении, состоящем «из трёх элементов коммуникации – субъекта, объекта и содержания общения – достаточно спортивного содержания» [4, с. 111].

Исходя из этого положения, Е. Малышева говорит о полевой структуре спортивного дискурса. Его ядерная зона – это журналистский спортивный дискурс, потому что именно в нём содержится тематическая и жанрово-стилевая специфика спортивного дискурса, а также его институциональный характер. Периферийной зоной спортивного дискурса являются дискурсы спортсменов и тренеров, спортивных чиновников, фанатов и под., при условии, что в сфере медиакommunikации их речемыслительная деятельность связана со спортивной тематикой [8, с. 21–23].

Субъектом спортивного медиадискурса может быть любой пишущий в СМИ на темы спорта. Базовые участники спортивного медиадискурса – это журналист и массовый читатель / слушатель / зритель. Основной целью спортивного медиадискурса является описание, объяснение, оценка спортивных событий. Исследователи К. Пантеева, Н. Пром называют и сопутствующие цели: формировать положительный имидж спорта, создавать определённое отношение к спортсменам и спортивным событиям, поддерживать интерес общества к спорту и расширять аудиторию, привлекать внимание к проблемам в сфере спорта [12, с. 30], придавать информации о спортивных событиях развлекательную форму [13, с. 8].

Повышенным интересом к спорту объясняется большое количество спортивных медиа не только федерального, но и регионального уровня. Не являются исключением и крымские СМИ. Спортивной тематике посвящены интернет-сайты, передачи на телевидении и радио, рубрики в газетах.

Среди крымских медиа, пишущих о спорте, есть как специализированные издания, например сайты Министерства спорта Крыма, спортивных организаций, федераций, учебных заведений, сайт «Крымский спорт», так и неспециализированные: интернет-медиа, к примеру, новостной портал Вести Крым, Лента новостей Крыма; печатные издания, среди которых региональный еженедельник «Московский комсомолец в Крыму», «Крымская правда», «Крымская газета», «Крымские известия»; телеканалы и радио: «Крым 24» (спортивная редакция), «Вести ТВ», «Радио Крым».

Как следует из информации в крымских СМИ, в регионе активно функционирует более 130 видов спорта. Приказом Министерства спорта Российской Федерации «Об утверждении перечня базовых видов спорта» в приоритетные отобраны наиболее популярные и развитые в Крыму виды спорта. Среди олимпийских видов спорта это футбол, баскетбол, хоккей на траве, бейсбол, софтбол, спортивная борьба, каратэ, дзюдо, бокс, велосипедный спорт, парусный спорт, гребной спорт, легкая атлетика, тяжелая атлетика, теннис, настольный теннис, пулевая стрельба, скалолазание, художественная гимнастика. В список базовых включены и другие традиционные для Крыма виды спорта: акробатический рок-н-ролл, армрестлинг, кикбоксинг, самбо, спортивное ориентирование, шахматы, шашки, сумо, а также спорт глухих [9]. На их дальнейшее развитие и поддержку будут выделяться средства из федерального бюджета.

В Крыму активно развиваются олимпийские виды спорта, поэтому и уделяют им наибольшее внимание как специализированные, так и неспециализированные СМИ, освещая международные, федеральные, региональные и районные соревнования. Самую полную информацию о спортивной жизни в Крыму можно узнать на сайте «Крымский спорт».

Освещение в медиа спортивных событий обеспечивает их информационную поддержку, вследствие чего крымский спорт получает новые возможности для развития. При этом спортивные СМИ Крыма формируют целевую аудиторию, активно участвующую в спортивной жизни региона.

Как известно, в деятельности журналиста определяющую роль играет информация. Это, как пишет С. Гуревич, предназначенная для читателей, телезрителей и радиослушателей социальная информация, обработанная особым образом в редакциях СМИ с целью облегчения её восприятия потребителями, усиления воздействия на них, а также быстрее её поступления к ним [3, с. 4].

Описаны требования, которым в современных условиях должна соответствовать информация. Это достоверность, точность, краткость, своевременность, понятность, доступность, полнота, ценность [1, с.34–35].

Спортивная информация связана со всеми аспектами спортивной деятельности. Эта информация преимущественно новостная и ориентирована «на сообщение аудитории результатов и подробностей завершившихся или проходящих соревнований» [1, с. 36].

Труд спортивного журналиста облегчен тем, что перед началом каждого года спортивные федерации по видам спорта составляют календарь соревнований с указанием времени и места проведения турниров и матчей. Поэтому журналисты в СМИ целенаправленно готовят аудиторию к восприятию таких фактов и тем самым формируют её ожидания. Следовательно, основу спортивной информации составляют факты, обладающие новизной. Основание, причину публикации в СМИ журналистского материала, право на его обнародование называют информационным поводом.

Исследователь спортивного медиадискурса К. Киуру считает информационным поводом тот элемент структуры обмена спортивной информацией, посредством которого проявляются и осознаются информационные запросы. Учёный предложил типологию основных информационных спортивных поводов из трёх составляющих: 1) спортивные соревнования; 2) спортивные пресс-конференции и брифинги; 3) спортивные интервью. В их рамках он выделил ещё нескольких самостоятельных инфоповодов [5].

В данном исследовании определяем информационный повод как событие или новость, наделенные особой значимостью и получившие освещение в СМИ. Особенностью информационного повода является то, что освещаемое событие может стать информационным поводом для другого материала в другом жанре.

Анализ исследуемых медиатекстов показал, что на специализированных сайтах информационными поводами становятся многие события, ситуации, явления в мире спорта, имеющие значение для читателей, зрителей или слушателей. Как уже отмечено, наибольшее количество публикаций посвящено олимпийским видам спорта и прежде всего футболу.

В рамках выделенного К. Киуру первого типа информационных поводов – спортивные соревнования – в крымских СМИ присутствуют такие самостоятельные инфоповоды:

– формирование состава команд / участников соревнований: *«Стартовал прием заявок на участие в футзальной "ПАРК Лиге Крыма" сезона-2021/22»* (23 ноября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/11123/>);

– жеребьёвка: *«Состоялась жеребьёвка 1/4 финала Кубка КФС-2021/22. Старт – уже 15 сентября»* (2 сентября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/10749/>);

– расписание поединков / изменения в расписании: *«Расписание поединков 19-го тура "вышки" и первых матчей 1/4 финала Кубка Симферопольского района по футболу-2021»* (2 сентября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/10756/>); *«Матч МФК "Капитан" – СК ФНС РК перенесен на 16 января»* (7 января 2022 г. <https://www.crimeansport.ru/park-liga-kryma/news/11294/>);

– анонс будущих матчей: *«Наш футбол: 12 марта состоится матчи 16-го тура Премьер-лиги КФС»* (11 марта 2022 г. <https://crimea.mk.ru/sport/2022/03/11/nash-futbol-12-marta-sostoyatsya-matchi-16go-tura-premerligi-kfs.html>);

– состав команды:

• формирование команды: *«Кызылташ» дозаявил двух экс-игроков «Фаворита-ВД Кафы» В новую команду – с новым именем»* (2 сентября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/10751/>);

• изменения в составе команды: *«Наставник ФК "Севастополь" присмотрел нового вратаря для сборной России Конкурент Гильерме?»* (12 сентября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/10796/>);

Поводы данного типа делятся на такие основные группы с последующим делением на подгруппы:

– по рангу соревнований с учетом географического критерия они бывают:

• всемирными: *«Крымские спортсмены завоевали медали чемпионата мира по ММА»* (1 февраля 2022 г. <https://www.mediayalta.ru/news/article/krymskie-sportsmeny-zavoevali-medali-chempionata-mira-po-mma>);

• континентальными: *«Российская "молодежка" с Даниилом Хлусевичем в составе побеждает испанцев»* (17 ноября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/11096/>);

- всероссийскими: «Крымский легкоатлет установил лучший результат сезона в России» (10 марта 2022 г. <https://msport.rk.gov.ru/ru/article/show/1813>);
- окружными: «Сборная Крыма по дзюдо отличилась на первенстве ЮФО среди юношей» (4 марта 2022 г. <https://msport.rk.gov.ru/ru/article/show/1812>);
- региональными: «Наши футбол: "ТСК-Таврия" одержала седьмую победу подряд» (20 марта 2022 г. <https://crimea.mk.ru/sport/2022/03/20/nash-futbol-tsktavriya-oderzhala-sedmuu-pobedu-podryad.html>);
- районными: «Сыграны первые полуфинальные матчи Кубка Симферопольского района по футболу-2021» (2 октября 2021 г. <https://simferopol.bezformata.com/listnews/krimskogo-futbolnogo-soyuza-1-2-finala/104389165/>).
По возрастным категориям участников соревнования могут быть:
 - для взрослых: «Наши футбол: "Севастополь" вырвал победу в добавленное время» (13 марта 2022 г. <https://crimea.mk.ru/sport/2022/03/13/nash-futbol-sevastopol-vyrval-pobedu-v-dobavlennoe-vremya.html>);
 - юниорские: «Крымские каратисты завоевали медали всероссийского турнира» (3 февраля 2022 г. <https://crimea-news.com/sport/2022/02/03/887545.html>);
 - юношеские: «Юные футболисты разыграли призы традиционного турнира «Крымская весна» (12 марта 2022 г. <https://crimea.mk.ru/sport/2022/03/12/yunye-futbolisty-razыgrali-prizy-tradicionnogo-turnira-krymskaya-vesna.html>);
 - детские: «Спортсмены из Крыма завоевали медали детской лиги «Локо дзюдо» (28 января 2022 г. <https://crimea-news.com/sport/2022/01/28/885499.html>).По ступеням соревнований они бывают:
 - промежуточные: «ФК "Севастополь" и ФК "Евпатория" проигрывают, но сохраняют лидерство» (11 сентября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/reviews/10794/>);
 - финальные: «Финал Кубка Симферопольского района по футболу-2021: триумф "Автомобилиста"!» (8 ноября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/reviews/11056/>);
 - результаты соревнований:
 - награждение победителей: «Фоторепортаж с награждения лауреатов футзального "ПАРК Кубка Крыма" сезона-2021/22» (5 декабря 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/pictures/11181/>);
 - индивидуальные достижения или неудачи спортсменов: «Андрей Кузьменко – лучший игрок 5-го тура футзальной «ПАРК Лиги Крыма» (3 марта 2022 г. <https://www.crimeansport.ru/park-liga-kryma/news/11540/>); «Волейбол – явно не для вратаря ФК "Евпатория". Все голы 5-го тура чемпионата премьер-лиги КФС-2021/22» (21 сентября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/10840/>);
 - дисквалификация спортсменов: «По году за драку: дисквалификация Михаила Баринова и Александра Акимова» (26 марта 2022 г. <https://www.crimeansport.ru/news/11637/>);
 - дисциплинарные решения: «КДК ФФСР строг, но справедлив» (19 ноября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/11108/>);
 - спортивная жизнь игроков: «Воспитанник Академии футбола Крыма стал игроком «Спартака» (14 марта 2022 г. <https://crimea.mk.ru/sport/2022/03/14/vospitannik-akademii-futbola-kryma-stal-igrokom-spartaka.html>).

Второй тип информационных поводов включает спортивные пресс-конференции и брифинги с участием самих спортсменов, а также тренеров, судей, спортивных чиновников и т.д.: «Пресс-конференция «Станет ли спорт нормой жизни» (обновлено:

12:47 22 декабря 2021 г. – РИА Новости Крым. <https://crimea.ria.ru/20211222/press-konferentsiya-stanet-li-sport-normoy-zhizni-1121763074.html>).

Третий тип информационных поводов – это спортивные интервью:

– интервью-мнение о планах на предстоящее соревнование: *«Павел Бурячек: «Главное – не перегореть и не допустить каких-то глупых ошибок»* (29 ноября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/interview/11148/>);

– интервью-мнение после соревнования: *«Александра Митина: Мечтаю прославить Крым в мире!»* (1 февраля 2022 г. <https://c-pravda.ru/news/2022-02-01/aleksandra-mitina-mechtayu-proslavit-krym-v-mire/>);

– события в личной жизни спортсменов: *«Якайфую в Крыму. Мост – невероятно, просто вау!» Первое интервью Хлусевича после перехода в «Спартак»* (29 декабря 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/interview/11274/>);

– награждение спортсменов за особые услуги: *«Борец Эмин Сефершаев отмечен почетным знаком «За заслуги перед Красногвардейским районом»* (11 апреля 2022 г. <https://www.crimeansport.ru/news/11725/>).

В региональной прессе для реципиентов являются значимыми и другие события и явления, которые становятся информационными поводами. Исследованные медиатексты позволяют расширить классификацию К. Киуру и выделить следующие информационные поводы:

– приезд представителей спортивных организаций: *«Первый замминистра спорта принял участие в подведении итогов «Года сельского футбола в Республике Крым»* (16 декабря 2021 г. <https://crimea-news.com/sport/2021/12/16/870964.html>);

– праздник спортивного клуба: *«Детско-юношеский спортивный клуб «Титан» по традиции спортивными соревнованиями отметил 41 годовщину своего союза»* (21 декабря 2021 г. <https://crimea-news.com/sport/2021/12/21/873111.html>);

– трагические события в спортивном мире: *«Умер легендарный руководитель крымского спорта Николай Гостев»* (Симферополь, 23 января 2022 г. – РИА Новости Крым. <https://crimea.ria.ru/20220123/umer-legendarnyy-rukovoditel-krymskogo-sporta-nikolay-gostev-1122131028.html>);

– спортивные объекты:

• реконструкция и подготовка к сезону спортивных объектов: *«Реконструированный ялтинский стадион "Авангард" откроют 1 мая»* (23 марта 2022 г. <https://www.crimeansport.ru/news/11628/>);

• открытие новых спортивных объектов: *«Новые спортивные площадки открыли для жителей Советского района»* (12 декабря 2021 г. <https://c-pravda.ru/news/2021-12-12/novye-sportivnye-ploshhadki-otkryli-dlya-zhitelej-sovetskogo-rajjona/>);

– массовые спортивные мероприятия: *«Первый семейный матч «Отцы и дети» проведут в Симферополе»* (16 октября 2021 г. <https://c-pravda.ru/news/2021-10-16/pervyj-seejnyj-match-otcy-i-deti-provedut-v-simferopole/>);

– социальные проекты и благотворительные акции: *«Крымчане смогут вернуть часть денег, потраченных на занятия спортом»* (8 апреля 2022 г. <https://rk.gov.ru/ru/article/show/15492>);

– обсуждение проблем спорта на уровне власти: *«6 декабря 2021г. состоится «Прямая линия» министра спорта Республики Крым с жителями Республики Крым. Встреча пройдет в формате «горячей линии»* (03 декабря 2021 г. <https://msport.rk.gov.ru/ru/article/show/1785>);

– технические вопросы в спортивной жизни команд:

- переименование команды: «Сокол» стал фарм-клубом «Триада-Monte». Футзальная «ПАРК Лига Крыма» сезона-2021/22» (27 января 2022 г. <https://www.crimeansport.ru/news/11378/>);

- экипировка команды: «У футбольной сборной КФУ – новая игровая форма. От строгого белого до страстного ярко-бордового» (7 октября 2021 г. <https://www.crimeansport.ru/news/10913/>);

- брендинг регионального спортивного объединения: «В Академии футбола Крыма показали новый талисман» (14 марта 2022 г. <https://crimea.mk.ru/sport/2022/03/14/v-akademii-futbola-kryma-pokazali-novyy-talisman.html>);

- кадровые изменения в спортивном руководстве: «Сергей Шерабоков – новый президент ФК «Рубин Ялта» (25 января 2022 г. <https://www.crimeansport.ru/news/11368/>);

- организационные мероприятия: «Представители Республики Крым приняли участие в заседании Совета Всероссийской федерации спорта лиц с поражением опорно-двигательного аппарата» (02 февраля 2022 г. <https://crimea-news.com/sport/2022/02/02/886990.html>);

- параспорт: «Крымские рукоборцы завоевали медали чемпионата России по пара-армрестлингу» (11 февраля 2022 г. <https://msport.rk.gov.ru/ru/article/show/180>).

ВЫВОДЫ

Таким образом, в исследованных крымских СМИ присутствуют как базовые информационные поводы, в рамках которых описаны самостоятельные инфоповоды, так и инфоповоды, характерные для региональных СМИ. Самостоятельные информационные поводы классифицированы на три группы. Первая группа поделена на подгруппы: формирование состава команд / участников соревнований, жеребьевка, расписание поединков / изменения в расписании, анонс будущих матчей, состав команды, ранг соревнований с учетом географического критерия, соревнования с учетом возрастных категорий участников, соревнования по ступеням. Ко второй группе отнесены спортивные пресс-конференции и брифинги. Третью группу информационных поводов составляют интервью. В ходе работы традиционная классификация расширена инфоповодами, характерными для региональных спортивных медиа, среди них праздник спортивного клуба, трагические события в спортивном мире, спортивные объекты, массовые спортивные мероприятия, социальные проекты и благотворительные акции, обсуждение проблем спорта на уровне власти, технические вопросы в спортивной жизни команд, кадровые изменения в спортивном руководстве, организационные мероприятия, параспорт. Перспективным представляется дальнейшее изучение особенностей формирования контента в крымском спортивном медиадискурсе.

Список литературы

1. Алексеев К. А., Ильченко С. Н. Основы спортивной журналистики. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 240 с.
2. Белютин Р. В. Семантические принципы организации спортивного дискурса (на материале немецкого языка) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. Языкознание. – 2012. – № 2. – С. 74–80.
3. Гуревич С. М. Экономика отечественных СМИ. – Москва: Аспект Пресс. – 2009. – 296 с.
4. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 103–112.

5. Киуру К. В. Типология информационных поводов в спортивной журналистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 5 (259). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 63. – С. 88–91.
6. Курilenko Н. А., Сердотецкий Ф. А. Спортивное вещание на Севастопольском телевидении: пути совершенствования // Идеи и новации. – 2017. – № 1 (7). – С. 248–263.
7. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. – Москва: Флинта, 2011. – 410 с.
8. Малышева Е. Г., Гриднев Н. А. Специфика гибридных жанров в журналистике (на материале публицистических текстов омского журналиста С. Н. Шкаева) // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 4 (6). – С. 111–122.
9. Министерство спорта Российской Федерации. Приказ от 26 декабря 2019 года N 1117 «Об утверждении перечня базовых видов спорта» (с изменениями на 13 июля 2021 года). – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/564162476> (Дата обращения: 18.01.2022).
10. Московчук, Д. К. Спортивная проблематика в газете «Крымская правда» // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Том 1 (67). – № 4. – 2015 г. – С. 36–40.
11. Найденкина А. И. Специфика программ о спорте на региональном телевидении. – Красноярск, 2017. – Режим доступа: <http://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/34201> (Дата обращения: 17.03.2022).
12. Пантеева К. В. Косвенная оценка в спортивном медиадискурсе: проблемы идентификации и интерпретации. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Саратов, 2021. – 218 с. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2021/04/12/dissertaciya_panteeyov.pdf (Дата обращения: 23.03.2022).
13. Пром Н. А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект. Авторефдисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2011. – 23 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/sovremennyj-gazetnyj-sportivnyj-reportazh-zhanrovo-stilisticheskij-aspekt.html> (Дата обращения: 16.01.2022).
14. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса. Авторефдисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Вологда, 2008. – 25 с. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003454557?page=2&rotate=0&theme=white> (Дата обращения: 15.03.2022).

References

1. Alekseev K. A., Il'chenko S. N. *Osnovy sportivnoi zhurnalistiki* [Fundamentals of sports journalism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2016. 240 p.
2. Belyutin R. V. *Semanticheskie printsipy organizatsii sportivnogo diskursa (na material nemetskogo yazyka)* [Semantic principles of organization of sports discourse (based on the German language)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki. Yazykoznanie*, 2012, no 2, pp. 74–80.
3. Gurevich S. M. *Ekonomika otechestvennykh SMI* [Economics of domestic media]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009. 296 p.
4. Zil'bert A. B. *Sportivnyi diskurs: tochki peresecheniya s drugimi diskursami (problem intertekstual'nosti)* [Sports discourse: points of intersection with other discourses (problems of intertextuality)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statei / man. ed. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov*. Moscow, MAKS Press Publ., 2001, issue. 19, pp. 103–112.
5. Kiuru K. V. *Tipologiya informatsionnykh povodov v sportivnoi zhurnalistike* [Typology of informational occasions in sports journalism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedenie*, 2012, no 5 (259), issue. 63, pp. 88–91.
6. Kurilenko N. A., Serdotetskii F. A. *Sportivnoe veshchanie na Sevastopol'skom televidenii: puti sovershenstvovaniya* [Sports broadcasting on Sevastopol television: ways to improve]. *Idey inovatsii*. 2017, no 1 (7), pp. 248–263.
7. Malysheva E. G. *Russkii sportivnyi diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguistic and cognitive research]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 410 p.
8. Malysheva E. G., Gridnev N. A. *Spetsifika gibridnykh zhanrov v zhurnalistike (na material publitsisticheskikh tekstov omского zhurnalista S. N. Shkaeva)* [Specificity of hybrid genres in journalism (on the material of

- journalistic texts of the Omsk journalist S. N. Shkaev)]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2015, no 4 (6), pp. 111–122.
9. *Ministerstvo sporta Rossiiskoi Federatsii. Prikaz ot 26 dekabrya 2019 goda N 1117 «Ob utverzhdenii perechnya bazovykh vidov sporta» (s izmeneniyamina 13 iyulya 2021 goda)* [Ministry of Sports of the Russian Federation. Order of December 26, 2019 N 1117 "On approval of the list of basic sports" (as amended on July 13, 2021)]. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/564162476> (accessed 18 January 2022).
 10. Moskovchuk, D. K. *Sportivnaya problematika v gazete «Krymskaja pravda»* [Sports issues in the newspaper «Krymskaya Pravda»]. *Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no 4, pp. 36–40.
 11. Naidenkina A. I. *Spetsifika programm o sporte na regional'nom televidenii* [The specifics of sports programs on regional television]. Krasnoyarsk, 2017. Available from: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/34201> (accessed 17 March 2022).
 12. Panteeva K. V. *Kosvennaya otsenka v sportivnom mediadiskurse: problem identifikatsii i interpretatsii: Dis. ... kand.filol. nauk* [Indirect evaluation in sports media discourse: problems of identification and interpretation. Thesis]. Saratov, 2021. 218 p. Available from: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2021/04/12/dissertaciya_panteevoy.pdf (accessed: 23 March 2022).
 13. Prom N. A. *Sovremennyi gazetnyi sportivnyi reportazh: zhanrovo-stilisticheskii aspekt: Avtoref diss. ... kand.filol. nauk* [Modern newspaper sports reporting: genre and stylistic aspect. Abstract of thesis]. Volgograd, 2011. 23 p. Available from: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/sovremennyy-gazetnyj-sportivnyj-reportazh-zhanrovo-stilisticheskij-aspekt.html> (accessed 16 January 2022).
 14. Snyatkov K. V. *Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa: Avtoref diss. ... kand.filol. nauk* [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse. Abstract of thesis]. Vologda, 2008. 25 p. Available from: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003454557?page=2&rotate=0&theme=white> (accessed 15.03.2022).

INFORMATIONAL REASONS IN THE CRIMEAN SPORTS MEDIA¹

Achilova E. L., Kondratskaya V. L.

The article presents a typology of informational occasions, that is, the grounds for publishing journalistic material in the media, in the regional sports media discourse. Many events, situations, phenomena in the world of sports that are important for readers, spectators or listeners become informational occasions. The basic information occasions are sports competitions, sports press conferences and briefings, sports interviews. The analysis of the Crimean media made it possible to identify other independent grounds for publication within the framework of basic informational reasons: the formation of the teams / participants in the competition, the draw, the schedule of fights / changes in the schedule, the announcement of future matches, the team line-up; results of competitions: rewarding of winners, individual achievements or failures of sportspersons, disqualification of sportspersons, disciplinary decisions, sports life of sportsperson; interview-opinion about plans for the upcoming competition, interview-opinion after the competition, events in the personal life of sportsperson, rewarding sportsperson for special services. The studied media texts allow expanding the framework of informational occasions. The basis for publications are: the arrival of representatives of sports organizations; sports club celebration; tragic events in the sports world; sports objects; mass sports events; social projects and charity events; discussion of sports problems at the government level; technical issues in the sports life of teams; personnel changes in sports management; organizational measures; parasport.

Keywords: sports media discourse, mass information, regional media, information occasion.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

УДК 304.2+070 (091)+82.0

STORY & HISTORY: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ ЭПИДЕМИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И МЕДИАТЕКСТЕ

Булгакова А. А.

*УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно, Беларусь
E-mail: abulgakova@inbox.ru*

В статье рассматриваются транслируемые нарративы пандемии COVID-19 как разновидность общего нарратива катастрофы. Высказывается точка зрения о том, что единство контекста и события, а также множественность точек зрения людей на него обеспечивают объединение нарративов как различных индивидуальных картин мира в метанарратив пандемии. Констатируется тот факт, что данное событие является центральным в повестке дня мировых СМИ, следовательно, влияет на структуру и содержание информационных программ и печатных изданий. Выясняется, что контент традиционных медиа и социальных сетей периода пандемии можно свести к ограниченному числу концептуальных нарративов, определяющих специфику прошлого, настоящего и будущего данного события, а также реакцию людей на него как на травмирующее. Пандемия рассматривается как неожиданное, неординарное событие, осмысливаемое в виде микроисторий, представляющих разнообразие взглядов, целей и ценностей. Их совокупность и создает целостный образ. Предполагается, что тексты, создаваемые в данной коммуникативной ситуации (публикации в СМИ, индивидуальных блогах и сетевых сообществах, художественные тексты и нон-фикшн), обладают проблемно-тематической, идейной, образно-мотивной схожестью. На примере анализа контента СМИ, социальных сетей, а также фильма С. Содерберга «Заражение» и романа А. Камю «Чума» прослеживаются связи между медиа- и художественными текстами, обнаруживается, что развитие события и логика действий его акторов во многом совпадает с хорошо известными, представленными в литературных и кинопроизведениях схемами.

Ключевые слова: нарратив, медианарратив, катастрофа, эпидемия, пандемия COVID-19, художественный текст, медиатекст.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования нарративов обусловлена пониманием важности обращения к отдельной личности, создающей Я-тексты и представляющей индивидуальное видение и переживание события: люди не только «обращают внимание и запоминают истории», но и «изменяются под их воздействием» [15]. Изучение повествования о событии позволяет оценить ситуацию, понять произошедшее с точки зрения смыслов, ценностей, мотивов и целеполагания участников.

Опираясь на классические труды в области нарратологии (В. Шмид, Ж. Женетт, Ц. Тодоров, А. Тюпа, П. Рикер и др.), мы рассматриваем нарратив с точки зрения гносеологии – как тип освоения и представления окружающего мира через последовательность событий, поданную с определенного ракурса повествователя; с точки зрения механизмов текстопорождения – как структурированную историю, открытую для интерпретаций, автор которой использует различные семиотические средства в качестве ресурса для коммуникации; с позиций коммуникативистики – как высказывание, в котором присутствуют и событие, о котором идет речь, и «событие самого высказывания» [1, с. 403], то есть складывается определенная коммуникативная ситуация.

Нарратив, по мнению Д. Хермана, характеризуется ситуативностью (повествование «должно находиться и интерпретироваться в пределах конкретного дискурсивного контекста или повода для рассказа (occasion for telling)» [17, с. 9]), структурированностью («отражает структурированный временной ход отдельных событий» [17, с. 9]), нарушением равновесия и восстановлением мира («события таковы, что вносят дисбаланс или нарушение равновесия в мир истории (storyworld), реальный или вымышленный» [17, с. 9]), представлением последствий события («нарративная репрезентация передает опыт проживания истории, разворачивающейся во времени, оказывая влияние на сознание, на которое воздействуют данные обстоятельства» [17, с. 9]), то есть некоего опыта, который дает ответ на вопрос «на что это похоже?».

Когда мы говорим о нарративах катастрофы, то имеем в виду истории, зафиксированные свидетельства о событии и о его последствиях. Они важны, так как, во-первых, помогают людям справиться с внутренними переживаниями (делясь новым опытом и впечатлениями, человек проживает событие, таким образом снимая травму, нанесенную им), во-вторых, «способны легитимизировать и делегитимизировать существующий политический дискурс» [8, с. 253], в-третьих, могут влиять на реальные действия и определять векторы дальнейшего развития события.

Нарратив катастрофы рассматривают как «описание как единичного и уникального события, порождающего экстренность (breaking-news) в СМИ» [14]. Так как в настоящее время популярной коммуникационной платформой выступают также социальные сети, транслирующие как индивидуальные (личные блоги), так и групповые (сообщества) переживания событий, данная площадка также может рассматриваться как сфера трансляции нарративов.

Общий контекст (исторический, социокультурный, политический и др.), то есть схожесть условий повествования, и единое центральное событие, вокруг которого истории разворачиваются, образуют определенную коммуникативную ситуацию и могут обуславливать объединение нарративов (разных картин мира) в *метанарратив*. По нашему мнению, он может представлять собой структуру, характеризующуюся повествовательным единством; комплекс текстов, обладающих внутренней и внешней целостностью (проблемно-тематической, идейной, образно-мотивной).

Пандемия COVID-19, охватившая мир в 2020 г., вызвала важные трансформационные процессы, которые были запущены ранее, но активизировались именно в связи с возникновением реальной угрозы жизни. Именно пандемия как «великая перезагрузка» (К. Шваб, Т. Маллере), стимулирующая преобразования в социальной, экономической, политической, культурной, технологической, коммуникационной и других сферах, по мнению ученых, оказала влияние на мировой порядок и начала формирование так называемой «новой нормальности» (Ф. Закария, А. Попова и др.).

Мы являемся свидетелями того, как пандемия изменяет повседневность человека, вынуждая приспосабливаться к существованию в условиях «закрытого» физически (социальная дистанция, закрытые границы), но открытого виртуально мира (виртуальные туры по городам, музеям, оцифрованные произведения искусства, онлайн-концерты и др.). *Изоляция* становится одним из ключевых понятий пандемийного дискурса, не только маркирующим ограничение внешних контактов и передвижения человека, но и выступающим одной из причин замены «живой», прямой коммуникации цифровой, опосредованной. *Цифровизация* проходит ускоренными темпами, при этом становится очевидной «неконтролируемая потребность в информации» [2], возрастает зависимость

социума от гаджетов и информационной картины мира. Явно выражена «медикизация» общества [9], рост интереса к медицинской (санитарно-гигиенической, биотехнологической, фармацевтической и т. п.) тематике и проблематике. Фактором, доказывающим важность пандемийного дискурса, является появление в интернет-изданиях и онлайн-версиях СМИ тематической вкладки «Коронавирус»/«Пандемия коронавируса»/«COVID-19»/«Health» и т. п., занимающей равное положение с неизменно присутствующими и освещаемыми в масс-медиа сферами политики, экономики, культуры, спорта и др. (РБК, «Комсомольская правда», CNN, BBC, «The Washington Post», «The Guardian», «Al Jazeera» и т. д.).

Таким образом, перед нами катастрофа, экстраординарное событие тотального характера, беспрецедентное как по количеству его участников, так и по многообразию последствий. В силу масштабности и значимости для человечества оно обладает потенциалом к созданию новых нарративов и, возможно, следует говорить о развитии метанарратива пандемии COVID-19 как особой разновидности апокалипсического метанарратива.

Осмысление пандемии и ее репрезентация в медиатекстах позволяет говорить о сосуществовании локальных нарративов, составляющих ядро и периферию пандемического метанарратива и выступающих механизмом трансляции норм и ценностей, ключевых концептов и символов, на основе которых происходят изменения не только в повседневности, но в целом в картине мира человека. В поле нашего зрения попадают не только *новостные тексты* (освещению катастрофических событий, как правило, свойствен нарративный принцип подачи информации), но и *цифровые следы*, оставленные в медиaprостранстве, а также связанные с ними *художественные тексты* (литературные и кинотексты).

Необходимо отметить активное взаимодействие художественного и медийного дискурсов в период пандемии: так, следствием возросшего интереса к отдельной личности, судьбам «обычных» людей и «героев», взглядам на катастрофу значимых персон – лидеров мнений – является рост интереса к литературе факта. В то же время медиатексты становятся более открытыми для интерпретаций («многослойными», насыщенными символами), используют модели организации драматического текста (интрига, нарушение привычного положения дел в мире, взаимодействие сил хаоса и порядка, конфликт, неожиданный поворот, герои и антигерои и др.), средства выразительности и создания образности, характерные для художественных текстов, в качестве инструмента воздействия на общественное сознание.

Журналисты конструируют событие по известным им моделям, в том числе художественным, создавая «особую смысловую реальность, аналогичную миру художественных произведений» [10, с. 50], кодируя его. Зритель (читатель) его декодирует в соответствии со своим бэкграундом, картиной мира, соотнося с известными ему историями, с которыми он себя идентифицирует и которые отражают общие схемы восприятия явлений.

Восприятие новостной репрезентации события зачастую подобно восприятию художественного текста. Художественный мир в сознании людей нередко смешивается с действительностью вследствие неординарности, неожиданности и непредсказуемости пандемии, с которой современный человек был знаком только как с центральным событием фантастического произведения. Модели поведения героев книг и фильмов схожи с моделями/сценариями поведения в реальном мире и в ряде случаев становятся образцами для действий.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Обратимся к историям, которые представляют различные взгляды на ситуацию распространения коронавируса. В качестве материала будем использовать публикации в СМИ (онлайн-версиях «Известия», «РИА Новости», «Комсомольская правда», «ВВС», «The Washington Post», «The Guardian», «The New York Times» и др., интернет-изданиях «Нож» и др.) и тексты, представленные в сообществах и индивидуальных блогах в социальных сетях. Выделяя основные медианарративы, будем делать отсылки к художественной реальности, созданной А. Камю в книге «Чума» (1947) и С. Содербергом в киноленте «Заражение» (2001).

В соответствии с темпоральными характеристиками транслируемые нарративы можно объединить по группам. Так, «*настоящее*» представлено нарративами оптимистического и пессимистического сценариев, отрицания, запугивания. К этой же группе, на наш взгляд, следует отнести нарративы сравнения, героев и антигероев, травмы, объединения нации, недоверия к официальным источникам, изоляции и коррелирующие с ними нарративы фрустрации, эпидемии как войны, «сухие факты» и «ожившие сценарии». Отсылки к «*прошлому*» события выступают основой для объединения нарративов преступления (поиск виновников) и наказания (научное обоснование и религиозный мотив «судного дня»), а также возникновения конспирологического нарратива. Ориентация на «*будущее*» проявляется в таких нарративах, как «новые возможности» и «постковидный мир».

Данные нарративы, определяющие репрезентацию пандемии коронавируса в медиапространстве, коррелируют с теорией Э. Кюблер-Росс [6]: исследователь предложила описание защитного механизма психики человека информацию о приближающейся смерти как последовательной смены пяти основных эмоциональных состояний. Она назвала их стадиями отрицания, гнева, торга, депрессии и принятия.

Так, нарративы отрицания, оптимистического сценария и конспирологический нарратив соотносятся с первой стадией («со мной этого не случится», «вируса не существует», «это обычный грипп», «это выдумка фармацевтов» и т. п.). Нарративы преступления и наказания, нелегитимности действий властей – со стадией гнева («они не имеют права», «китайцы виноваты, почему должны страдать мы все?», «незаконно закрывать нас в домах» и др.). Стадия торга проявляется в медицинском и санитарно-гигиеническом нарративе, нарративах изоляции, эпидемии как войны. Нарративы пессимистического сценария, недоверия к официальным источникам возникают на стадии депрессии, а нарративы, ориентированные на организацию контроля над эпидемией, формирование алгоритма действий в данной ситуации, поиск положительных сторон, то есть на будущее («постковидный мир», «новые возможности»), отражают стадию принятия проблемы (основной месседж таких историй – «надо учиться с этим жить»).

Природа нарратива **отрицания** состоит в неприятии человеком произошедшего события, а вместе с ним и самой реальности, и строится на утверждении отсутствия коронавируса как такового («это обычный грипп», «нас опять обманывают» и др.), его безопасности для человека («в вирусе нет никакой опасности», «бояться нечего» и т. п.) и быстром исчезновении («ковида давным-давно уже нет»), которые основаны на субъективных точках зрения, догадках, информации из недостоверных источников и способствуют формированию ложного чувства безопасности.

На начальной стадии репрезентации коронавируса в медиапространстве возникает нарратив **оптимистического сценария**, обусловленный осознанием дистанции между

Китаем и другими странами («это далеко», «вирус не доберется»), пониманием особенностей азиатского региона («там всегда болеют»), проведением аналогий между возникновением схожих вирусов и их дальнейшим распространением и исчезновением («нас уже пугали MERS и SARS»), восприятием себя в оппозиции к другим («со мной этого не произойдет»; «заразятся другие, но не я»).

В фильме С. Содерберга «Заражение», который считают своего рода пророческим, такой нарратив транслируют представители администрации города, предпочитая не распространять информацию (даже достоверную) об угрозе, чтобы «не запугивать народ» и не провоцировать панику («А как люди воспримут это?»). Они действуют, надеясь на скорое разрешение проблемы и основываясь на предыдущем опыте («Мы так со свиным гриппом здоровых людей просто запугали»), а также защищая интересы бизнес-сообщества и городских властей («В эти выходные грандиозные распродажи»; «А кто будет сидеть дома с детьми?»).

Обратившись к роману А. Камю (цитирование осуществляется по следующему изданию [3]), находим там развитие подобного нарратива: экстраординарный характер события приводит к тому, что рассказчик-врач начинает сомневаться в воспринимаемой им реальности. Отрицание болезни или оптимистичное к ней отношение («все обойдется, быстро закончится») характеризует поведение многих героев романа: один из докторов высказывается о немыслимости вспышки чумы, префект также уверен в ложности тревоги, Ришар просит «не сгущать краски», Жан Гарру, господин Отон и множество других людей своим поведением показывают безразличие к болезни («так же ходил в зал ресторана, сидел за столик первым»; «по-прежнему они бродили по улицам, по-прежнему часами просиживали на террасах кафе»). Риэ в начале повествования также транслирует подобную позицию («Ну, это не может продлиться долго, слишком это глупо»; «заразятся люди, которые пренебрегают мерам предосторожности»), однако при этом внутренне осознает ложность подобных суждений («так люди обычно говорят о войне»), объясняя их фрустрацией, внесением болезнью неупорядоченности и неопределенности в повседневную жизнь горожан («большинство страдало, в сущности, от нарушения своих привычек или от ущемления своих деловых интересов», но считало это «неудобством временного порядка»). С нарративом оптимистического сценария коррелирует и позиция властей – не будоражить общественное мнение, сохранять спокойствие, не поднимать тревогу.

Данный нарратив обнаруживает взаимосвязь с нарративом «*сухих фактов*». И хотя само по себе число абстрактно и мало информативно, пока за ними не стоит конкретный человек, оно дистанцирует участников от события, отвлекает от реальности (Риэ «старался заглушить тревогу подсчетами... и выявлением возможной ошибки в них») и выступают в определенной степени показателем открытости властей (хотя в ряде случаев недоверие к последним приводит к дискредитации статистики, и в этом контексте цифры выглядят ненадежно) и позволяют делать выводы на основании сравнения.

Нарратив *сравнения* разворачивается в нескольких направлениях: сопоставление действий правительств разных стран, научных открытий, количественных показателей динамики эпидемии, сравнение пандемии коронавируса с другими катастрофами биологического или техногенного характера и т. п. В ситуации неопределенности человек обращается к историческому опыту, который дает надежду на то, что ситуация с коронавирусом носит временный характер и не является уникальной, или художественным текстам (возникает нарратив *ожившие сценарии*, основанный на поиске совпадений в характере события и его динамики с сюжетами литературных и

кинопроизведений). Кроме того, констатация того, что подобное уже случались в истории, служит аргументом в пользу доказательства реального существования пандемии коронавируса (аналогично тому, как в романе А. Камю Бернер Риэ, вспоминая случившиеся когда-то, подтвержденные и зафиксированные вспышки чумы в Афинах, Яффе, Лондоне, Милане, все больше осознает реальность появления данной болезни в Оране).

В медиапространстве частотны нарративы сравнения с исторически схожими событиями (чумой, лепрой, холерой: «Ковид-ХІХ», «Карантин как политический феномен: кто и зачем подвергает изоляции людей и вещи»), поведением в данной ситуации (как правило, через истории представителей отдельных социальных групп: «Немецкий студент – о том, как пережил вторую волну пандемии», «Как Германия ограничивала свободы своих граждан во время пандемии», «Западное образование у условиях ковида: дорогостоящее и бессмысленное»), предсказания на основе сопоставления хода течения пандемии коронавируса со схожими событиями, представленными в книгах и фильмах («Как апокалиптические фантазии помогают приспособливаться к пандемии», «Что общего у вакцинации с ритуальной практикой» и др.).

Пессимистический сценарий развития пандемии, пришедший на смену отрицанию события после того, как оно коснулось большинства лично и число жертв стало выглядеть более значительным (как это произошло в романе «Чума», когда жителям Орана «пришлось срочно пересматривать свои представления о мире»), также разворачивается в особый нарратив. Нарастает тревожность, возникают панические настроения, связанные с введением карантина и изоляции, а также пониманием экономических последствий локдаунов («Страх делать прогнозы. Крах мужества, терпения, воли»), страхом перед заражением.

С данным нарративом коррелирует нарратив **запугивания**, который наиболее активно получает развитие в блогах, где история расширяется и продолжается за счет многочисленных комментариев. Паника и страх снижают возможность рациональных суждений, вследствие чего развиваются инвективные нарративы **преступления и наказания, легитимности / нелегитимности действия властей, недоверия**, которые подкрепляются **конспирологическим** нарративом. Недоверие к официальным источникам информации влечет обращение к альтернативным, религии и мифологии. Состояние фрустрации порождает интерес к эсхатологии и актуализации мифов о гибели и возрождении, защиты и спасения.

В художественных и кинотекстах показано, как данные нарративы усиливает паника: появляется страх перед медиками («Не желаю, чтобы они на нем опыты делали»), порой разрастающийся до безумия (люди скрывают зараженных и симптомы, препятствуют лечению, вследствие экономического кризиса усиливается девиантное поведение) и обуславливающий обращение к непроверенным средствам (у Камю это «мятные лепешечки» и спиртное, в «Заражении» – «фарсития»), распространяются прорицания в духе Апокалипсиса, основанные на толковании (как правило, весьма вольном) книг святых и пророков («каждое из которых можно было без труда применить к нашему городу и до того путаные, что любой мог толковать их»), звучат обвинения в адрес властей, начинается поиск виновников (абстрактных (неуправляемых) – климат, погода, конкретных – власти, журналист, врачи, жители-грешники и т. д.). Обвинение церковь горожан в заболевании смертельным вирусом не снимает напряженности:

«Ощущение темноты стало сильнее, страх тоже» – так же, как и поиск виновника распространения чумы.

Изоляция выступает причиной возникновения множества нарративов. Закрытие границ, ограничение свободы передвижения – все это не только повлияло на состояние человека, но и сформировало уникальную среду жизнедеятельности (сузило мир до изолированного физически дома, квартиры, комнаты) и соответственно особенный сеттинг художественных текстов. С изоляцией связан уникальный топос пустого города (город – изначально огражденное, то есть защищенное, заполненное, очеловеченное пространство жизни, противопоставленное враждебному, пустому, чуждому, - преобразуется, его роль меняется – он становится источником болезни), один из ключевых в медиа 2020 г. и представленный в большинстве кинокартин, повествующих о распространении вирусов (опустевшие аэропорты, школы, парки, разграбленные магазины – таков урбанистический пейзаж фильма «Заражение»).

В формировании медиаобраза пандемии коронавируса играют большую роль следующие нарративы: *пессимистический сценарий* (постоянное ожидание новых штаммов, волн, смертей: «Мы вошли в эпоху пессимизма, ничто больше не кажется стабильным»; истории о том, как «вирус не выбирает жертв» и заражает даже самых подготовленных людей); *нарратив фрустрации и тревоги* (представление паники как одного из симптомов коронавируса, истории людей с навязчивыми состояниями, подтверждающие отсутствие безопасного места в мире: «Столкнувшись с финансовой нестабильностью, я почувствовал себя подавленным, меня охватила тревога. Я постоянно чувствовал разочарование и подавленность», «50% американцев испытывают стресс из-за пандемии», «В Японии появился министр по одиночеству из-за высокого числа самоубийств в пандемию»); *нарратив запугивания* (гиперболизация санитарно-гигиенического дискурса, актуализация угроз вследствие высоких темпов цифровизации и перехода на удаленную работу, образ события как «репетиции конца света»), связанный в том числе с поиском виновников пандемии («Природа отправила смертельный вирус, чтобы избавиться от человечества», «Гений и злодейство Билла Гейтса», «Рукотворный вирус? Почему в пандемии не виноваты безумные ученые», «Виноваты в эпидемии не отдельные люди или государства, а вообще вся мировая система потребительской эксплуатации природы» и др.). В историях доминирует нарративная модальность убеждения.

Одним из самых распространенных и опасных для общественного сознания выступает конспирологический нарратив, составляющий основу большинства «фейковых» новостей. Их количество достаточно велико, что объясняется масштабностью и важностью события, при медиатизации которого неизбежны манипуляции с данными и образование многочисленных «фейковых» сюжетов (мир увидел опасность «инфодемии», использования фейк ньюз в качестве инструмента информационной войны).

Теории заговоров для обывателей хороши тем, что дают простое и понятное объяснение нестандартным событиям и создают иллюзию контроля над сложившейся непростой ситуацией. С этим связана также вера людей в дезинформацию и даже намеренное обращение к источникам с вымышленными сюжетами (о чем свидетельствует количество подписчиков в ответствующих группах в соцсетях и их активность), в том числе художественным произведениям.

Следует отметить, что конспирологический нарратив активно развивали крупные международные и национальные СМИ, создающие *героев и антигероев* эпохи. Желание

найти ответственных за катастрофу и тем снизить социальное напряжение оборачивается поиском «злодеев» (таковым, к примеру, становятся главы корпораций (Билл Гейтс), правители государств (Дональд Трамп, Борис Джонсон, Педро Санчес и др.) и локальные управленцы («карантинные губернаторы»), действия которых направлены, по мнению людей, не на общественное благо, а на реализацию личных амбиций, пранкеры, мошенники и киберпреступники, в ряде случаев народы в целом – известно, что пандемия спровоцировала всплеск синофобии.

Показательна получившая широкое распространение история Лоуренса Миддлбрука, арестованного за распространение в соцсетях роликов, рекламирующих средство для профилактики ковида и чудодейственную сыворотку для его лечения (количество их просмотров превысило миллион) [11]. Действия Миддлбрука аналогичны поведению блогера Алана Крумвьеде, героя кинокартины «Заражение», который занимается дезинформацией населения и накапливает символический и финансовый капиталы. Его типаж является обобщенным образом аморального мошенника, извлекающего выгоду из катастрофы, подобно персонажу «Чумы» Коттару, улучшающему финансовое состояние на продовольственном кризисе во время эпидемии в Ороне, или контрабандистам, нелегально переправляющим людей за пределы изолированного зараженного города.

Учитывая внезапность, распространенность и масштабность последствий пандемии, мы вполне можем говорить о ней как о травме. Нарратив *травмы* объединяет истории врачей, заболевших, их родственников, людей, потерявших близких, а также болезненно переживающих любые перемены в жизни (человек, осознавая с новой силой свою телесность, испытывает страх перед гибелью тела и вынужден отказаться от традиционного ритуального поведения – объятия, поцелуи, рукопожатия, – что еще раз подтверждает восприятие пандемии как травмы.

Как отмечают исследователи (Р. Айерман, Дж. Александер, А. Ассман, Л. Викрой, Д. М. Горвиц, Э.-Б. Гучинова, О. Мороз, Э. Мусаева, Е. Рождественская, В. А. Шнирельман и др.), данный нарратив, как правило, характерен для литературы послевоенного периода, но он вполне может возникать после или в период других катастроф, так как связан с вытеснением переживаний людей посредством создания текстов (перенесением в символическое пространство). Мы уже отмечали, что пандемия воспринимается как зло, соответственно, пережившие ее – как жертвы, у которых есть свои слушатели. Эти истории эмоционально окрашены («Тебя просто «рушит» куда-то в прошлое, в детство, с ощущением полной беспомощности, желания плакать. Хочется, чтобы тебя пожалели», – из воспоминаний врача О. Синявской; «Я прошел все круги ада, включая кому, ИВЛ, умерших соседей по палате и даже то, что моей семье успели сообщить: «Орлова не вытянут», – из дневника пациента М. Орлова; другие истории из групп в соцсетях).

Персонажи склонны персонифицировать зло, перекладывать вину за свое состояние на конкретных людей. Разными группами травма переживается по-разному (имеют значение жизненный опыт человека, изначальные установки, целеполагания). В любом случае обилие подобных историй свидетельствует о силе воздействия события на общественное сознание. Возможно, данный нарратив актуализируется и в «постковидном» мире, когда будут осмыслены последствия пандемии, векторы и степень трансформаций, обусловленных ею.

В историях о пандемии значительная роль отводится *героям*. Следует отметить процессы героизации врачей: отдельных персон типа Федерики Гроссо, онколога,

которая, будучи зараженной, перевелась в инфекционное отделение помогать больным, Ширин Рухани, которая после заражения продолжала оказывать помощь, Марчелло Наталли, что спасал других ценой собственной жизни, и обобщенных образов (во многих странах врачи признаны «героями года»), учреждены государственные награды в честь отличившихся), работающих в красной зоне (Г. Нарек «30 дней в красной зоне») и обычных отделениях.

Очевидно, что длительная работа врачей в тяжелых условиях, их физическая усталость и эмоциональное выгорание могут привести к ухудшению деятельности («Среди врачей и медсестер, работающих в коронавирусных госпиталях и отделениях, только 12,6% все еще “полны сил” и “ходят на работу с интересом”» [4]), изменению отношения к пациентам – их «расчеловечиванию», лишению субъектности («Практически все опрошенные медики (более 90%) полагают, что их усталость скажется или уже сказалась на пациентах. Так, 22,9% тех, кто работает с больными коронавирусом, и 18,9% их коллег в других направлениях медпомощи «истощены и стали более черствыми по отношению к пациентам». А 8,4% и 7,4% соответственно уже «не соперничают с пациентами»» [4]), что недопустимо во время пандемии. Как показал опрос, более половины респондентов наряду со снижением нагрузки и улучшением условий труда отметили необходимость «повышения общественного уважения к профессии», «благодарственных постеров, статей и сюжетов» о врачах. Кроме того, развитие темы «врачи – герои» в медиапространстве значительно повышает доверие населения к медицинским работникам и снижает общественную напряженность.

Повествование нередко разворачивается вокруг известных людей, пожертвовавших средства на лекарства и оснащение больниц (принц Чарльз, Д. Нагиев, К. Хабенский и др.), а также «простых» людей, поддерживающих врачей и больных (история английского горниста, играющего каждый вечер 130 дней, пока длился карантин), волонтеров (сайт «COVIDарность»), множество историй в медиа об особенностях работы волонтеров, их эмоциональном состоянии, о необходимости развития данного движения) и представителей отдельных профессий, рвунужденных работать и выживать в новых условиях (например, работники кладбищ, гиды и др.).

Сравнивая «героев» с образами книги Камю и фильма Содерберга, мы можем провести очевидные параллели: доктор Бернар Риэ – врачи Леонора Орантес и Эрин Мирс (персонажи-«деятели», прорабатывающие различные варианты действий даже тогда, когда их попытки безуспешны и когда моралисты утверждают, что «самое разумное – стать на колени», авторы противовирусных мер, организаторы карантинных, внесшие личный вклад в спасение жизней); организатор волонтерского движения Тарру, Рамбер и др.

В романе через организацию добровольных дружин транслируется идея необходимости единения людей, понимания того, что эпидемия – это всеобщая проблема: «Чума, став долгом для нескольких людей, явила собою то, чем была в действительности, а была она делом всех». Эту же идею использует сценарист С. Бернс, представляя отдельные истории частных, не связанных между собой людей с разных континентов.

Закономерно, что нарратив *укрепления национальной идентичности и объединения мира* перед лицом глобальной катастрофы является одним из основных в медиапространстве («Мы больше всего нуждаемся в сотрудничестве и солидарности» [16]; «Открытое письмо 200 представителей мира науки, кино и шоу-бизнеса» [18]; «Борьбу следует вести общими силами всех стран. Невзирая на все объективные

трудности и тем более – на чьи-либо политические амбиции. Поодиночке обречены на поражение все» [7]; «На обсуждение нет времени. Нужно отбросить все и объединить все человечество, чтобы остановить пандемию» [5].

Нарративы, обращенные к будущему, то есть к последствиям пандемии, представляют осмысление постковидного мира («*постковидный мир*», «*новые возможности*»). В основе лежит вероятностная картина мира, доминирует модальность мнения и предположения.

Новые возможности, которые дает пандемия, кладутся в основу историй об успешной адаптации к ситуации, достижениях в сфере науки и технологий, бизнес-кейсов. Повествование в первую очередь акцентирует положительные стороны явления (ускорение темпов цифровизации, развитие дистанционного образования, расширение культурного просвещения благодаря перемещению его в онлайн-среду и др.) и его мобилизующий эффект.

Нарратив «*постковидный мир*» основывается на оценке позитивных сдвигов (учет опыта пандемии и ее уроков: необходимость заботы каждым человеком о собственном здоровье, объединение нации, понимание важности сотрудничества между странами в различных областях, развитие медицины, биоинженерии, оздоровление экономики и т. д.) и негативных последствий (экологическая катастрофа, компьютерная зависимость, гендерное неравенство, риск тотального цифрового контроля над людьми и др.) коронавируса для понимания человеком мира, в котором ему предстоит существовать.

ВЫВОДЫ

Итак, проанализировав контент традиционных медиа, имеющий отношение к медиатопике «пандемия COVID-19», а также цифровые следы в социальных сетях, мы пришли к выводу о том, что, во-первых, характер пандемии как переживаемой человечеством катастрофы обуславливает возникновение ряда отдельных, взаимосвязанных внешне и внутренне концептуальных нарративов, описывающих динамику пандемии и так или иначе соотносящихся с этапами восприятия и принятия данного травмирующего сознание человека события.

Истории о пандемии COVID-19 репрезентируют множество картин мира (говоря о них, мы опираемся на исследование В. Тьюпы [12]): мифологическую, или императивную (апокалипсические сценарии, пессимистические прогнозы и др.), прецедентную (нарратив сравнения, «ожившие сценарии», «постковидный мир» и т. п.), окказиональную (нарратив преступления, нарратив героев и антигероев и др.), - что обуславливает множество звучащих голосов в едином смысловом поле. Не случайно журналист Ш. Кулкарни так говорит о сути сторителлинга в период пандемии: «Не рассказывать истории по-другому или в другом формате, но рассказывать *другие* истории. И этого не случится без внимания к точкам зрения, отличающихся от ваших, и их осмысления» [13]. Несмотря на лишь относительную самостоятельность историй, они обладают внутренней общностью – в результате складывается мегаистория COVID-19, которую можно назвать метанарративом пандемии.

Во-вторых, выделенные нами нарративы не статичны, они развиваются и сворачиваются с течением времени, модифицируются, могут выступать как ядерные или периферийные, что зависит от стадии развития события (ряд текстов может отражать пиковый интерес к происходящему, связанный, например, с начальной стадией возникновения вируса и его распространения, появления новых штаммов и локальных

вспышек, значимыми событиями вроде изобретения вакцины и др., другие же тексты представляют более спокойную стадию пандемии: особенности жизни в период «плато», когда разработаны протоколы лечения и идет вакцинация, выработан ряд санитарно-эпидемиологических мер и т. п.).

В-третьих, медианарративы, транслирующие понимание онтологической природы пандемии, аксиологические ориентиры участников события, ключевые концепты и символы, свидетельствующие об изменении повседневности человека и глубинных мировоззренческих трансформациях, также составляют основу художественных текстов (кино- и литературных), повествующих о катастрофах подобного характера. Медианарративы пандемии COVID-19 и нарративы катастрофы в художественных текстах обладают несомненной схожестью (на уровне характера коммуникативных ситуаций, контекста, действий акторов, их целеполагания и т. д.), что свидетельствует об опыте рефлексии над возможными подобными событиями и моделировании в сознании акторов хода пандемии по известным из книг / фильмов схемам.

Список литературы

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
2. *Дугин А.* Реальная смерть, символическая конспирология и воображаемое государство. Психоанализ пандемии от Александра Дугина и Жака Лакана // *Нож*. – 12 мая 2020. – Режим доступа: <https://knife.media/corona-lacan/>. – (Дата обращения: 10.06.2020).
3. *Камю А.* Чума. – М.: АСТ, 2005. – Режим доступа: http://loveread.ec/view_global.php?id=20081. – (Дата обращения: 20.12.2021).
4. *Костарнова Н.* Медицина просит помощи // *Коммерсант*. – 01.11.2021. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5060180>. – (Дата обращения: 13.01.2022).
5. *Красиенко Я.* Блогеры-антипрививочники устроили балаган в «красной» зоне // *Вести.ру*. – 27 ноября 2021. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2645354>. – (Дата обращения: 20.12.2021).
6. *Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании. – Минск: Корвет, 2016. – 294 с.
7. *Медведев Д.* Шесть уроков одной пандемии // *Русская газета*. – 01.11.2021. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/11/01/dmitrij-medvedev-o-proshlom-nastoiashchem-i-budushchem-borby-s-covid-19.html>. – (Дата обращения: 14.01.2022).
8. *Петрова А. Е.* Локальные нарративы новой катастрофы: кейс-стади аварии на АЭС Фукусима-1в Японии // *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. – 2017. – Вып. 2 (786). – С. 252–260.
9. *Рябова И., Кувшинова О., Лютова М.* Социальные последствия пандемии. – Режим доступа: <https://econs.online/articles/ekonomika/sotsialnye-posledstviya-pandemii/>. – (Дата обращения: 10.01.2021).
10. *Сарна А. Я.* Образ и медиум: визуальный текст в массовой коммуникации. Сборник статей. – Минск: Четыре четверти, 2012. – 208 с.
11. *Туркин В.* Тонна позитива и пиар во время чумы. Новые герои и антигерои на фоне пандемии // *ФедералПресс*. – 9 апреля 2020. – Режим доступа: https://fedpress.ru/article/2474929?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. – (Дата обращения: 10.01.2022).
12. *Тюна В. И.* Нарративная стратегия романа // *Новый филологический вестник*. – 2011. – №3 (18). – С. 8–24.
13. *Шилта Э.* COVID-19: урок сторителлинга. – Режим доступа: <https://gipp.ru/overview/mneniya-ekspertov/covid-19-urok-storitellinga/>. – (Дата обращения: 12.01.2022).
14. *Button G.* Disaster Culture: Knowledge and Uncertainty in the Wake of Human and Environment Catastrophe. – London: Routledge, 2010. – 311 p.
15. *Charon R.* Narrative medicine: honoring the stories of illness. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 304 p.
16. *Harari Y., Shafak E., Moyo D., Schmidt E.* How COVID Will Change Us Insights from around the world // *Нома*. – 8 June 2020. – Режим доступа: <https://www.noemamag.com/yuval-harari-elif-shafak-dambisa-moyo-eric-schmidt-how-covid-will-change->

us/?fbclid=IwAR2Z5SkaO7dVhUC53QIHwPJvH3gi3TI8TteszJKu8LHiHQ0yIP6eaA_1oIE. – (Дата обращения: 15.01.2022).

17. Herman D. *Basic Elements of Narrative*. – NY: Wiley-Blackwell, 2009. – 272 p.
18. «Non à un retour à la normale»: de Robert De Niro à Juliette Binoche, l'appel de 200 artistes et scientifiques // *Le Monde*. – 06 mai 2020. – Режим доступа: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/05/06/non-a-un-retour-a-la-normale-de-robert-de-niro-a-juliette-binoche-de-joaquin-phoenix-a-angele-l-appel-de-200-artistes-et-scientifiques_6038775_3232.html. – (Дата обращения: 15.01.2022).

References

1. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i jestetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 502 p.
2. Dugin A. *Real'naja smert', simvolicheskaja konspirologija i voobrazhaemoe gosudarstvo. Psihoanaliz pandemii ot Aleksandra Dugina i Zhaka Lakana* [Real Death, Symbolic Conspiracy Theory and Imaginary State. Psychoanalysis of the Pandemic from Alexander Dugin and Jacques Lacan]. *Knife*. Available from: <https://knife.media/corona-lacan/> (accessed: 10 June 2020).
3. Kamju A. *Chuma* [Plague]. Moscow: AST Publ., 2005. Available from: http://loveread.ec/view_global.php?id=20081 (accessed: 20 December 2021).
4. Kostarnova N. *Medicina prosit pomoshhi* [Medicine Asks for Help]. *Kommersant*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5060180> (accessed: 13 January 2022).
5. Krasienko Ja. *Blogery-antiprivivochniki ustroili balagan v «krasnoj» zone* [Anti-vaccine Bloggers Staged a Farce in the “Red” Zone]. *Vesti.ru*. Available from: <https://www.vesti.ru/article/2645354> (accessed: 20 December 2021).
6. Kjubler-Ross Je. *O smerti i umiranii* [About Death and Dying]. Minsk: Korvet Publ., 2016. 294 p.
7. Medvedev D. *Shest' urokov odnoj pandemii* [Six Lessons of One Pandemic]. *Russkaya gazeta*. Available from: <https://rg.ru/2021/11/01/dmitrij-medvedev-o-proshlom-nastoiashchem-i-budushchem-borby-s-covid-19.html> (accessed: 14 January 2022).
8. Petrova A. E. *Lokal'nye narrativy novoj katastrofy: kejs-stadi avarii na AJeS Fukusima-1v Japonii* [Local Narratives of a New Catastrophe: a Case Study of the Accident at the Fukushima-1 Nuclear Power Plant in Japan]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki*, 2017, Issue. 2 (786), pp. 252–260.
9. Rjabova I., Kuvshinova O., Ljutova M. *Social'nye posledstviya pandemii* [Social Consequences of the Pandemic]. Available from: <https://econs.online/articles/ekonomika/sotsialnye-posledstviya-pandemii/> (accessed: 10 January 2021).
10. Sarna A. Ja. *Obraz i medium: vizual'nyj tekst v massovoj kommunikacii. Sbornik statej*. [Image and Medium: Visual Text in Mass Communication. Collection of Articles]. Minsk: *Chetyre chetverti* Publ., 2012. 208 p.
11. Turkin, V. *Tonna pozitivna i piar vo vremena chumy. Novye geroi i antigerioi na fone pandemii* [A Ton of Positive and PR during the Plague. New Heroes and Anti-heroes against the Background of the Pandemic]. *FederalPress*. – 9 April 2020. – Available from: https://fedpress.ru/article/2474929?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 10 January 2022).
12. Tjupa V. I. *Narrativnaja strategija romana* [Narrative Strategy of the Novel]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2011, no. 3(18), pp. 8–24.
13. Shilpa Je. *COVID-19: urok storitellinga* [COVID-19: Storytelling Lesson]. Available from: <https://gipp.ru/overview/mneniya-ekspertov/covid-19-urok-storitellinga/> (accessed: 12 January 2022).
14. Button G. *Disaster Culture: Knowledge and Uncertainty in the Wake of Human and Environment Catastrophe*. London: Routledge, 2010. 311 p.
15. Charon R. *Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 304 p.
16. Harari Y., Shafak E., Moyo D., Schmidt E. *How COVID Will Change Us Insights from around the World* // Noema. 8 June 2020. – Available from: https://www.noemamag.com/yuval-harari-elif-shafak-dambisa-moyo-eric-schmidt-how-covid-will-change-us/?fbclid=IwAR2Z5SkaO7dVhUC53QIHwPJvH3gi3TI8TteszJKu8LHiHQ0yIP6eaA_1oIE (accessed: 15.01.2022).
17. Herman D. *Basic Elements of Narrative*. NY: Wiley-Blackwell, 2009. 272 p.

18. «Non à un retour à la normale»: de Robert De Niro à Juliette Binoche, l'appel de 200 Artistes et Scientifiques // Le Monde. 06 Mai 2020. – Available from: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/05/06/non-a-un-retour-a-la-normale-de-robert-de-niro-a-juliette-binoche-de-joaquin-phoenix-a-angele-l-appel-de-200-artistes-et-scientifiques_6038775_3232.html (accessed: 15.01.2022).

STORY & HISTORY: CONCEPTUAL NARRATIVES OF THE EPIDEMIC IN FICTION AND MEDIA TEXTS

Bulgakova A. A.

The article analyses the broadcast narratives of the COVID-19 pandemic as a variation of the common narrative of disaster. It is argued that the unity of context and event, as well as the multiplicity of people's perspectives on it, ensure that the narratives as different individual pictures of the world are combined into a metanarrative of the pandemic. The fact that the event is central to the global media agenda and therefore influences the structure and content of news programs and print media is ascertained. It is found that the content of traditional media and social media during the pandemic period can be reduced to a limited number of conceptual narratives that define the specific past, present and future of the event, as well as people's reactions to it as traumatic. The pandemic is seen as an unexpected, unconventional event, understood as micro-histories representing a diversity of attitudes, goals and values. The combination of these creates a coherent image. It is assumed that the texts produced in this communicative situation (publications in the media, individual blogs and online communities, fiction texts and non-fiction) are problematically thematically, ideologically, figuratively and motively similar. The analysis of media and social media content, as well as S. Soderbergh's film "Contagion" and A. Camus's novel "The Plague" show the connections between media and fiction texts. The analysis of media and social media content, as well as Soderbergh's film Contagion and Camus' novel The Plague, reveals the connections between media and fiction texts and reveals that the development of events and the logic of actors' actions largely coincide with well-known patterns presented in literary and film works.

Key words: narrative, media narrative, catastrophe, epidemic, COVID-19 pandemic, fiction text, media text.

УДК 070.41

ЕКАТЕРИНОДАРСКИЙ ЖУРНАЛ «НА КАВКАЗЕ»: ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лучинский Ю. В.

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Россия
E-mail: luv22@mail.ru*

В статье рассмотрена специфика редакционно-тематической политики журнала «На Кавказе», выходявшего в Екатеринодаре с марта 1909 по март 1910 года под редакцией Бориса Митрофановича Городецкого. Данное периодическое издание, позиционировавшее себя как «ежемесячный журнал истории, этнографии, и общественно-экономической жизни Кавказского края, науки, литературы, публицистики и искусства», типологически соответствовало журналу универсального типа и было относительно новым явлением для провинциальной повременной печати. В журнале «На Кавказе» особое внимание уделялось литературно-краеведческому и этнографическому аспектам.

Ключевые слова: журнал «На Кавказе», Б. М. Городецкий, литературное краеведение, история провинциальной периодики, народные университеты, Общество любителей изучения Кубанской области.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения различных аспектов литературного краеведения сохраняет свою актуальность и имеет достаточно долгую историю.

Краеведение, связанное с изучением Кубанской области и Черноморской губернии, во многом определяется исследовательской и редакторской деятельностью Бориса Митрофановича Городецкого (1876–1941), которого наряду с Федором Андреевичем Щербиной и Евгением Дмитриевичем Фелицыным можно отнести к основателям этого научного направления.

Сфера интересов Б. М. Городецкого обширна – он занимался библиографией, краеведением, кавказоведением, статистикой, архивным делом, историей региональной журналистики. Выступал он и как общественный деятель, редактор, издатель, журналист, реализуя свои обширные знания на практике. После революции Б. М. Городецкий стал председателем Общества любителей изучения Кубанской области.

Для Б. М. Городецкого краеведение, в том числе и литературное, неразрывно связано с библиографией, о чем он писал в обобщающей статье «Библиография и краеведение», указывая на имеющиеся проблемы с исторической точки зрения:

«Тяготение к регистрации местных произведений печати наблюдается в России уже с 60-х годов прошлого столетия, но долгое время ею занимались лишь отдельные лица, в большинстве случаев местные провинциальные деятели. Свои, чисто «любительские», работы они вели без определенного плана, бессистемно, составляя преимущественно списки статей, печатавшихся в местной прессе. Временами кое-где такие списки, разнесенные по принципам тогдашней каталожной системы, появлялись на столбцах «неофициальной части» местных губернских «ведомостей».

С конца 80-х годов XIX столетия регистрация литературы по местным вопросам начинает приобретать уже более организованный характер, входит в наиболее

правильное русло. В этом отношении видную роль суждено было сыграть Ученым Архивным Комиссиям, Статистическим Комитетам и тем немногочисленным Обществам изучения местного края, которые стали появляться по многим уголкам России только с середины 90-х годов. Но и такие библиографические работы сплошь и рядом носили характер дилетантизма и кустарности. Это не были указатели, исчерпывающие краеведную литературу во всей ее совокупности и полноте. В подборе материала наблюдалась случайность его, отрывочность» [4, с. 172].

Материалы для краеведческой библиографии Б. М. Городецкий разделял на три группы, к первой из которых он относил указатели к местным периодическим изданиям. Речь шла преимущественно о губернских и епархиальных ведомостях, имевших длительную историю и непрерывную издательскую модель. Одним из первых указателей подобного рода стали систематизированные сообщения в ежегодном «Кавказском сборнике» о материалах, размещенных в газете «Кавказ» за определенные годы.

Частные повременные издания попадали в эту категорию достаточно редко, так как библиотечное дело в конце девятнадцатого – начале двадцатого века находилось в зачаточном состоянии.

Из недостатков первых указателей можно было выделить их бессистемность и отсутствие кратких комментариев к наиболее важным публикациям, хотя в них содержались ценные сведения по различным аспектам краеведения в области истории, этнографии или фольклора.

Во вторую группу, по классификации Б. М. Городецкого, входили указатели литературы, посвященной определенному региону, как, например, помещенный в «Известиях Общества любителей изучения Кубанской области» за 1909 год «Библиографический обзор литературы по Северному Кавказу», составленным самим Б. М. Городецким, указатели по отдельным отраслям краеведения (истории, этнографии, фольклору) и указатели «общей местной литературы».

«В третью группу входят словари местных деятелей. Они начали появляться в провинции вскоре после выхода в свет первых выпусков известного «Критико-библиографического словаря» проф. С. А. Венгерова и составлялись в большинстве случаев по тому же плану, но только местными силами. Кроме биографических очерков ученых и писателей, в таких словарях помещались подробные списки их трудов. <...>

Центр тяжести в таких словарях для каждого Краеведа заключается, конечно, в списках той литературы по местным вопросам, которыми сопровождаются биографии всех местных деятелей, упоминаемых в словарях» [4, с. 173].

Основным ориентиром для краеведов начала двадцатого столетия служил фундаментальный библиографический труд Семена Афанасьевича Венгерова «Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)», вышедший в Санкт-Петербурге с 1886 по 1904 год.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Борис Митрофанович Городецкий, выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, обучавшийся «одновременно на двух факультетах: юридическом и историко-филологическом, параллельно являясь вольнослушателем Археологического института» [9, с. 123], переехал в Екатеринодар в октябре 1904 года, чтобы занять должность «непременного действительного члена Кавказского отделения Крестьянского поземельного банка».

Должность приносила определенную финансовую устойчивость, но деятельная натура Б. М. Городецкого требовала своей реализации в научном и общественном пространстве. Первые годы его пребывания на Кубани совпали с революционными событиями 1905–1907 годов, приведшие к радикализации медийного пространства. Появление «Временных правил о повременной печати» изменило сложившиеся в Российской империи цензурные практики, что, в свою очередь, вызвало к жизни большое количество оппозиционно настроенных периодических изданий, отражавших позицию еще неокрепших легальных политических партий или личные предпочтения редакторов-издателей.

В Екатеринодаре преобладали прокадетские настроения, что видно по редакционной политике таких газет, как «Кубанская жизнь» и «Свобода», неоднократно менявшая свое название («Свобода слова», «Свобода жизни», «Свобода печати»).

Б. М. Городецкий придерживался либеральных взглядов, к активной партийной деятельности склонности не испытывал, поэтому стал публиковать свои первые историко-журналистские материалы как в кадетской газете «Свобода», фактическим редактором которой являлся Николай Михайлович Рындин, так и в близкой к социал-демократам газете «Новая заря» во главе с Вячеславом Афанасьевичем Потаповым.

В сорок шестом номере «Новой зари» за 1906 год Городецкий под псевдонимом «Бега» напечатал статью «Был ли Пушкин в Екатеринодаре?», представлявшую собой «опровержение предположения о том, что Пушкин, совершая путешествие в Эрзерум, заезжал в г. Екатеринодар» [7, с. 100].

Статья «Памяти И. Н. Захарьина [Якунина]», помещенная в семьдесят восьмом номере газеты «Свобода» и подписанная псевдонимом «Б Г-цкий», – некролог, в котором автор подчеркивал, что текст написан «по личным воспоминаниям» [7, с. 99].

Достаточно известный в свое время литератор Иван Николаевич Захарьин, бывший в семидесятые годы девятнадцатого века фактическим редактором журнала «Будильник» и часто выступавший под псевдонимом «И. Якунин», скончался в Кисловодске 7 октября 1906 года. Внимание Б. М. Городецкого он привлек тем, что «являлся автором нескольких монографий о Северном Кавказе и книги “Кавказ и его герои”». При этом стоит отметить, что некролог о Захарьине появился в газете «Свобода» за три номера до ее закрытия.

С декабря 1906 года газету «Свобода» сменила «Свобода слова», «Свободу слова» – «Свобода жизни», «Свободу жизни» – «Свобода печати». Редактор Н. М. Рындин, используя лазейки в законе о печати, жонглировал названиями, оставаясь у руля редакции и открывая свое издание на подставные имена. Публикации Городецкого в 1907 году были напечатаны в газете «Свобода печати», где появилась статья «Переселенцы в Черноморской губернии. Статистический очерк» и еще один некролог «Памяти М. Н. Герсеванова», известного инженера-гидротехника, председателя Кавказского отделения русского технического общества.

Уже первые опубликованные Б. М. Городецким в местной прессе материалы свидетельствовали об интересе к литературному краеведению и о необходимости создания собственного печатного органа. В этом аспекте интерес представляет его последняя публикация в газете «Свобода печати» (№107) – «Екатеринодарский народный университет. (К предстоящему его открытию 1-го октября с. г.)».

К середине 1907 года революционная активность стала спадать, и на смену ей пришли общественные инициативы. Одна из таких инициатив – создание «народных университетов».

«Народные университеты создавались в формате некоммерческой организации, принимали единое название «Общество народных университетов», добавляя к нему название места локализации каждого конкретного общества.

Впервые под названием Народный университет появились общеобразовательные курсы в Петербурге, которые стали использовать в своем названии термин «Народный университет в Санкт-Петербурге» (отчет за 1897 г). Под термином «народный университет» понимается «общедоступные просветительские учреждения, способствующие повышению культуры и профессионального мастерства независимо от образовательного уровня и возраста».

Всплеск движения за создание народных университетов приходится на годы первой русской революции, манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» способствовал созданию целой сети учебных заведений» [1, с. 75].

В контексте развития этого движения в Екатеринодаре усилиями «небольшой группой прогрессивной интеллигенции», во главе которой оказались Б. М. Городецкий и преподаватель Кубанской учительской семинарии И. Ф. Пальмов, 24 мая 1907 года было создано Кубанское общество народных университетов. Устав общества, «построенного по типу уже существующих обществ в России», предписывал его членам проводить образовательные и профессиональные курсы, читать лекции, устраивать «народные университетские дома».

Иван Федорович Пальмов являлся редактором открытого в январе 1907 года периодического издания «Школа и жизнь», представлявшего собой «двухнедельный педагогический, литературный и общественно-политический журнал». В этом журнале была опубликована речь Б. М. Городецкого, произнесенная на открытии народного университета [5, с. 59].

Секретарем данного общества был избран Б. М. Городецкий, и ему было поручено редактировать новый журнал «Известия Кубанского общества народных университетов». Первый номер журнала вышел 15 июня 1907 года и по типологии представлял собой информационный бюллетень. В нем было помещено сообщение И. Ф. Пальмова «О народных университетах», опубликованы Устав Кубанского общества народных университетов, протокол первого собрания от 30 мая 1907 года, состав правления, список лекций и список членов.

Однако формат бюллетеня не позволял включать в него материалы литературно-краеведческого характера, поэтому Б. М. Городецкий обратился к издательскому ресурсу Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), вступившего в 1908 году в фазу своего реформирования. ОЛИКО издавало неперидический сборник «Известия Общества любителей изучения Кубанской области», но на тот момент вышло всего три выпуска, причем последний датировался 1902 годом.

«К 1908-1916 гг. относится второй этап в деятельности Общества любителей изучения Кубанской области. Новое правление ОЛИКО, в которое вошли В. В. Скидан (председатель), Г. Я. Кръжановский (зам. председателя), Б. М. Городецкий (секретарь), Б. М. Бибииков (зам. секретаря), С. И. Борчевский (казначей), Е. В. Брок (библиотекарь) [13], поставило цель направить деятельность общества на изучение вопросов, связанных с экономическим развитием Кубани, ее общественной и культурной жизнью. В ОЛИКО обсуждалась масса текущих местных вопросов, которые обычно рассматривались в земских собраниях (в отличие от других регионов России, на Кубани земств не было): о

строительстве и содержании школ и больниц, развитии путей сообщения, вопросы благотворительности и др.

Осуществилась мечта первого председателя правления ОЛИКО В. М. Сысоева о составлении библиографического указателя литературы о Кубанской области. Секретарь общества Б. М. Городецкий предоставил в распоряжение ОЛИКО составленный им «Библиографический обзор литературы о Северном Кавказе за 1906–1907 гг.». В него были включены не только отдельные издания, но журнальные и газетные статьи. Наиболее ценные труды сопровождались аннотацией и ссылками на их рецензии. Таким образом, оформилось библиографическое направление в деятельности общества.

Став ответственным редактором «Известий ОЛИКО», Б. М. Городецкий ввел новую рубрику «Литературные новинки по краеведению». Подобного рода регулярная текущая библиографическая информация способствовала популяризации книг о Кубани, приобщала широкие массы читателей к познанию прошлого и настоящего родного края» [8, с. 22].

Б. М. Городецкий с 1909 года стал редактором «Известий Общества любителей изучения Кубанской области», но ему хотелось иметь собственное ежемесячное периодическое издание, сочетавшее в себе как литературный контент, так и научно-критические материалы.

Так, 24 марта 1909 года под его редакцией вышел первый номер «ежемесячного иллюстрированного журнала истории, этнографии, общественно-экономической жизни Кавказского края и литературы, публицистики, науки и искусства» под названием «На Кавказе». Этот журнал продолжил традиции, заложенные в «Известиях Общества любителей изучения Кубанской области», предложив новые перспективы их развития.

Программа журнала «На Кавказе» выглядела следующим образом:

I. Научный отдел, в котором будут появляться исследования, статьи и заметки, посвященные разработкам истории, литературы, этнографии, археологии, экономики и общественной жизни Кавказского края; отдел этот предполагается иллюстрировать снимками местностей Кавказа, древних предметов и портретами выдающихся исторических, литературных и общественных деятелей;

II. Литературно-публицистический отдел, который, кроме беллетристики, будет отзываться на все существенные вопросы, связанные с фактами современности, по преимуществу останавливаясь на тех из них, которые, прямо или косвенно, затрагивают интересы жизни на Кавказе; в частности, этот отдел будет подразделяться на следующие рубрики:

- 1) беллетристика и поэзия,
- 2) новости науки, литературы и искусства,
- 3) народное образование,
- 4) сельскохозяйственная жизнь,
- 5) смесь,
- 6) ответы на вопросы,
- 7) объявления.

Отдел этот также предполагается иллюстрировать рисунками» [2, л. 1].

Литературно-краеведческая направленность журнала была обозначена в заявленной программе, которой журнал строго придерживался во всех восьми номерах, вышедших с марта 1909 года по март 1910 года.

Официальным редактором числилась жена Б. М. Городецкого – Александра Александровна Городецкая, на чье имя и был открыт журнал.

«Секретарем журнала состоял П. А. Кузько. Ближайшим помощником фактического редактора журнала был Н. А. Преображенский. Конторская и экспедиционная часть издания лежала на А. А. Городецкой» [6, с. 91].

В первом номере журнала читатель мог ознакомиться с объемными научными статьями (с продолжением в следующем номере) Ф. А. Щербины («Первобытный человек в Европе и на Кавказе»), Б. М. Городецкого («Правовые и поземельные отношения землевладельцев и крестьян в Закавказье») и П. А. Зажаева («Экономическое положение начального учителя кубанской области»), узнать новости о состоянии «современного воздухоплавания».

Скрытую политическую интригу представляла публикация рассказа «Джаво». Это был перевод с армянского, а автор был скрыт под псевдонимом «Кариб». Под этим же псевдонимом в следующем номере был опубликован перевод драмы «Долина слез».

Имя «Кариб» в переводе с арабского означает «родственник, близкий человек», и им подписывал некоторые свои произведения известный армянский литератор Аветис Аракелович Агаронян, активный сторонник партии Дашнакцутюн. Дашнаки принимали активное участие в революционных событиях 1905–1907 годов, и в 1909 году по «делу Дашнакцутюн» Агаронян был арестован и находился в тюремном заключении.

Редактор журнала «На Кавказе» дал подсказку по поводу псевдонима «Кариб», поместив в первом номере биографию Аветиса Агароняна в рубрике «Армянские беллетристы».

Литературно-критическую составляющую первого номера журнала составили стихотворения осетинского поэта Георгия Цаголова и младшего брата Б. М. Городецкого – Сергея Митрофановича Городецкого.

С. М. Городецкий уже входил в элиту отечественной поэзии, опубликовав в 1907 году сборник стихов «Ярь», и обеспечивал журнал «На Кавказе» информацией о новинках столичной литературной жизни. Помимо стихотворного цикла «Крымские видения» он, под псевдонимом «Петербуржец», предложил раздел «Литературные новости».

Подлинной находкой для обеспечения редакционной политики журнала «На Кавказе» оказался его секретарь Петр Авдеевич Кузько – будущий деятель Пролеткульта и ученый секретарь Литературного отделения Наркомпроса (ЛИТО).

П. А. Кузько перебрался в Екатеринодар в 1907 году, найдя место помощника (исполняющего дела) делопроизводителя [3, л. 4] в городской управе. Как и Б. М. Городецкий, П. А. Кузько быстро включился в общественную литературно-журналистскую деятельность Екатеринодара. В октябре 1908 года он стал секретарем редакции еженедельной «политико-экономической и литературно-общественной» газеты «Слово Кавказа», редактором-издателем которой был Иосиф Михайлович Шнип.

Поработав секретарем в «Слове Кавказа», П. А. Кузько занял такое же место в журнале «На Кавказе». С Б. М. Городецким он нашел общий язык в общественно-просветительской (П. А. Кузько стал членом правления Кубанского общества народных университетов) и в журналистской деятельности.

В журнале «На Кавказе» П. А. Кузько дебютировал критической статьей «Поэт безумия и ужаса – Эдгар Поэ», а в дальнейшем продолжил зарубежную тематику статьей

«О Кнуде Гамсуне («Кавказские переживания и сны»)» в пятом номере этого периодического издания.

Из серьезных литературных сил Б. М. Городецкому удалось привлечь к сотрудничеству такие фигуры, как библиограф А. С. Венгеров («Н. Г. Чернышевский. Критико-библиографический очерк (К 20-летию со дня смерти)») и поэт-символист Н. Е. Поярков («Когда розы отцветут»).

Значимой публикацией 1909 года стал очерк «Штурм Гуниба и пленение Шамиля» подполковника Семена Спиридоновича Эсадзе, члена Кавказского отдела Русского географического общества и ученика знаменитого военного историка В. А. Потто. Этот очерк в расширенном варианте в том же году был опубликован в Тифлисе.

Но, несмотря на очевидные достоинства, журнал «На Кавказе» не имел больших перспектив дальнейшего существования:

«Журнал «На Кавказе» был беспартийным и стремился всегда вполне правдиво и беспристрастно освещать все местные вопросы. Столицам это, вероятно, нравилось, большинству местных подписчиков тоже. Но находились лица и организации, которые хотели видеть этот орган печати непременно в лоне единомышленников, и, когда материальные средства редакции были на исходе, что, конечно, ясно было и для читателей, ибо редакция никогда не делала тайны от них об условиях существования журнала, они явились во всеоружии в редакцию с предложением довольно большой суммы денег на продолжение издания, при условии изменения его направления.

Но стойкие принципы лиц, стоявших во главе издания, не могли, конечно, поколебаться. Не могло также почти по тем же причинам осуществиться и соединение журнала с одним из петербургских издательств, предлагавших журналу «На Кавказе» превратиться в ежемесячное приложение к большой столичной газете. Журнал «На Кавказе» за неимением средств прекратился, программы же и направления своего он не изменил» [6, с. 91].

ВЫВОДЫ

Журнал «На Кавказе» стал важным этапом в развитии кубанской журналистики, но не получил дальнейшего продолжения по целому ряду обстоятельств. Для издания такого рода периодической продукции требовались серьезные финансовые средства, большая читательская аудитория, широкий круг авторов и современный контент. Журнальный проект Б. М. Городецкого по своим типологическим характеристикам был ближе к девятнадцатому веку и не вполне учитывал запросы времени, что сказывалось на интересе к нему со стороны как рекламодателей, так и потенциальных потребителей печатной продукции.

С одной стороны, журнал «На Кавказе» шел в авангарде журналистских тенденций начала двадцатого века (рост интереса к краеведению и регионалистике), с другой – неизбежно отставал (форма подачи материала, слабая визуализация контента).

Список литературы

1. *Веникова М. С.* Институционализация и образовательная деятельность народных университетов в императорской России // *Genesis: исторические исследования.* – 2017. – № 10. – С.70–80.
2. ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 6155, л. 1.
3. ГАКК, ф. 498, оп. 2, д. 22

4. Городецкий Б. М. Библиография и краеведение // Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. – М.: Государственное издательство, 1922. – Кн. первая (январь-март). – С. 172–174.
5. Городецкий Б. М. Кубанское общество народных университетов и его предстоящая деятельность // Школа и жизнь. – 1907. – № 16. – С. 59.
6. Городецкий Б. М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. – Екатеринодар, 1914. – 95 с.
7. Известия общества любителей изучения Кубанской области. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1909. – Вып. IV.
8. Ратушняк Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): к 120-летию первого краеведческого общества на Кубани // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – Краснодар, 1998. – № 3–4. – С. 21–25.
9. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997. – 560 с.

References

1. Venikova M. S. *Instituzionalizacija i obrazovatel'naja dejatel'nost narodnykh universitetov v imperatorskoj Rossiji* [Institutionalization and educational activities of national universities in imperial Russia]. *Genesis: istoricheskija issledovanija*, 2017, no 10, pp.70–80.
2. GAKK, f. 454, op. 1, d. 6155.
3. GAKK, f. 498, op. 2, d. 22
4. Gorodetsky B. M. *Bibliografija i kraievedenije* [Bibliography and regional studies]. *Pечат i revolutzija. jurnal literaturi, iskusstva, kritiki i biliografii*. Moscow, Gosudarstvennoje Publ, 1922, book 1 (January-March), pp. 172–174.
5. Gorodetsky B. M. *Kubanskoje obščestvo narodnykh universitetov i ego predsojastshaja dejatel'nost* [The Kuban Society of People's universities and its forthcoming actions]. *Shkola i Zhizn*, 1907, no 16, pp. 59.
6. Gorodetsky B. M. *Otčerk razvitija russkoj peridicheskoi pečati na Severnom Kavkaze* [Essay on the development of the Russian periodical press in the North Caucasus]. Ekaterinodar, 1914. 95 p.
7. *Izvestija Obščestva lubitelej izuchenija Kubanskoj oblasti*. [The Society of lovers of studying Kuban region bulletin]. Ekaterinodar, Tipografija Kubanskogo oblastnogo pravlenija, 1909, iss. IV.
8. Ratushnyak T. V. *Obščestvo lubitelej izuchenija Kubanskoj oblasti (1897–1932 gg.): k 120-letiju pervogo krajevedčeskogo obščestva na Kubani* [The Society of lovers of studying Kuban region (1897–1932): to the 120th anniversary of the first regional studies society in Kuban]. *Golos minuvšego. Kubanski istoričeski jurnal*. Krasnodar, 1998, no 3–4, pp. 21–25.
9. *Enziklopedičeskij slovar po istoriji Kubani s drevnejših vremen do oktabrja 1917 goda* [Encyclopedic dictionary of Kuban history from ancient times to October 1917.]. Krasnodar, 1997. 560 p.

EKATERINODAR MAGAZINE "NA KAVKAZE": LITERARY AND LOCAL HISTORY ASPECT

Luchinsky Yu. V.

The article deals with the specifics of the editorial and thematic policy of the magazine «Na Kavkaze», published in Ekaterinodar from March 1909 to March 1910 and edited by Boris Mitrofanovich Gorodetsky. This periodical, which positioned itself as «a monthly journal of history, ethnography, and the socio-economic life of the Caucasus region, science, literature, journalism and art» typologically corresponded to a magazine of a universal type and was a relatively new phenomenon for provincial time-based printing. In the journal «Na Kavkaze» special attention was paid to the literary, local history and ethnographic aspects.

Keywords: magazine «Na Kavkaze», B. M. Gorodetsky, literary local history, history of provincial periodicals, public universities, Society of Lovers of the Study of the Kuban region.

УДК 81'42

**ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЗНАКОВ
Z, V, O В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ TELEGRAM-КАНАЛА И VK-СТРАНИЦЫ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)¹**

Шилина А. Г., Субботина О. А.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: angela_shilina@bk.ru; subbotiny08@mail.ru*

Статья посвящена экстралингвистическому и лингвистическому обоснованию актуальности исследования информационно-коммуникативной специальной операции, разворачивающейся в медиапространстве, как идеологической составляющей специальной военной операции на Украине. Ее концептуальными вербально-визуальными репрезентантами являются прецедентные знаки Z, V, O. Динамика активизации прецедентных знаков Z, V, O, используемых в текстах Telegram-канала и VK-страницы Министерства обороны Российской Федерации, свидетельствует о формировании новых инструментов противодействия в информационно-коммуникативной специальной операции. Прецедентные знаки Z, V, O представлены в двух основных форматах: креолизованный мем и хештег, – которые воплощаются с помощью 7 когнитивно-информационных моделей. С 24 февраля 2022 г. инкорпорирование латиницей в кириллическую (русскоязычную) ткань медиадискурса стало ответом на лингвополитический вызов латиницы заместить кириллицу: «чужие» знаки Z, V, O начали сознательно применять в медиатекстах для «своих», что позволило констатировать факт возникновения продуктивного коммуникативного хода по противодействию информационной дестабилизации.

Технологии Telegram и VK.com обеспечивают эффективность этого коммуникативного хода и являются медиаплощадками для пилотных коммуникативных ходов по нейтрализации деструктивного влияния медиасферы.

Ключевые слова: информационно-коммуникативная специальная операция; специальная военная операция; прецедентные знаки Z, V, O; медиатекст; когнитивно-информационная модель.

ВВЕДЕНИЕ

Экстралингвистическая постановка проблемы

24 февраля 2022 года президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о начале специальной военной операции на Украине [12]. Эта ситуация стала новой точкой бифуркации не только в системе мирового жизнеустройства, но и в системе глобального информационного противоборства.

Лингвистическая постановка проблемы

Специальная военная операция оказалась драйвером для специальной информационной операции, так как «характер вооруженной борьбы <...> определяется

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

сетевыми условиями управления военными действиями» [19, с. 14], а проведение информационных кампаний является ее неотъемлемой составляющей.

Формирование и становление терминологического сочетания «информационная операция» (В. В. Барабаш, В. П. Герасимов, Е. А. Котеленец, М. Ю. Лаврентьева, И. А. Рябченко, А. Н. Сидорин), с одной стороны, неразрывно связаны с научным и медийным осмыслением уже устоявшегося термина «информационная война», функционирующего в международном медийном пространстве [1]; с другой, – с заменой самого термина «информационная война» (Information Warfare, IW), введенного в военный дискурс в 1976 году в США и активизировавшегося после войны в Персидском заливе в 1991 году (операция «Буря в пустыне»), термином «информационные операции» (Information Operations, IO) [16, с. 7].

Так, академическая интерпретация терминологического сочетания «информационная операция» многозначна (А. С. Бутенко, И. В. Лягушкин, С. И. Макаренко, С. П. Расторгуев, И. И. Чуляев) и включает:

1) «взаимоувязанную последовательность информационных воздействий для достижения поставленной цели» [14, с. 22];

2) «комплекс взаимосвязанных по цели, месту и времени мероприятий и акций, направленных на инициализацию и управление процессами манипулирования информацией, с целью достижения и удержания информационного превосходства путем воздействия на информационные процессы в информационных системах противника», где под «информационными системами» в том числе подразумевается государство и общество» [11, с. 15];

3) «совокупность специальных информационных мероприятий, проводимых одной группой аналитического обеспечения деятельности одного из субъектов политики в рамках одной кампании в рамках единой стратегии. Специальная информационная операция является результатом выработанной стратегии ведения информационной войны, ее характеризует логически, методологически, организационно и технически оформленное единство последовательных и взаимозависимых специальных информационных мероприятий в рамках одного проекта» [10, с. 188];

4) «наиболее эффективную организационно-тактическую форму пресечения и предупреждения деструктивных информационных воздействий» [4, с. 148].

Сопоставление метаязыковых маркеров в представленных дефинициях – «информационное воздействие», «информационные процессы», «информационные системы» и «информационные мероприятия» – убеждает в наличии значительной «информационно-коммуникативной» составляющей в содержании конструкции «информационная операция».

Кроме того, рассмотрение сути понятия «информационная операция» представляется релевантным в рамках анализа таких близких по значению и закреплённых в научной и нормативно-правовой литературе наименований, как «операция», «специальная операция» (курсив. – А.Ш., О.С.), «комплексная оперативно-профилактическая операция», «контртеррористическая операция», «тактическая операция», «информационно-коммуникативная операция» (курсив. – А.Ш., О.С.) [4, с. 143].

Из научного синонимического ряда в работе предлагается использовать уточнённую авторами терминологическую конструкцию *информационно-коммуникативная специальная операция*, так как, на наш взгляд, она наиболее точно определяет предмет

исследования: медиакоммуникативные механизмы информационного воздействия в период специальной военной операции.

Подробное изучение информационно-коммуникативных специальных операций современности свидетельствует о ключевых трансформациях в методах и средствах международного политического противодействия: фокус противоборства смещается в зону конструирования «своей повестки дня: <...> своего миропонимания и видения проблем, своего образа действий, своих стандартов» [7, 226]. Значительный научный интерес в указанном аспекте представляет социально и ценностно ориентированный анализ преимуществ и недостатков проведения информационно-коммуникативных специальных операций на фоне наиболее напряженных политических конфликтов.

Такая методология позволяет сконцентрировать исследовательское внимание на изучении субъектов, объектов и технологий *информационно-коммуникативной специальной операции*, которая осуществляет «спланированную, взаимосогласованную по месту, цели, времени, силам и средствам информационную деятельность по всестороннему обеспечению военных действий, рассчитанную на враждебные, дружественные или нейтральные аудитории с тем, чтобы склонить их к поддержке продвигаемых в ходе военного столкновения идей, концепций, доктрин, ценностей для оказания влияния на их настроения и поведение по отношению к войне в благоприятном направлении для достижения политических, экономических и социально-духовных целей» [21, с. 10].

Таким образом, *информационно-коммуникативная специальная операция* – это антропоцентрическая система, в которой с помощью вербальных и невербальных средств осуществляются действия фасцинативного характера, направленные на привлечение внимания, поддержание эмоционального подъема адресата благодаря «силе воздействия» [8] и авторитету адресанта в условиях специальных военных мероприятий.

Одним из концептуальных вербально-визуальных репрезентантов информационно-коммуникативной специальной операции, начавшейся 24 февраля 2022 года, является *прецедентный знак* (И. В. Высоцкая) – графема как единица передачи информации [5, с. 134] – который «символически, условно представляет и отсылает к обозначаемому им предмету, явлению, действию или событию, свойству, связи или отношению предметов, явлений, действий или событий, сигнализирует о предмете, явлении, свойстве, которые им обозначаются» [9, с. 182-183].

Таковыми прецедентными знаками стали буквы латинского алфавита: *Z, V, O*.

Цель статьи – описать динамику прецедентных знаков *Z, V, O* как экспликаторов информационно-коммуникативной специальной операции.

Материалом исследования послужили медиатексты, опубликованные в Telegram-канале и на VK-странице Министерства обороны Российской Федерации в период с 24 февраля 2022 года по 22 июня 2022 года.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ материала позволил констатировать факт того, что прецедентные знаки *Z, V, O* используются в двух основных форматах: креолизованный мем и хештег.

Рассмотрим каждый формат.

Прецедентные знаки Z, V, O в формате креолизованного мема

В нем прецедентный знак размещается на фоне сюжетной иллюстрации с изображением экипированных солдат и военной техники и имплантируется в текст, написанный кириллицей.

В этом формате можно выделить 5 когнитивно-информационных моделей применения прецедентных знаков.

Под когнитивно-информационной моделью мы понимаем гуманитарную схему, описывающую алгоритм «переработки» информации в знание [6, с. 679] для коммуникативной адаптации адресата к условиям специальной военной операции.

Первая модель – военный лозунг, грамматически состоящий из предлога «за» и идеологемы, и прецедентный знак Z белого цвета (рис. 1-3) или в виде георгиевской ленты, которая апеллирует к героическому прошлому народов России и советских солдат во время Великой Отечественной войны (рис. 4, 5).

Эта модель начала функционировать 2–5 марта 2022 г. в Telegram-канале и на VK-странице Министерства обороны Российской Федерации.



Рис. 1



Рис. 2



Рис. 3



Рис. 4



Рис. 5

Вторая модель – прецедентное высказывание и один прецедентный знак V.

Например, использование фразы героя фильма «Брат 2»: «В чем сила <...>? <...> сила в правде» [3]; «Сила в правде» → «Сила V правде» (рис. 6). Это прецедентное высказывание визуализируется на главной странице официального сайта Министерства обороны РФ (рис. 7).

Высказывание «Задача будет выполнена» (рис. 8) приобрело статус прецедентного с начала марта 2022 г., что нашло подтверждение в текстах СМИ. Например: «Латинские буквы Z и V на российской технике, которая участвует в военной операции на Украине, означают «За победу», «Сила V правде» «Задача будет выполнена» (ИА РБК 3 марта 2022, <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2022/622001bf9a794738ce735b2b?ysclid=13zq7jy9nk>).

В рассматриваемом материале модель активизировалась 2–3 марта 2022 г.



Рис. 6

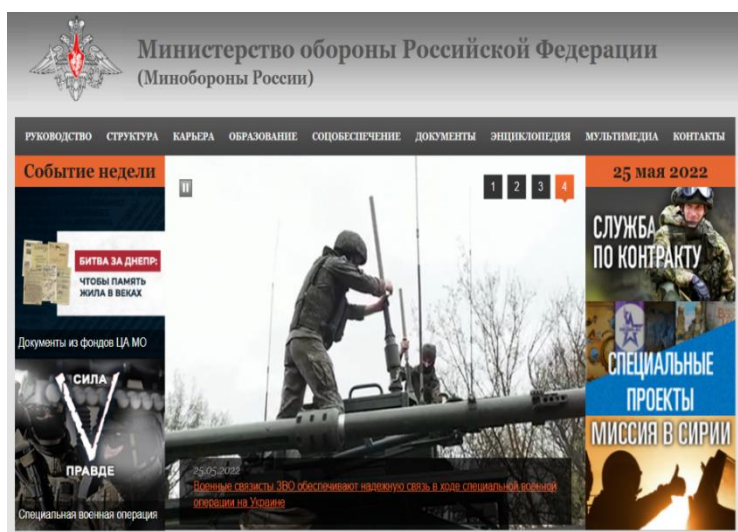


Рис. 7



Рис. 8

Третья модель – прецедентное высказывание и комбинация трех прецедентных знаков *V*, *O* и *Z* (рис. 9).

Выражение «возмездие неизбежно» – цитата из выступления В. В. Путина на площадке дискуссионного клуба «Валдай» в 2018 году. Президент, комментируя концепцию ядерного сдерживания, пояснил: «<...> мы готовы и будем применять ядерное оружие только тогда, когда удостоверимся в том, что кто-то, потенциальный агрессор, наносит удар по России, по нашей территории. <...> Конечно, это всемирная катастрофа, но я повторяю, мы не можем быть инициаторами этой катастрофы, потому что у нас нет превентивного удара. <...> Но тогда агрессор всё равно должен знать, что *возмездие неизбежно*, что он будет уничтожен» [18].

В рассматриваемых медиатекстах модель появилась 1 мая 2022 года.



Рис. 9

Четвертая модель – прецедентный текст и комбинация трех прецедентных знаков *V*, *O* и *Z* (рис. 10).

Сочетание знаков в таком порядке, как *ZOV*, возвращает нас к значению русской лексемы «зов» – «1. к Звать. 3. барабана. 2. Призыв, клич. 3. о помощи» [2], что, учитывая

сочетание со словом «предки», формирует прецедентную номинацию «Зов предков» → «ZOV предков», в ассоциативную семантическую матрицу которой входят: а) сюжет произведения Дж. Лондона «Зов предков» и б) семантика самого имени существительного «предки»: «мн. Те, кто жили задолго до настоящего времени» [17]. Пересечение ассоциативных смыслов указанных позиций матрицы моделирует символический сигнал-сообщение: «память об историческом прошлом/ возвращение к ценностям предыдущих поколений».



рис. 10

Период возникновения этой модели тот же, что и у третьей модели.

Пятая модель – комбинация прецедентных знаков V и Z.

Конфигурация VZ и сюжетная иллюстрация с изображением ключевых акторов специальной военной операции – солдат – начали использоваться 14-15 апреля 2022 года (рис. 11, 12).

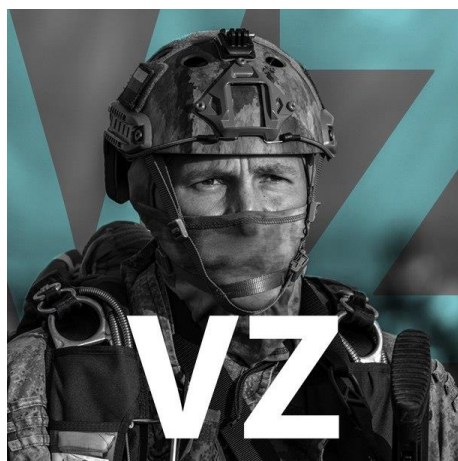


Рис. 11



Рис. 12

Прецедентные знаки Z, V, O в формате хештега

Этот формат воплощается в 2 когнитивно-информационных моделях использования прецедентных знаков.

Первая модель – инкорпорирование знака Z в кириллическую структуру хештега: #ГероиZ.

Модель начала действовать 4 марта 2022 года.

Вторая модель – применение знака O, графически схожего с кириллической литерой O и включенного в кириллическую структуру хештега: #Отважные.

Информационно-коммуникативный объект «O» фиксируется на медиаплощадках Минобороны РФ с 1 мая 2022 г. По мнению С. А. Панченкова, эта буква «как символ является «слабой» фигурой <...>. Скорее всего, по прошествии какого-то времени интерес к ней спадет, и она так и останется лишь одним из видов маркировки военной техники» [13, с. 89].

ВЫВОДЫ

1. Специальная военная операция сгенерировала алгоритм информационно-коммуникативной специальной операции, развернувшейся в медиaprостранстве.

Прецедентные знаки Z, V, O являются концептуальными вербально-визуальными экспликаторами информационно-коммуникативной специальной операции.

2. Динамика расширения поля символической семантики вокруг прецедентных знаков Z, V, O, зафиксированных в текстах Telegram-канала и VK-страницы Министерства обороны Российской Федерации, свидетельствует о формировании новых практик противодействия в рамках изучаемой информационно-коммуникативной операции.

Прецедентные знаки Z, V, O направлены на защиту культурных форм от информационного оружия, которое «разрушает как коллективную память, так и выработанную культурой и социальной жизнью общую систему координат, в которой человек размещает полюса ценностей и антиценностей» [15, с. 69].

3. С 24 февраля 2022 года применение латиницей в кириллическом (русскоязычном) медиадискурсе стало по сути ответом «лингвополитическому замещению кириллицы латиницей» [20, с. 91]: «чужие» знаки Z, V, O начали применять в медиатекстах для «своих», что может быть идентифицировано как коммуникативный ход по противостоянию информационной дестабилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С помощью цифровых и коммуникативных технологий Telegram и VK.com, используемых Министерством обороны Российской Федерации, прецедентные знаки Z, V, O выполняют функцию информационного противодействия, направленную на нейтрализацию «чужого» влияния.

Изучение процесса продвижения этих знаков в массовой культуре российского общества (символика на наружной рекламе, общественном и личном транспорте, предметах одежды и быта, создание музыкальных композиций) как медиастратегии по формированию устойчивого развития «своего» для «своих» в контексте тектонически трансформировавшейся реальности представляет перспективу наших дальнейших изысканий.

Список литературы

1. *Барабаш В. В., Котеленец Е. А., Лаврентьева М. Ю.* Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – №. 3 (33). – С. 76-89.
2. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B7%D0%BE%D0%B2&all=x>. – (Дата обращения: 19.09.2022).
3. *Брат 2 (фильм)* – В чем сила, брат? (лучшие моменты фильма). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=X4Fny-udrNI>. – (Дата обращения: 19.09.2022).
4. *Бутенко А. С.* Понятие и сущность информационных операций в правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Вестник ВЭГУ. – 2017. – №. 1. – С. 142–148.
5. *Высоцкая И. В.* О прецедентном знаке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2012. – Т. 11. – №. 6. – С. 134–141.
6. *Габдуллин И. Р.* Когнитивно-информационный контроль как форма познавательного отношения человека к миру // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Оренбург, 2021. – С. 677-681.
7. *Кафтан В. В., Щербина Д. Н.* Военная информационно-коммуникативная операция в информационном пространстве современного общества // Пространство и время. – 2013. – №. 4 (14). – С. 224–230.
8. *Кибрик А. Е.* База естественного человеческого языка и ее основные параметры. – Режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/html/3.htm>. – (Дата обращения: 19.09.2022).
9. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 721 с.
10. *Лягушкин И. В.* Философские и методологические аспекты обеспечения прав человека в ходе информационной войны // Права и свободы человека в контексте развития современного государства: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 9 декабря 2016 г. / редкол. С. А. Буткевич, О. А. Миронова, Н. А. Кравченко, Н. И. Костюченко, В. В. Прохоров, С. Ю. Русанова. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 186–191.
11. *Макаренко С. И., Чуляев И. И.* Терминологический базис в области информационного противоборства // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 1 (2). – С. 13–21.
12. *Обращение Президента Российской Федерации.* 24 февраля 2022 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>. – (Дата обращения: 19.09.2022).
13. *Ланченков С. А.* Литеры «Z» и «V» как символы специальной военной операции на территории Украины // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2022. – № 1 (39). – С. 85–90.
14. *Расторгуев С. П.* Математические модели в информационном противоборстве (экзистенциальная математика). – М.: АНО ЦСОиП, 2014. – 276 с.
15. *Самохвалова В.* Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения // Философия и общество. – 2011. – № 3. – С. 54–73.
16. *Сидорин А. Н., Рябченко И. А., Герасимов В. П.* Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств // Информационно-аналитический сборник. М., 2011. – 344 с.
17. *Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф.* – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BA%D0%B8>. – (Дата обращения: 19.09.2022).
18. *Цитаты и высказывания Владимира Путина.* – Режим доступа: https://guxregf.ru/Цитаты_и_высказывания_Владимира_Путина. – (Дата обращения: 19.09.2022).
19. *Чекинов С. Г., Богданов С. А.* О характере и содержании войны нового поколения // Военная мысль. – 2013. – №. 10. – С. 13–24.
20. *Шилина А. Г.* Информационно-коммуникативный профиль латиницы в русскоязычном массмедиапространстве (опыт Республики Крым) // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. – М.: Фак. журн. МГУ, 2022. – С. 90–91.

21. Щербина Д. Н. Военные информационно-коммуникативные операции как явление современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Щербина Дмитрий Николаевич; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2016. – 26 с.

References

1. Barabash V. V., Kotelenec E. A., Lavrent'eva M. Ju. *Informacionnaja vojna: k genezisu termina* [Information warfare: studying the genesis of the terminology]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2019, no. 3 (33), pp. 76–89.
2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. – Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed: 19.09.2022).
3. *Brat 2 (fil'm) – V chem sila, brat? (luchshie momenty fil'ma)* [Brother 2 (film) – What is the power, brother? (the best moments of the film)]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=X4Fny-udrNI> (accessed: 19.09.2022).
4. Butenko A. S. *Ponyatie i sushchnost' informatsionnykh operatsii v pravookhranitel'noi deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [The Concept and Essence of Information Operations in Law Enforcement of Internal Affairs Bodies]. *Vestnik VEGU*, 2017, no. 1, pp.142–148.
5. Vysotskaya I. V. *O pretsedentnom znake* [On the precedent ideograph]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*, 2012, vol. 11, no. 6, pp. 134–141.
6. Gabdullin I. R. *Kognitivno-informatsionnyj kontrol' kak forma poznavatel'nogo otosheniya cheloveka k miru* [Cognitive and information control as a form of a person's cognitive attitude to the world]. *Social'no-gumanitarnye innovatsii: strategii fundamental'nyh i prikladnyh nauchnyh issledovanij. Orenburg, 2021*, pp. 677–681.
7. Kaftan V. V., Shcherbina D. N. *Voennaya informatsionno-kommunikativnaya operatsiya v informatsionnom prostranstve sovremennogo obshchestva* [Military information and communication operation in the information space of modern society]. *Prostranstvo i vremya*, 2013, no. 4 (14), pp. 224–230.
8. Kibrik A. E. *Baza estestvennogo chelovecheskogo jazyka i ee osnovnye parametry* [The basis of natural human language and its main parameters]. – Available at: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/html/3.htm> (accessed: 19.09.2022).
9. Kondakov N. I. *Logicheskii slovar'-spravochnik* [Logical dictionary-reference]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 721 p.
10. Lyagushkin I. V. *Filosofskie i metodologicheskie aspekty obespecheniya prav cheloveka v khode informatsionnoi voyny* [Philosophical and methodological aspects of ensuring human rights during the information war]. *Prava i svobody cheloveka v kontekste razvitiya sovremennogo gosudarstva*. Krasnodar, 2017, pp.186-191.
11. Makarenko S. I., Chuklyaev I. I. *Terminologicheskii bazis v oblasti informatsionnogo protivoborstva* [The terminological basis of the informational conflict` area]. *Voprosy kiberbezopasnosti*, 2014, no. 1 (2), pp.13–21.
12. *Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. 24.02.22* [Address of the President of the Russian Federation.24.02.22]. – Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (accessed: 19.09.2022).
13. Panchenkov S. A. *Litery «Z» i «V» kak simvol'y spetsial'noi voennoi operatsii na territorii Ukrainy* [Letters «Z» and «V» as symbols of a special military operation on the territory of Ukraine]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2022, no.1 (39), pp. 85-90.
14. Rastorguev S. P. *Matematicheskie modeli v informatsionnom protivoborstve (ekzistentsial'naya matematika)* [Mathematical models in Information Warfare (existential mathematics)]. Moscow, ANO TsSOiP Publ., 2014. 276 p.
15. Samokhvalova V. *Spetsifika sovremennoi informatsionnoi voyny: sredstva i tseli porazheniya* [Modern information warfare specifics: means and objectives of defeat]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2011. – no. 3, pp. 54–73.
16. Sidorin A. N., Ryabchenko I. A., Gerasimov V. P. *Informatsionnye, spetsial'nye, vozdušno-desantnye i aeromobil'nye operatsii armii vedushchikh zarubezhnykh gosudarstv* [Informational, special, airborne and airmobile operations of the armies of leading foreign states]. *Informatsionno-analiticheskii sbornik*. Moscow, 2011. 344 p.
17. *Tolkovyi onlain-slovar' russkogo yazyka Efremovoi T. F.* [Explanatory online dictionary of the Russian language by T. F. Efremova]. – Available at:

- <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BA%D0%B8> (accessed: 19.09.2022).
18. *Tsitaty i vyskazyvaniya Vladimira Putina* [Quotes and statements by Vladimir Putin]. – Available at: https://ruxpert.ru/Цитаты_и_высказывания_Владимира_Путина (accessed: 19.09.2022).
 19. Chekinov S. G., Bogdanov S. A. *O kharaktere i sodержanii voiny novogo pokoleniya* [About the nature and content of the new generation war]. *Voennaya mysl'*, 2013, no.10, pp.13–24.
 20. Shilina A. G. *Informatsionno-kommunikativnyi profil' latinitsey v russkoyazychnom massmediaprostranstve (opyt Respubliki Krym)* [Information and communication profile of the Latin alphabet in the Russian-speaking mass media space (the Republic of Crimea experience)]. *Zhurnalistika v 2021 godu: tvorchestvo, professiya, industriya*. Moscow, 2022, pp. 90–91.
 21. Shcherbina D. N. *Voennye informatsionno-kommunikativnye operatsii kak yavlenie sovremennogo obshchestva* [Military information and communication operations as a phenomenon of modern society]. Manuscript. Thesis abstract for degree of Doctor of Philosophy on specialization 09.00.11. Moscow, 2016. 26 p.

**INFORMATION AND COMMUNICATION SPECIAL OPERATION:
FUNCTIONING FEATURES OF Z, V, O PRECEDENT SIGNS
IN THE MEDIA SPACE
(BASED ON THE TELEGRAM CHANNEL AND VK PAGE
OF MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION)¹**

Shilina A. G., Subbotina O. A.

The article is devoted to the extralinguistic and linguistic relevance substantiation of the study on the information and communication special operation unfolding in the media space as an ideological component of the special military operation in Ukraine. Its conceptual verbal and visual representatives are Z, V, O precedent signs. The dynamics of activation of Z, V, O precedent signs used in the Telegram channel and the VK page texts of Ministry of Defense of the Russian Federation indicates the new counteraction tools formation in the information and communication special operation. Z, V, O precedent signs are presented in two main formats: a creolized meme and a hashtag, which are embodied through 7 cognitive information models. Since February 24th, 2022, the incorporation of Latin characters into the Cyrillic (Russian-speaking) fabric of the media discourse has been the answer to the linguistic and political challenge of the Latin alphabet to replace the Cyrillic alphabet: the “alien” Z, V, O signs began to be consciously used in media texts for “natives”, which allowed to state the fact of the productive communicative course emergence to counter information destabilization.

Telegram and VK.com technologies ensure the effectiveness of this communicative move and make media platforms for pilot communicative moves to neutralize the destructive influence of the media sphere.

Key words: information and communication special operation; special military operation; Z, V, O precedent signs; media text; cognitive information model.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

УДК 070

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В КРЫМСКОТАТАРСКОМ МУСУЛЬМАНСКОМ ЖУРНАЛЕ «АСРИЙ МУСУЛЬМАНЛЫКЪ» (1924–1927)¹

Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;
Крымский инженерно-педагогический университет,
Симферополь, Россия
E-mail: yablon@rambler.ru; trysto@mail.ru*

В статье раскрывается трактовка «женского вопроса» в крымскотатарском мусульманском журнале «Асрий мусульманлыкъ» («Современное мусульманство») (1924–1927). Анализ публикаций журнала позволяет прийти к выводу, что его авторы отстаивали права женщин: на образование, согласие (равноправие) в мусульманской семье, на культурный досуг, на свободное распоряжение своим имуществом и участие в общественной жизни. В статьях подчеркивается, что эти права не противоречат исламу, а напротив, соответствуют его глубинным основам. Взгляд авторов журнала на новый статус женщины в обновленном обществе, с одной стороны, соответствовал духу времени, широким общественным трансформациям 1920-х гг. и эксперименту по воспитанию «нового» человека, а с другой стороны, являлся продолжением идей И. Гаспринского по образованию и современному воспитанию мусульманок. В то же время в своих реформаторских порывах редколлегия мусульманского журнала была значительно сдержаннее коллег из светских изданий: на его страницах невозможно найти признаков «гендерной войны», создания негативного образа семьи, темы развода как метода избавления женщины от неравенства в семье и др. Это объясняется спецификой как самого издания, так и его авторского состава и целевой аудитории.

Ключевые слова: история советской журналистики, история крымской журналистики, история крымскотатарской журналистики, крымскотатарская пресса, мусульманский журнал, женский вопрос.

ВВЕДЕНИЕ

«Женский вопрос» в крымскотатарских изданиях – тема, неоднократно привлекавшая внимание исследователей. Наиболее изучено по данной проблематике содержание изданий Исмаила Гаспринского, а также его вклад в развитие женской тюркской периодики. Идеи И. Гаспринского об эмансипации мусульманских женщин стали предметом детального анализа в диссертациях Э. Лазерини [28, с. 237–255] и Н. Е. Тихоновой [13, с. 115–122]. В. Ю. Ганкевичем [5, с. 146–153; 6; 7] были исследованы история попыток И. Гаспринского организовать периодическую печать для женщин (журнала для женщин-мусульманок «Тербие» и женского приложения к газете «Терджиман» под названием «Кадын»), его вклад в создание первого тюркского женского журнала «Алем-и нисван», а также роль Гаспринского и его семьи в развитии народного образования среди крымскотатарских женщин на рубеже XIX–XX вв. Статьи Л. З. Чубукчиевой [19; 20] углубили представление о просветительской деятельности и прогрессивных идеях И. Гаспринского в области эмансипации женщин-мусульманок, а также их отражении на страницах журнала «Алем-и нисван». Причины закрытия журнала

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

«Алем-и нисван» были изучены Э. Абибуллаевой [2]. Анализ темы женского образования в очерках И. Гаспринского «Кадынлар» и «Проблески культурного движения татар» выполнен в статье С. Н. Абдурамановой [1]. В трудах Н. В. Яблоновской была прослежена тема женской эмансипации в СМИ тюркских народов Крыма в конце XIX – начале XX вв. [23; 24; 25], а также история развития крымскотатарского женского журнала с момента его возникновения до наших дней [22; 26].

В то же время публикации первого крымскотатарского мусульманского журнала «Асрий мусульманлыкъ» («Современное мусульманство»), посвященные роли и статусу крымскотатарских женщин, в научных работах практически не затрагивались – возможно, потому что сам журнал был введен в научный оборот относительно недавно (историками Н. Канлыдере [27] и Э. Хайруддиновой [17] и журналистиковедом Н. Яблоновской и Л. Джелиловой [21]).

Необходимость заполнить существующую лакуну в истории крымскотатарской журналистики и исследованиях «женского вопроса» в советской прессе 1920-х гг. определило наше обращение к данной теме.

Цель нашей статьи – проследить, как представляли решение «женского вопроса» авторы крымскотатарского мусульманского журнала «Асрий мусульманлыкъ».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Журнал «Асрий мусульманлыкъ» («Современное мусульманство») являлся печатным органом Народного управления религиозными делами мусульман Крымской АССР (НУРДМК) и выходил с 1 ноября 1924 г. по сентябрь 1927 г. Ответственным редактором журнала был Аджи Халил Мусядин (Хаджи Мусяхиддин), руководитель НУРДМК (муфтий). Редакция находилась в Симферополе, в здании НУРДМК по улице Субхи (ныне – ул. Крылова), 56 (дом Исмаила Сулеймановича Аирчинского).

Как мы писали ранее [21, с. 566–567], в работе журнала принимали активное участие как члены центрального аппарата НУРДМК: Хаджи Мусядин (муфтий), Хабиб Эшреф (секретарь), Джемаледдин Вирати, – так и имамы из разных уголков Крыма. Помимо этого, журнал активно публиковал отечественных и зарубежных богословов: египетского общественного и религиозного деятеля, бывшего муфтия Египта Мухаммада Абдо, башкирского и татарского писателя-просветителя, религиозного деятеля, муфтия Центрального Духовного Управления мусульман (ЦДУМ) Ризаэдина Фахреддина, казанского улема, мударриса, заместителя председателя и кадия ЦДУМ Кашшафа Тарджемани (Кашшафетдина Тарджеманова), выдающегося татарского философа-богослова, одного из лидеров джадидизма Мусу Бигеева (под псевдонимом «Муса Джарулла»), выдающегося просветителя, видного общественного деятеля, богослова, реформатора ислама, писателя, кадия из Уфы Зию Камали (Зыяэдина Камалетдинова), члена Духовного Управления Башкортостана (БДУ) Халила Юлдашева.

По справедливому замечанию В. С. Христофорова, «Асрий мусульманлыкъ» был «одной из немногих легальных богословско-просветительских площадок для мусульман всего Советского Союза» [18, с. 156]. Журнал активно взаимодействовал с Центральным духовным управлением в Уфе и его официальным органом – журналом «Ислам маджалласы» («Исламский журнал», 1924-1928, с 1926 г. – «Ислам»). Влияние журнала распространялось на всех мусульман Советского Союза (примерно треть его подписчиков находилась далеко за пределами Крыма [18, с. 156]).

Деятельность журнала находилась под контролем спецслужб: как было установлено историками Ю. Н. Гусевой и В. С. Христофоровым, переводы статей журнала направлялись ГПУ Крыма на заключение в Восточный отдел ОГПУ «для дальнейшего рассмотрения и утверждения» [8, с. 44–45].

Тираж журнала составлял 1–2 тыс. экземпляров. Отдельный номер включал не более 30 страниц.

Нами отмечалось ранее [21, с. 568], что типологически «Асрий мусульманлыкъ» представлял собой религиозный, научный и философский журнал. Его лозунгом стала цитата из 3-й суры Корана «Аль Имран» («Семейство Имрана») о единении в вере: «Крепко держитесь за вервь Аллаха все вместе и не распадайтесь». Нетрудно заметить, что этот религиозный призыв перекликался с популярным лозунгом советских газет: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Помимо этого, лозунг «Современного мусульманства» сохранял преемственность и с известным девизом газеты И. Гаспринского «Терджиман» о единстве тюркоязычных народов: «Единство в мыслях, словах и делах».

Многое в задачах журнала «Асрий мусульманлыкъ» было созвучно идейным приоритетам советской эпохи, воспитывающей «нового» человека:

- просвещать тёмный народ;
- подготовить мусульманский народ к современности;
- стараться дать мусульманам современное воспитание, внушить им революционный дух [9].

Публикации издания о равноправии мужчин и женщин, о необходимости образования женщин, с одной стороны, опирались на нормы ислама, а с другой – удивительно соответствовали пропаганде социального обновления, характерной для советской прессы 1920-х гг.

Исследовательница женской прессы О. Д. Минаева отмечает, что процесс эмансипации женщин идеологами советского государства рассматривался в предельно широком социальном контексте: «...Предполагалось не просто перераспределение обязанностей в семье и в обществе, изменение гендерных стереотипов, а проведение более широких реформ – трансформирование при коммунизме образа жизни людей» [10, с. 58].

В то же время необходимо отметить, что дух нигилизма и разрушительства, пронизывающий многие советские (в том числе женские) издания данного периода, совершенно не коснулся мусульманского журнала в силу его специфики: темы разрушения патриархальной семьи и ее ценностей, «гендерной войны», антирелигиозной пропаганды и др., характерные для содержания журналов «Работница» и «Крестьянка» в 1920-е гг. [10; 11], в журнале не только не рассматривались, но даже не затрагивались.

В обращении журнала к образованию и правам женщины-мусульманки, безусловно, сказались и традиции крымскотатарской журналистики, заложенная Исмаилом Гаспринским в газете «Терджиман» и журнале «Алем-и нисван».

Так, например, вслед за И. Гаспринским бахчисарайский имам Исмаил Сулейман отстаивает права, данные женщинам исламом. Он утверждает: «Несмотря на то, что исламская религия, считая женщину источником продолжения и процветания всего гуманного в мире человеческом, более, чем мужчин, ценит женщин, мы, мусульмане, по знанию или по незнанию своему, ничуть не отдаём должного ей. Мы видим ее, словно нашу рабыню, воспринимаем игрушкой в наших руках, делая предметом вожделения и

удовольствий. Тогда как в исламской религии женщина наравне с мужчиной имеет права» [12, с. 118].

Автор пишет о праве женщины распоряжаться по своему усмотрению имуществом, которое принадлежит ей по праву – никто не вправе посягать на свободу ее решений.

Также И. Сулейман отстаивает право женщин на культурный досуг и социализацию: собираться, организовываться в своем кругу, открывать сообщества, организации, делать и слушать там тематические доклады, поскольку «шариат не запрещает такие культурные и общественные собрания» [12, с. 118].

Женщины, по мнению публициста, обязаны обогащать свои культурные и общественные знания, поскольку «шариат указывает на знания и образование, которые необходимо получать от колыбели и до могилы, от рождения и до самой смерти»: «Женщины веры Мухаммеда должны следовать этому канону, не сходя с пути истинного. Один из законов ислама утверждает об обязательном просвещении как мужчин, так и наравне с ними женщин» [12, с. 118].

Автор считает, что знания и образование женщине даже нужнее, чем мужчине: темная женщина не сможет быть полезной ни в доме, ни для своей семьи, ни в делах домоводства и хозяйства, будет бесполезной в деле как физического, так и умственного воспитания своих детей.

Самое важное дело женщины, по мнению бахчисарайского имама, – окончить начальное, среднее и полное образование, «дабы стать полезной в деле продолжения рода людского, процветания и благоденствия всего человечества, готовиться к законному и достойному замужеству» [12, с. 118], а затем, если у нее есть время и желание, повышать своё образование, пополнять знания.

Говоря об ограничениях в исламе на занятия для женщин («некоторое участие женщин в торговом деле и делах искусства»), И. Сулейман особо подчеркивает, что в «деле воспитания» и в «аграрном деле» ислам в участии женщин проблемы не видит. Особо же исламская религия призывает учиться «лекарскому делу»: «Должны быть как мужчина-доктор, так и доктор-женщина, когда это необходимо. Каждый пол должен обслуживаться и обихаживаться врачом своего пола. С точки зрения религии это более приемлемо. Более того, у мусульманских народов, как в прочем и у инородцев во всем мире, женщины обязательно должны обучаться врачеванию и сестринско-акушерскому делу» [12, с. 118].

Завершает статью имам тем, что женщины, придя в молельни и мечети, должны слушать слово Божие, получать полезные советы, поскольку пророк Мухаммед после обращения с проповедью к мужчинам всегда обязательно обращался к женщинам.

Новые общественные тенденции повлияли не только на тематику статьи И. Сулеймана, но и на ее лексику – в тексте встречаются неологизмы, для которых в период публикации не был найден крымскотатарский эквивалент: дакладлара (рус. – докладам); хазайствасына (рус. – для своего хозяйства).

Один из активных авторов журнала, имам-хатип деревни Кутлак (Веселое) Судакского района Билял Фаик обосновывает необходимость образования женщин, опираясь на исторические примеры и системный подход [14].

Причину того, что другие национальные сообщества более развиты интеллектуально, он видит в том, что в них женщины получают образование наравне с мужчинами. «Прогресс и развитие – это закономерность одной целой системы, – пишет

он. – Если женщины и мужчины не владеют равным уровнем знаний, тогда то, что создает и созидает один, второй будет обязательно разрушать» [14].

Автор напоминает читателям, что в первые годы ислама женщины были заняты общественным трудом: такие женщины, как дочь Месуда Рабиа (святая Ревекка), владели наукой хирургии, лично лечили больных, выхаживая их. «В период правления эмевитов и аббасидов, – вспоминает Б. Фаик, – женщины в богословии, юриспруденции, медицине и других областях опережали мужчин. Даже в богословских учреждениях женщины читали лекции, давая уроки учащимся-мужчинам» [14].

То, что эти важные традиции не нашли продолжения, имам объясняет так: «К сожалению, позже появятся невежественные люди, которые не сумеют познать ислам и своими противоречивыми взглядами на учение об исламе приведут к тому, что закрепится мысль о вреде женской образованности, о чем будут изданы соответствующие фетвы» [14].

Причину того, что женщина дурно себя ведет, Б. Фаик предлагает искать не в ее грамотности, а в дурном влиянии окружения. Он пишет: «“Яблоко не падает вдали от яблони. А если и упало вдали, стручок-то всё равно к дереву повернут”, – говорят. Как верно сказано! Невероятно, чтобы дочь не была похожей на мать свою. Более того, безалаберными своих дочерей делают их матери, а не грамотность. Мать невежественна, вот и воспитание неправильное» [14].

В подтверждение своих мыслей публицист приводит хадисы из Корана, гласящие об обязательном образовании женщин: «Талебюль илим фаризат али кель мюслим у мюслимат», «Ильм у ислям шакайик уль риджалъ», «Азимюль ниса баракята исзихе мювеннет». В первом хадисе говорится, что и мужчине, и женщине закон ислама указывает на просвещение. Второй хадис: «Женщина есть вторая половина мужчины». Третий хадис: «Самая великая женщина – та, что благонамеренна, учтива, не является грузом для своего мужа; та, которую просто и легко прокормить».

Опираясь на них, публицист еще раз утверждает, что если женщины не получают должного образования, не будут владеть необходимыми навыками и профессиями, не обогатятся знаниями, то они не будут соответствовать священным хадисам. «Насколько мужчина обязан быть просвященным, настолько и женщина должна обогатиться знаниями. Это закон», – завершает статью автор [14].

Разнообразные аспекты женского вопроса поднимались и в опубликованном в нескольких номерах журнала сочинении башкирского и татарского писателя-просветителя, религиозного деятеля, муфтия Центрального Духовного Управления мусульман (ЦДУМ) Ризаэддина Фахреддина «О воспитании».

В главе «Наука и женщина», опубликованной в № 10 журнала, муфтий пишет, что как бы ни были образованы отцы, они не располагают нужным количеством времени для воспитания детей. Школьные учителя учат чтению, письму, но они не обучат тому, к чему приучают матери – нравственности и морали. Поэтому такая важная задача, как воспитание детей, лежит на матерях: «Дети похожи на молодые ростки, гнущиеся в любую сторону. Как необразованная женщина сможет привести их в правильный, прямой вид? Как в управлении державой необходим колоссальный опыт, так и в управлении семьей нужен большой опыт. Поэтому женщины обязаны быть образованными» [16].

Среди знаний, необходимых женщинам, автор называет знания в области воспитания, материнства и супружества. «Для того, кто собрался стать инженером, – пишет автор, – необходимо знание математики, будущий часовщик должен обладать

знаниями часового мастера, телеграфист – знать всё о телеграфе. А почему тот, кто готовится стать матерью, не должен учиться быть матерью, женой, получить нужное образование?» [16]. Женщинам, по его мнению, нужно получить уроки религии, нравственности, этикета, домоводства, чтения и письма, семейного уклада, а более всех наук женщинам необходима наука нравственности.

Отдельно останавливается Р. Фахреддин и на необходимости для женщин знаний в области санитарии и ухода за больными. «Труд женщины-сиделки намного важнее даже, чем дело доктора, – пишет он. – Сердобольная в уходе, милая в выражениях, она есть целебный бальзам на душу больного. Матери, знающие правила санитарии, очень верно различают полезную и вредную пищу и одежду. Поэтому дети их растут здоровыми» [16].

Образование, заключает он, уберезит женщин от скверных помыслов, от мотовства, бесконечных гуляний и подобных вредных привычек; открыто укажет на хорошее и плохое; женщина станет уважаема, приобретёт вес в глазах своих детей, правильно их воспитает.

В главе «Красота и женщина» муфтий пишет, что красота – это вещь, необходимая любой женщине. Автор выделяет внешнюю и внутреннюю красоту, подчеркивая, что желанная красота – это красота внутренняя: «Внешняя красота проходящая, она кончается в один миг. Когда как внутренняя красота – счастье, которое всегда пополняется» [16].

Внутренняя красота для просветителя – это, прежде всего, красота ума. «Как солнце освещает своим лучом землю, так и мысль освещает наш ум, развивает мозг. Способность мыслить направляет нас на правильный путь», – подчеркивает он. Поэтому, как считает просветитель, если женщина обделена внешней красотой, она всегда может быть уважаема за внутренние качества.

Под искусственной красотой Р. Фахреддин понимает уход и санитарию. «Истинная красота идет от простой воды и душистого куска мыла», – утверждает он, подчеркивая то, что такая красота «незатратна». Косметику же и такие косметические процедуры, как окрашивание волос и выщипывание бровей, автор считает «не красотой, а вредными для здоровья веществами и ядами».

Уважая право женщины на свободу выбора, автор заявляет: «Женщина, которая желает себе казаться красивой, свободна в выборе, краситься или нет» [16]. При этом он настаивает на том, что воспитанному мужчине «всегда будет нравиться красота, ничем не отравленная» [16].

В главе «Согласие», опубликованной в № 11 журнала, Р. Фахреддин указывает на то, что согласие (равноправие) является необходимым условием семейного благополучия: «В противном случае возникнет унижение низшего высшим по статусу. Если мужчина и женщина не будут постоянно уважать права друг друга, тогда их ожидает несчастливая судьба» [15, с. 285.]. Что же такое согласие? – вопрошает просветитель. И отвечает: «По мнению простого народа, единство в имуществе, и в душе, и тому подобных вещах. По представлениям элиты: равенство в науке и в воспитании» [15, с. 285].

Новый взгляд крымских мусульман на равенство полов и на брак демонстрирует и редакционная почта журнала. Так, в № 6 «Асрий мусульманлыкъ» опубликовал открытое письмо «группы несчастных холостяков из северных деревень Евпаторийского района» [3]. Их обращение в редакцию было вызвано желанием «сбросить со своих плеч непосильную ношу» – калым (в тексте – мехр (араб.)). Авторы письма хотят получить от

редакции журнала, а по сути – от НУРДМК, ответ на вопрос: «Обязательство ли это религиозное – калым? Или лишь пережиток?» [3].

Из текста письма виден конфликт между молодежью и стариками (аксакалами) дальних деревень, к влиянию на которых авторы призывают редакцию: «Мы молодежь, и цель этого нашего обращения – не жалоба, а незыменяемость наших аксакалов к предупреждениям на страницах «Современного мусульманства» на эту тему. Цель наша, чтобы «Современное мусульманство» дало твердое назидающее и точное пояснение тем, кто противится прислушаться» [3].

От имени редакции на письмо ответил Джемаледдин Вирати. Он отметил, что в основе традиции дани-калыма лежит желание защитить женщину, которая «по сравнению с мужчиной физически слаба», и гарантировать ей ее будущее (защиту). Вместе с тем священнослужитель подчеркивает необязательность данной традиции: «Сегодня, когда идут подготовки к созданию молодой татарской семьи и требуют незнамо какие суммы, количество золота и другие подобные ценности, да будет всем известно, что нет таких условий и обязательств в религии и шариате» [4]. В духе времени автор осуждает этот «пережиток» как «буржуазный» и призывает «товарищей имамов» помочь народу бороться с невежеством, «проводить разъяснительную работу о вреде и оставлении скверных традиций» [4]. Свое выступление автор заканчивает лозунгами: «Старые традиции прошлого погубили нас. Нет слепоте! Нет застою и лени! Нет невежеству!» [4].

ВЫВОДЫ

Как видим, женский вопрос волновал многих авторов первого крымскотатарского мусульманского журнала «Асрий мусульманлыкъ». И муфтий Центрального Духовного Управления мусульман, и крымские имамы были единодушны в том, что современной женщине необходимо образование, согласие (равноправие) в семье, право на культурный досуг, право свободно распоряжаться своим имуществом и принимать участие в общественной жизни. Авторы подчеркивали, что эти права не противоречат исламу, а наоборот, соответствуют его принципам.

Взгляд авторов журнала на новый статус женщины в обновленном обществе, с одной стороны, соответствовал духу времени, широким общественным трансформациям 1920-х гг. и эксперименту по воспитанию «нового» человека, а с другой стороны, являлся продолжением идей И. Гаспринского по образованию и современному воспитанию мусульманок.

В то же время в реформаторских порывах авторы мусульманского журнала были значительно сдержаннее коллег из светских изданий: на его страницах невозможно найти признаков «гендерной войны», создания негативного образа семьи, темы развода как метода избавления женщины от неравенства в семье и др. Это объясняется спецификой как самого издания, так и его авторского состава и целевой аудитории.

Список литературы

1. *Абдураманова С. Н.* «Женский вопрос» в очерках «Кадынлар» и «Проблемски культурного движения татар» И. Гаспринского // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2018. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-vopros-v-ocherkah-kadynlar-i-probleski-kulturnogo-dvizheniya-tatar-i-gasprinskogo>. – (Дата обращения: 09.06.2022).

2. *Абибуллаева Э. Э.* Причины, повлиявшие на закрытие журнала «Алем-и нисван» («Женский мир») (к 170-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского) // Крымское историческое обозрение. – 2021. – № 2. – С. 97–114.
3. «Асрий муслюманлыкъ» меджмуасына ачыкъ мектуб [Открытое письмо в редакцию журнала «Асрий мусульманлыкъ»] // Асрий мусульманлыкъ. – 1925. – № 6. – С. 142.
4. *Вирати Д.* Ачыкъ мектуб джеваб макъамында [Открытое письмо вместо ответа] // Асрий мусульманлыкъ. – № 6. – С. 142–143.
5. *Ганкевич В. Ю.* На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914 гг.). – Симферополь: Доля, 2000. – 328 с.
6. *Ганкевич В. Ю.* Роль Гаспринского и его семьи в развитии народного образования среди крымскотатарских женщин на рубеже XIX–XX вв. // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура (материалы республ. научн.-общ. конференции). – Симферополь, 1994. – С. 19–21.
7. *Ганкевич В. Ю., Шендрикова С. П.* Виникнення першого кримськотатарського жіночого періодичного видання // Культура народів Причорномор'я. – 2004. – № 49 (II). – С. 16–19.
8. *Гусева Ю. Н., Христофоров В. С.* Дискусии о будущем российского мусульманства на страницах крымского журнала «Асрий мусульманлыкъ» (1924–1927) (на примере публикации самарского богослова-просветителя М.-Ф. Муртазина) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – Т. 27. – № 3. – С. 43–48.
9. Меджмуамызынь макъсады ве тутаджакъ ёлы [Цель и направление нашего журнала] // Асрий мусульманлыкъ. – 1924. – № 1.
10. *Минаева О. Д.* Реформа быта и деконструкция патриархальной семьи в 1920 гг. (по материалам журналов «Работница» и «Крестьянка») // Меди@альманах. – 2015. – № 2 (67). – С. 58–66.
11. *Минаева О. Д.* Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг. – М. : МедиаМир, 2015. – 230 с.
12. *Сулейман И.* Ислям диннинъ къадынлар вирдиги хукъукъ [Права, предоставленные женщинам в исламе] // Асрий мусульманлыкъ. – 1925. – № 5. – С. 118.
13. *Тихонова Н. Е.* Роль крымскотатарской газеты «Переводчик-Терджиман» в этнокультурном и политическом дискурсе в России в 1880–1910-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук / 07.00.02. – СПб., 2019. – 203 с.
14. *Фаик Б.* Къадынлыкъда маариф [Просвещение женщин] // Асрий мусульманлыкъ. – 1926. – № 11. – С. 264–265.
15. *Фахреддин Р.* Аиле тербиеине даир [К вопросу о семейном воспитании] // Асрий мусульманлыкъ. – № 11. – С. 285–288.
16. *Фахреддин Р.* Тербиее даир. Ильм ве къадын. Аиле китабындан [К вопросу о воспитании. Наука и женщина. Из семейной книги] // Асрий мусульманлыкъ. – 1926. – № 10. – С. 239–240.
17. *Хайруддинова Э. М.* Особенности взаимоотношений советской власти и мусульман в Крымской АССР (начало 20-х – конец 30-х гг. XX века) // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. – 2011. – Т. 24. – № 2. – С. 134–139.
18. *Христофоров В. С.* Муфтий Крыма Хаджи Муслихиддин о Мекканском конгрессе 1926 г. (по материалам журнала «Асрий мусульманлыкъ») // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muftiy-kryma-hadzhi-muslyahiddin-o-mekkanskom-kongresse-1926-g-po-materialam-zhurnala-asriy-musulmanlyk>. – (Дата обращения: 13.06.2022).
19. *Чубукчиева Л. З.* «Женский мир» Шефики и Исмаила Гаспринских // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2021. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-mir-shefiki-i-ismaila-gasprinskih>. – (Дата обращения: 09.06.2022).
20. *Чубукчиева Л. З.* Женский вопрос на страницах журнала «Алеми нисван» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2013. – № 1–2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-vopros-na-stranitsah-zhurnala-alemi-nisvan>. – (Дата обращения: 09.06.2022).
21. *Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш.* "Асрий мусульманлыкъ" (1924–1927) – первый мусульманский журнал Крыма // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – № 2 (78). – Режим

- доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/asriy-musulmanlyk-1924-1927-pervyy-musulmanskiy-zhurnal-kruma>. – (Дата обращения: 06.07.2022).
22. Яблоновская Н. В. Крымскотатарский женский журнал: история и современность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – Том 3 (69). – 2017. – № 1. – С. 27–47.
 23. Яблоновська Н. В. Жіноче питання у пресі тюркських народів Криму кінця XIX – початку XX століть // Вісник Дніпропетровського університету. Серія Літературознавство. Журналістика. – 2006. – Вип. 8. – С. 152–156.
 24. Яблоновська Н. В. Кримська журналістика: етнічні аспекти: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. – Сімферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2008. – 289 с.
 25. Яблоновська Н. В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність. – Сімферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2006. – 312 с.
 26. Яблоновська Н. В. Сучасні кримськотатарські жіночі журнали: особливості контенту та просування // Світ соціальних комунікацій. – 2012. –Т. 8. – С. 162–166.
 27. Kanlıdere N. Bolşevik ihtilalinin ilk yıllarında Kırım'da islamiyet ve "Asri müslümanlık" dergisi: (Yüksek Lisans Tezi) / Hazırlayan: N. Kanlıdere ; T. C. Marmara Üniversitesi, Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, Türk Tarihi Anabilim Dalı, Genel Türk Tarihi Bilim Dalı. – İstanbul, 2004. – 159 s.
 28. Lazzerini E.J. Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878-1914: a Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirement of the degree of Doctor of Philosophy, 1973 / E. Lazzerini. – Б.м.: University of Washington, 1973. – 313 p.

References

1. Abduramanova S. N. «Zhenskij vopros» v ocherkah «Kadynlar» i «Probleski kul'turnogo dvizhenija tatar» I. Gasprinskogo ["Women's issue" in the essays "Kadynlar" and "Glimpses of the cultural movement of the Tatars" by I. Gasprinsky]. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury*, 2018, №5. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-vopros-v-ocherkah-kadynlar-i-probleski-kulturnogo-dvizheniya-tatar-i-gasprinskogo> (accessed 9 June 2022).
2. Abibullaeva Je. Je. Prichiny, povlijavshie na zakrytie zhurnala «Alem-i nisvan» («Zhenskij mir») (k 170-letiju so dnja rozhdenija Ismaila Gasprinskogo) [The reasons that influenced the closure of the magazine "Alem-i Nisvan" ("Women's World") (on the occasion of the 170th anniversary of the birth of Ismail Gasprinsky)]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*, 2021, no 2. pp. 97–114.
3. "Asriy müslümanlıq" mecmuasına açıq mektüb. *Asriy müslümanlıq*, 1925, no 6, p. 142.
4. Virati C. Açıq mektüb cevab maqamında. *Asriy müslümanlıq*, no 6, pp. 142–143.
5. Gankevich V. Ju. *Na sluzhbe pravde i prosveshheniju: kratkij biograficheskiy ocherk Ismaila Gasprinskogo (1851 – 1914 gg.)* [In the service of truth and enlightenment: a brief biographical sketch of Ismail Gasprinsky (1851–1914)]. Simferopol', Dolja Publ., 2000. 328 p.
6. Gankevich V. Ju. *Rol' Gasprinskogo i ego sem'i v razvitiі narodnogo obrazovanija sredi krymskotatarskih zhenshin na rubezhe XIX-XX vv.* [The role of Gasprinsky and his family in the development of public education among Crimean Tatar women at the turn of the 19th–20th centuries]. *Krym i Rossija: nerazryvnye istoricheskie sud'by i kul'tura* (materialy respubl. nauchn.-obshh. konferencii). Simferopol', 1994, pp. 19–21.
7. Gankevich V. Ju., Shendrikova S. P. *Viniknennja pershogo krims'kotatars'kogo zhinochogo periodichnogo vidannja* [The emergence of the first Crimean Tatar women's periodical]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 2004, no 49 (II), pp. 16–19.
8. Guseva Ju. N., Hristoforov V. S. *Diskussii o budushhem rossijskogo musul'manstva na stranicah krymskogo zhurnala «Asriy musul'manlyk» (1924–1927) (na primere publikacii samarskogo bogoslova-prosvetitelja M.-F. Murtazina)* [Discussions about the future of Russian Islam on the pages of the Crimean magazine "Asriy Muslimlyk" (1924–1927) (on the example of the publication of the Samara theologian-educator M.-F. Murtazin)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 43–48.
9. Mecmuamizin maqsadı ve tutacaq yolu. *Asriy müslümanlıq*, 1924, no. 1.
10. Minaeva O. D. *Reforma byta i dekonstrukcija patriarhal'noj sem'i v 1920 gg. (po materialam zhurnalov «Rabotnica» i «Krest'janka»)* [The reform of everyday life and the deconstruction of the patriarchal family

- in the 1920s. (Based on the materials of the magazines "Worker" and "Peasant Woman"). *Medi@al'manah*, 2015, no. 2 (67), pp. 58–66.
11. Minaeva O. D. *Zhurnaly «Rabotnica» i «Krest'janka» v reshenii «zhenskogo voprosa» v SSSR v 1920-1930-e gg.* : [Journals "Rabotnitsa" and "Krestyanka" in the solution of the "women's issue" in the USSR in the 1920-1930s.]. Moscow, MediaMir Publ., 2015. 230 p.
 12. Süleyman I. İslâm dininin qadınlara. *Asriy müslümanlıq*, 1925, no. 5, pp. 118.
 13. Tihonova N. E. *Rol' krymskotatarskoj gazety «Perevodchik-Terdzhiman» v jetnokul'turnom i politicheskom diskurse v Rossii v 1880–1910-e gg.* : Dis. ... kand. ist. nauk [The role of the Crimean Tatar newspaper "Perevodchik-Terdzhiman" in the ethnocultural and political discourse in Russia in the 1880s–1910s. Thesis]. Saint Petersburg, 2019. 203 p.
 14. Faik B. Qadınlıqda maarif. *Asriy müslümanlıq*, 1926, no. 11, pp. 264–265.
 15. Fahreddin R. Aile terbiyesi dair. *Asriy müslümanlıq*, 1926, no. 11, pp. 285–288.
 16. Fahreddin R. Terbiyeye dair. İlim ve qadın. *Asriy müslümanlıq*, 1926, no. 10, pp. 239–240.
 17. Hajruddinova Je. M. *Osobennosti vzaimootnoshenij sovetskoj vlasti i musul'man v Krymskoj ASSR (nachalo 20-h – konec 30-h gg. XX veka)* [Peculiarities of Relations between the Soviet Power and Muslims in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (early 1920s – late 1930s)]. *Uchjonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija: Istoricheskie nauki*, 2011, vol. 24, no. 2, pp. 134–139.
 18. Hristoforov V. S. *Muftij Kryma Hadzhi Musljahiddin o Mekkanskom kongresse 1926 g. (po materialam zhurnala «Asrij musul'manlyk»)* [Mufti of Crimea Haji Muslyakhiddin about the Meccan Congress of 1926 (based on the materials of the Asriy Muslimlyk magazine)]. *Gasyrlar avazy – Jeho vekov*, 2021, no. 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/muftiy-kryma-hadzhi-muslyahiddin-o-mekkanskom-kongresse-1926-g-po-materialam-zhurnala-asriy-musulmanlyk> (accessed 9 June 2022).
 19. Chubukchieva L. Z. *«Zhenskij mir» Shefiki i Ismaila Gasprinskih* ["Women's World" Shefika and Ismail Gasprinsky]. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury*, 2021, no. 11. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-mir-shefiki-i-ismaila-gasprinskih> (accessed 9 June 2022).
 20. Chubukchieva L. Z. *Zhenskij vopros na stranicah zhurnala «Alemler nisvan»* [Women's issue on the pages of the magazine "Alemler Nisvan"]. *Gasyrlar avazy – Jeho vekov*, 2013, no. 1–2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-vopros-na-stranitsah-zhurnala-alemi-nisvan> (accessed 9 June 2022).
 21. Jablonovskaja N. V., Dzhelilova L. Sh. *"Asrij musul'manlyk" (1924–1927) – pervyj musul'manskiy zhurnal Kryma* ["Asri Muslimlyk" (1924–1927) – the First Muslim Journal of Crimea]. *Vesnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 2 (78). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/asriy-musulmanlyk-1924-1927-pervyy-musulmanskiy-zhurnal-kryma> (accessed 9 June 2022).
 22. Jablonovskaja N. V. *Krymskotatarskij zhenskij zhurnal: istorija i sovremennost'* [Crimean Tatar women's magazine: history and modernity]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie nauki*, 2017, vol. 3 (69), no. 1, pp. 27–47.
 23. Jablonovskaja N. V. *Zhinoche pitannja u presi tjurks'kih narodiv Krimu kincja XIX – pochatku XX stolit'* [The women's issue in the press of the Turkic peoples of Crimea in the late 19th and early 20th centuries]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Serija Literaturoznavstvo. Zhurnalistika*, 2006, issue 8, pp. 152–156.
 24. Jablonovskaja N. V. *Krims'ka zhurnalistika: etnichni aspekti* [Crimean journalism: ethnic aspects]. Simferopol', Krimnavchpedderzhvidav Publ., 2008. 289 p.
 25. Jablonovskaja N. V. *Etnichna presa Krimu: istorija ta suchasnist'* [Ethnic press of Crimea: history and modernity]. Simferopol', Krimnavchpedderzhvidav Publ., 2006. 312 p.
 26. Jablonovskaja N. V. *Suchasni krims'kotatars'ki zhinochi zhurnali: osoblivosti kontentu ta prosuvannja* [Modern Crimean Tatar women's magazines: features of content and promotion]. *Svit social'nih komunikacij*, 2012, vol. 8, pp. 162–166.
 27. Kanlıdere N. *Bolşevik ihtilalinin ilk yıllarında Kırım'da islamiyet ve "Asri müsülmanlık" dergisi*: (Yüksek Lisans Tezi) / Hazırlayan: N. Kanlıdere ; T. C. Marmara Üniversitesi, Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, Türk Tarihi Anabilim Dalı, Genel Türk Tarihi Bilim Dalı. İstanbul, 2004. 159 s.
 28. Lazzerini E. J. *Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878-1914*: a Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy, 1973 / E. Lazzerini. University of Washington, 1973. 313 p.

**THE WOMEN'S ISSUE IN THE CRIMEAN TATAR MUSLIM JOURNAL
"ASRIY MUSULMALYK" (1924–1927)¹**

Yablonovskaya N. V., Dzhelilova L. Sh.

The article deals with the interpretation of the "women's issue" in the Crimean Tatar Muslim Journal "Asriy Musulmanlyk" ("Modern Islam") (1924–1927). The journal publications analysis showed that its authors defended the rights of women: the right for education, consent (equality) in a Muslim family, cultural leisure, free disposal of property and participation in public life. The articles emphasize that these rights do not contradict Islam, but, on the contrary, correspond to its deep foundations. The authors view on the modern status of women in a renewed society, on the one hand, corresponded to the spirit of the times, to the broad social transformations of the 1920s and an experiment in the upbringing of a "new" person, and on the other hand, was a continuation of I. Gasprinsky's ideas – the equal education and modern upbringing of Muslim women. At the same time, taking into account the reformist impulses, the editorial board of the Muslim journal was more restrained than their colleagues from secular publications. It was impossible to find signs of a "gender war" on the journal's page: creating a negative image of the family, the topic of divorce as a method of ridding a woman of inequality in the family, etc. This could be explained by the specifics of both the publication itself and its composition of authors and target audience.

Key words: The History of Soviet Journalism, The History of Crimean Journalism, The History of Crimean Tatar Journalism, Crimean Tatar press, Muslim Journal, Women's issue.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адылова Ленара Экремовна – магистрант 1 курса Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Ачилова Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Баранская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Беспалова Елена Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Булгакова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Джелилова Ленира Шакировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Кондратская Виктория Леонидовна – кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Литвякова Татьяна Александровна – аспирант кафедры «Лингвистика» факультета «Экономика, логистика и менеджмент» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения», г. Самара, Россия

Лихачёв Эдуард Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лучинский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций факультета журналистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Мазина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Мартыненко Екатерина Александровна – аспирант 3 года обучения, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия

Мащенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Мележик Карина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков №3 Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Миколайчик Маргарита Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 3 Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петренко Даниил Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Полховская Елена Васильевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Хлыбова Наталия Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков №2 Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Храбскова Данута Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научно-исследовательской работе, заведующий кафедрой романской и классической филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чепурина Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», г. Симферополь, Россия

Чернышова Марина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чернявская Янина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент подготовительного отделения для иностранных граждан ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет», г. Тюмень, Россия

Шилина Анжела Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Языкова Татьяна Владимировна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Баранская Е. М.

Ф. И. ТЮТЧЕВ И КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 гг.3

Беспалова Е. К., Языкова Т. В.

ХРОНИКА «НОУЛ И РОД СЭКВИЛЛ» ВИТЫ СЭКВИЛЛ-УЭСТ:
ПОИСК САМОИДЕНТИЧНОСТИ АВТОРА.....21

Мартыненко Е. А.

А. ГРЕЙ В РАМКАХ ШОТЛАНДСКОГО «ДЕВОЛЮЦИОННОГО» КАНОНА.....33

Мащенко А. П.

КРЫМ В ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА45

Храбскова Д. М., Томичева И. В.

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА.....58

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Мазина Е. Н., Полховская Е. В.

ИГРА СТИЛЕЙ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ.....70

Мележик К. А., Хлыбова Н. А.

ПРОАКТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
В ИНТЕРНЕТ-АККУЛЬТУРАЦИИ СТУДЕНТА.....78

Миколайчик М. В.

АВТОРСКОЕ «МЫ» И «Я» В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ
НАУЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ И БИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....87

Петренко Д. А., Чернышова М. В., Лихачёв Э. В.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ
В УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....96

**3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Литвякова Т. А. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА).....	103
Чепурина И. В., Адылова Л. Э. ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	113
Чернявская Я. Л. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	124

**4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Ачилова Е. Л., Кондратская В. Л. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОВОДЫ В КРЫМСКИХ СПОРТИВНЫХ СМИ.....	136
Булгакова А. А. STORY & HISTORY: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ ЭПИДЕМИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И МЕДИАТЕКСТЕ.....	146
Лучинский Ю. В. ЕКАТЕРИНОДАРСКИЙ ЖУРНАЛ «НА КАВКАЗЕ»: ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	159
Шилина А. Г., Субботина О. А. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЗНАКОВ Z, V, O В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ TELEGRAM-КАНАЛА И VK-СТРАНИЦЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ).....	167
Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш. «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В КРЫМСКОТАТАРСКОМ МУСУЛЬМАНСКОМ ЖУРНАЛЕ «АСРИЙ МУСУЛЬМАНЛЫКЪ» (1924–1927).....	178
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	189